

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**Э.В.МОЛОДЯКОВА,  
С.Б.МАРКАРЬЯН**

**ЯПОНСКОЕ  
ОБЩЕСТВО:  
КНИГА ПЕРЕМЕН  
(ПОЛТОРА ВЕКА ЭВОЛЮЦИИ)**

**МОСКВА 1996**

ББК 633(5Я)  
М 75

### Рецензенты

доктор филологических наук *В.М.Алпатов*

доктор исторических наук *Г.Б.Навлицкая*

Обложка художника *С.С.Петрова*

**Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б.** Японское общество: книга перемен. — М., Институт востоковедения РАН, 1996 — 256 с.

Монография посвящена анализу радикальных социальных, политических и культурных перемен, которые произошли в японском обществе за неполных полтора столетия — от реставрации Мэйдзи до наших дней. Подобное комплексное междисциплинарное исследование этих проблем предпринимается в отечественной литературе впервые.

© **Э.В.Молодякова,  
С.Б.Маркарьян, 1996**

© **Институт востоковедения РАН, 1996**

ISBN 5-89292-017-3

Мирна радуга для них явилась,  
Половиной в древность наклонилась,  
А другой — в потомстве оперлась...

*Петр Словцов, XVIII век*

## ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов ..... 7

## Раздел I

## Предпосылки и ход модернизации

|                  |                                                     |           |
|------------------|-----------------------------------------------------|-----------|
| Глава первая.    | <b>Базовые элементы формирования общества .....</b> | <b>10</b> |
| Глава вторая.    | <b>Размышления о процессе модернизации .....</b>    | <b>35</b> |
| Глава третья.    | <b>Послемэйдзийская модель развития .....</b>       | <b>52</b> |
| Глава четвертая. | <b>Модернизация в условиях демократии .....</b>     | <b>71</b> |

## Раздел II

## Основные черты современного общества

|                                                                            |     |
|----------------------------------------------------------------------------|-----|
| Глава пятая. <b>Эволюция ценностных ориентаций</b> .....                   | 98  |
| Глава шестая. <b>Социальные связи в семье и на предприятии</b> .....       | 116 |
| Глава седьмая. <b>Деревенские и городские<br/>локальные общества</b> ..... | 141 |
| Глава восьмая. <b>Среда обитания</b> .....                                 | 161 |
| Глава девятая. <b>Качество жизни</b> .....                                 | 187 |
| Глава десятая. <b>Досуг в понимании японцев</b> .....                      | 210 |
| Вместо заключения .....                                                    | 233 |
| Глоссарий .....                                                            | 237 |
| Библиография .....                                                         | 242 |
| Summary .....                                                              | 250 |

## От авторов

В современных условиях, когда самые различные народы сознают потребность заявить о своей этнической уникальности, обращение к проблемам формирования японской личности и общества представляется исключительно важным, прежде всего ввиду грандиозных успехов этой нации во многих сферах деятельности.

Феномен Японии — слова весьма расхожие в последние два-три десятилетия. Ведь каждая страна в своем роде уникальна. Но почему только к Японии пристало понятие «феномен», почему она привлекает к себе внимание не только исследователей, политиков, экономистов и журналистов, но и простых людей. Видимо, выбор и сочетание факторов, обеспечивающих уникальность страны, были здесь более благоприятными, чем в других государствах.

Всем странам на определенном этапе развития свойственны общие закономерности. Однако проявление их неоднозначно: они трансформируются под воздействием экономических, политических, социальных, социопсихологических, религиозных факторов. Каждый народ находит свой отклик на общие закономерности, на чужой опыт. Откликом японцев был процесс ускрренной модернизации.

Хотя о японском чуде заговорили лишь в 60-е годы нашего столетия, корни его уходят в прошлое. Прежде всего следует отметить своеобразие самого общества, на формирование которого оказали влияние специфика островного положения страны, природные условия, история с ее эпохой изоляции от внешнего мира и последовавший за ней период ускоренного развития, принесший невиданные нигде плоды, социопсихологические особенности японцев, сложившиеся в результате взаимодействия и взаимопроникновения синтоизма, буддизма и конфуцианства, этническая однородность нации, а также уважение своей истории и традиций.

Исторического и исследовательского материала, который, казалось бы, дает полную возможность нарисовать картину формирования общества, достаточно много. Тем не менее до сих пор нет целостного представления о том, как складывались специфические черты японского этноса, что представляли собой базовые элементы общества что и было движущей силой его развития. В данной работе этот вопрос рассматривается преимущественно в плане теоретическом, а не конкретно фактографическом, в рамках этнологии, а не этнографии, антропологии и археологии. Используя данные этих дисциплин как базу для исследования, мы оставляем их за скобками, будучи ограниченными как конкретным предметом изучения, так и жанром и объемом настоящей работы.

Осмысление процессов развития общества требует, безусловно, комплексного подхода, охватывающего все аспекты его жизнедеятельности как на макро, так и на микроуровне. Другими словами, речь идет не только об анализе таких обобщающих понятий, как способ производства, классы, но и об изучении малых групп — семьи, семейного производства, локального общества, предприятия, — в которых конкретно протекает жизнь людей. Речь идет об изучении не только социально-экономических параметров, но и социопсихологических и культурных характеристик. Поэтому в данном исследовании приоритет отдается цивилизационному подходу, в центре которого стоит человек, его ценности, в то время как при формационном доминантой является экономика. Однако в целом формация и цивилизация по своему содержанию понятия достаточно однородные, ибо включают в себя основные формы человеческого бытия.

Для анализа поставленной проблемы наиболее продуктивным представляется использование системного подхода, впервые примененного отечественным историком Л.Н.Гумилевым для исследования возникновения и развития этноса. Этот подход вполне можно распространить и на изучение общества. Суть системного анализа состоит в том, что при исследовании внимание сосредоточено прежде всего на связях компонентов, явлений, личностей, а не на них самих. По определению американского ученого Л. фон Берталанфи, впервые сформулировавшего это понятие, «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии»<sup>1</sup>.

Методика системного подхода предусматривает деление на два типа систем — жесткие и дискретные (корпускулярные). В свою очередь эти системы могут быть открытыми или замкнутыми. Отсюда возможны их четыре разновидности: жесткая открытая система, жесткая замкнутая, дискретная открытая и дискретная замкнутая. Но, безусловно, каждая система в чистом виде не существует ни в одном обществе. Японский этнос и общество с наибольшей долей приближения укладывается в замкнутую систему дискретного типа. В этом случае нет жесткой связи между всеми элементами, которые тем не менее нуждаются друг в друге. «Именно как системы такого типа существуют в биосфере природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя («мы») всем другим коллективам (не «мы»). Это явление противопоставлений связывает социальные формы со всеми природными факторами. Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует ее в свою культуру»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Берталанфи Л. Общая теория систем — критический обзор. Л., 1969, с.28.

<sup>2</sup> Гумилев Л.Н. Этнотипы и антиэтносы. Главы из книги. Журнал «Звезда», 1990, № 2, с.121.

Задумывая данную работу, мы, прежде всего, еще раз обратились к трудам отечественных исследователей по истории и культуре Японии. Надо отдать должное, что в их фундаментальных трудах глубоко проанализированы отдельные аспекты жизни общества в прошлом и настоящем. Минуло уже не одно десятилетие после выхода в свет фундаментальных трудов академика Н.И.Конрада, а его книги до сих пор продолжают будить мысль ученых. Замечательная плеяда неординарно мыслящих японоведов — С.А.Арутюнов, А.Л.Гальперин, В.Горегляд, Е.М.Пинус, А.Е.Глускина, Т.П.Григорьева, Л.М.Ермакова, А.Н.Игнатович — глубоко проработала те или иные проблемы, связанные с эволюцией японского социума. Проблемы экономики, политики, общественной мысли нашли свое отражение в достаточно многочисленных коллективных и индивидуальных монографиях. Много любопытного можно найти и в трудах американских и западноевропейских японоведов, внесших достаточно весомый вклад в изучение данной проблемы. Ни один исследователь не может пройти мимо работ Т.Бестора, Е.Вогеля, К.Вольферена, Р.Дора, Г.Куртиса, Ф.Мараини, Б. де Мента, Э.Рейшауэра.

Безусловно, основной базой для работы послужили материалы разного рода социологических обследований и аналитические труды японских социологов и историков — Дои Такэо, Исида Такэси, Иэнага Сабуро, Маруяма Масао, Нагата Хироси, Наканэ Тиз, Номэ Сэйроку, Фукутаке Тадаси, Янагида Кунио. К ним обращаются японоведы всех стран. Следует заметить, что японские ученые в свою очередь широко используют достижения мировой науки в области социологии. В их трудах постоянно встречаются ссылки на капитальные исследования, например, М.Вебера, Ф.Тенниса или М.Элиаде. Действительно, их работы, а также М.Бахтина, Л.Берталанфи, Д.Гэлбрейта, Р.Генона, Л.Гумилева, А.Лосева, В.Парето, помогают осмыслить многие процессы, происходящие в японском обществе. Используя все богатство предыдущих исследований, авторы постарались дать обобщенную картину эволюции этого общества.

# Раздел I

---

## ПРЕДПОСЫЛКИ И ХОД МОДЕРНИЗАЦИИ

---

### Глава первая БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

Пространство, географическое положение, ландшафт — объективная реальность бытия. Значимость мифологизированной истории. Религии и религиозно-философские учения — синтоизм, буддизм, конфуцианство, даосизм. Концепция традиции. Поведенческие характеристики японцев. Моральные нормы отношений. Группа — основная ячейка общества. Взаимодействие конформизма и конкуренции — движущая сила развития.

При характеристике параметров любого общества следует учитывать всю совокупность природных, географических, биологических, социально-экономических, политических и культурных категорий, ибо человек обитает в природной и социальной среде и одновременно принадлежит этносу и социуму. До настоящего времени как у отечественных, так и у зарубежных ученых не сложилось еще единого мнения относительно понятия этнос. На наш взгляд, наиболее оптимальным является определение, данное Л.Гумилевым: «Этнос... — коллектив..., имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос — это элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям»<sup>1</sup>. Он существует в историческом пространстве, а через свою производственную деятельность взаимодействует с природной средой.

Каждый этнос, народ и государство находятся в определенном пространстве, которое включает географическое положение, ландшафт и

---

<sup>1</sup> Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989, с.56.

этническое окружение. Характер этого пространства накладывает отпечаток на географическое сознание, мироощущение и мировосприятие, другими словами, на этнопсихологический настрой народа, а на более высоком уровне формирует в известной мере и его политическое сознание. Природная среда оказывает чрезвычайно сильное влияние на хозяйственную деятельность общества, его уклад, определяет направление развития. На протяжении многих веков философы, ученые, политики обращали внимание на воздействие географических факторов на все стороны развития общества, что впоследствии получило название географического детерминизма. Пожалуй, первыми, кто обратил внимание на влияние этого фактора на социальное существование человека, были греки — Платон, Аристотель, Полибий. Вслед за ними шли римляне — Цицерон и в большей степени Страбон.

Географическое положение (суша — море, остров — континент) напрямую соотносится со спецификой каждого этноса. Из всех составляющих географической среды с его возникновением и существованием наиболее тесно связан ландшафт. Он фактически является неотъемлемой частью этнической системы, и каждый этнос адаптируется к природному окружению. Но приспособляясь к ландшафту, человек одновременно использует его для своих потребностей. Он творчески подходит к изменению окружающей среды, создавая уже антропогенный ландшафт (архитектура городов, поселений, плотины, дамбы, дороги и пр.), который в значительной мере зависит от характера деятельности каждого этноса.

Не менее важную роль играет и климат. Об этом писали французские мыслители Жан Боден и Шарль Луи Монтескье. Причем последний связывал этот фактор непосредственно с особенностями государственного устройства и политической культурой различных народов. Это были предшественники создателей современной геополитики, которые развили эти положения дальше. В частности, немецкий географ Карл Риттер поделил географическую среду на континентальную и водную. А всемирно известный путешественник А.Гумбольдт и английский социолог Г.Бокль связывали природное окружение со стереотипом мышления и моральными ценностями. Другими словами, они подходили к проблеме влияния географической среды на формирование менталитета.

Менталитет японцев, в отличие от народа другой классической островной страны — Англии, можно скорее определить как континентальный (впервые эту мысль высказал один из основоположников геополитики К.Хаусхофер). Действительно, Япония на протяжении веков, несмотря на островное положение и небольшую территорию, ощущала себя как теллурократическое, т.е. континентальное государство. 250-летняя изоляция страны, которой так много уделяют внимания, говоря о своеобразии ее исторического пути, была необходимым тактическим хо-

дом, обеспечившим национальную независимость. В то же время Англия не мыслила себя иначе как талласократическая, т.е. великая морская держава. Хотя ни тот, ни другой случай нельзя абсолютизировать.

Российский исследователь древней Японии М.В.Воробьев удачно отразил это положение. Он констатировал, что привязанность к континенту «имела для Японии большее значение, чем изоляция, столь часто отмечаемая»<sup>1</sup>. Япония всегда проявляла чрезвычайно большой интерес к проблемам континента, не говоря уже о заимствовании достижений китайской цивилизации. До нового времени она никогда не имела сколько-нибудь значительного государственного морского флота, хотя известно, что японцы не раз предпринимали попытки совершить походы на континент, в частности в Корею, а японские пираты поднимались вверх по Янцзы. По свидетельству крупнейшего японского этнолога Янагида Кунио, его народу издревле была свойственна тяга к поиску чего-то нового за морем. Он считает, что в основном японцы стремились плыть в южном направлении, что это было своего рода магией. Возможно — это генетический код, свидетельствующий о предках, пришедших с Южных морей. Англия, в свою очередь, владела землями на континенте и принимала непосредственное участие в жизни его стран, неоднократно подвергаясь завоеваниям, чего избежала Япония в силу географического положения. Водное пространство, отделявшее ее от континента, было достаточно велико для массового переселения и широкомасштабных военных вторжений (это не Ла-Манш!), но в то же время не являлось непреодолимой преградой для приобщения к достижению континентальной культуры.

Островное положение Японии испокон веку рождало в сознании ее народа ощущение единственности в мире, и борьба за власть здесь шла в пределах одной страны (не было перекраивания земель между государствами, как это делалось в Европе. Возможно, с этим связано и отсутствие традиции возведения крепостных стен вокруг японских городов). В значительной степени это предопределило в числе других факторов формирование концепции уникальности этой нации.

Впоследствии реставрация Мэйдзи (1868) и связанные с ней модернизация и европеизация внесли серьезные коррективы в континентальный менталитет японцев, который формировался, в первую очередь, глубинным долговременным влиянием Китая, а в последние 100-150 лет и Евразии в целом. Но это влияние — в отличие от континентального на Англию — осуществлялось до середины XX в. мирным путем. В этом, очевидно, и заключается причина, казалось бы, парадоксального явления.

---

<sup>1</sup> Воробьев М.В. Япония в III-VII вв. М., 1980, с.29.

Возникновение японского этноса подтверждает вполне справедливое замечание Л.Гумилева, что этносы зарождаются там, где природные условия разнообразны. Японские острова вытянулись с севера на юг тонкой цепочкой на протяжении около 4 тыс. км. Отсюда удивительно богатое сочетание природных и климатических условий, ярко выраженное изменение температуры, ветров и осадков в зависимости от места и времени года. Японцы издревле склонны были восхищаться природными явлениями, видя в этом неповторимое очарование. «Мое единственное желание в жизни — видеть красоту меняющихся сезонов», — писал японский поэт Камо-но Тёмэй (1155-1216). Соотнесённость жизни человека с природой — один из ведущих эстетических принципов японской культуры. Природа — «это то, что (по образным словам другого великого японского поэта (XVII в.) Мацуо Басё) роднит все... виды искусств». С ней связано и большинство традиционных праздников. Более того, и в быту поведение японцев и их настроение, одежда часто гармонируют с временами года, т.е. с природой.

Разнообразие ландшафта и климатических условий, как уже отмечалось, самым непосредственным образом влияет на характер хозяйствования. Достаточно упомянуть сельский пейзаж с его небольшими клетками залитых водой рисовых полей и возделанными террасами на горных склонах, ставшими символами Японии. Во взаимодействии с ландшафтом у японцев достаточно рельефно просматривается не только потребительское, но и охранительное отношение. Об этом свидетельствует, в частности, возникновение и довольно успешное разрешение проблемы защиты окружающей среды.

Восприятие рельефа, климата и сезонных явлений находит всеобъемлющее отражение в культуре. Потому что, по точному замечанию французского культуролога О.Берка, в японском мирозерцании культура, особенно произведения искусства, воспринимаются как высшее выражение природы, а она сама — как завершение культуры. Природа в его понимании есть «то, что не имеет смысла ни благодаря человеку, ни для него и тем не менее присутствует в человеке и вокруг него»<sup>1</sup>. В подтверждение такой точки зрения автор приводит, в частности, понятие *фудо*, означающее одновременно и климат, и состояние нравов. Неразрывность культуры и природы наиболее наглядно можно заметить в искусстве разбивки японских садов и градостроительстве, основной принцип которых создание подобия природных ландшафтов. При этом зачастую отдельные элементы садов являются точной копией какого-нибудь уголка природы. Например, пруды в саду храмов Сайходзи (Храм мхов) и Кинкакудзи (Золотой павильон) в Киото повторяют небольшое озеро у подножья горы Ходока в преф. Нагано. Японские

---

<sup>1</sup> Berque A. La Sauvage et l'artifice: Les japonais devant La nature. Paris, 1986, с.16.

градостроители во многом стараются следовать естественной топографии местности, что ведет к хаотической застройке, к стремлению вписывать здания в окружающий ландшафт. В целом понятие природы у японцев имеет этико-эстетический характер.

Понять суть японского общества невозможно без учета также его мифологизированной истории. Речь идет о космогонических мифах, повествующих о происхождении мира, об «эре богов», космологических легендах, рассказывающих о дальнейшем устройстве этого мира и возникновении Японии. «Миф является истинной историей, которая произошла в начале времени и которая служит моделью человеческого поведения... Мы всегда современники какого-либо мифа, когда его рассказываем и когда имитируем жесты или поступки мифических персонажей», — писал крупнейший современный специалист по вопросам истории религии Мирча Элиаде<sup>1</sup>. Подражание действиям богов, демонов или героев способствовало сакрализации человеческого существования и космоса и как бы давало человеку власть над миром.

Не менее важным для мировоззрения японцев оказалось понятие стихий или первоэлементов (вода, огонь, земля, дерево, металл), присущее китайской философии, а также категории сакральной географии — суша-море, гора (как самая чистая часть земли и место ее соединения с небом) и восприятие Востока как *ян* и Запада как *инь*, согласно китайской традиции единства противоположностей.

Содержание японских мифов, легенд, древних преданий, как и у других народов, служит отражением взаимоотношений древних людей с силами природы, а также таких важнейших событий в их жизни, как смена матриархата патриархатом, формирование семьи и общества, норм поведения, возникновение государства, т.е. исторических событий, изложенных в хронологическом порядке. Запись мифов в сборник Кодзики (Записи о деяниях древности, VIII в.) производилась непосредственно по инициативе императора Тэмму, ощутившего необходимость укрепления императорской власти не только военным или экономическим, но и идеологическим путем. В этом источнике прослеживается идея преемственности от богов-демиургов к земным, а от них — к легендарным императорам и далее к предкам ныне здравствующим.

Как пишет академик Н.И.Конрад, «Устанавливая приоритет императорского дома, бывшего по существу лишь одним из наиболее могущественных среди всех прочих домов родовых старейшин, Кодзики способствует централизации государственной власти в Японии, помогает идеологически тому процессу, который уже шел полным ходом в областях экономической и политической. Наделяя монархов божественным происхождением от самой Аматаэрасу, Кодзики делает возможным

---

<sup>1</sup> Элиаде М. Космос и история. М., 1987, с.14.

установление прочного общегосударственного культа, как средства той же централизации общего «огосударствления» Японии. Кодзики укрепляет позиции центральной власти и исторически, и политически, и религиозно»<sup>1</sup>.

Основу мифологизированной истории страны составляет концепция появления ее островов, людей, а затем и государства не в результате творческого акта богов (как это постулировано в религиях единобожия), а в результате рождения, т.е. естественного акта. Поэтому японские теологи идентифицируют первоначальные отношения богов и человека как родителей и детей, ибо они связаны единой божественной кровью.

Пользуясь терминологией М.Элиаде, японская мифология обладает биокосмической перспективой. Эта концепция утверждает тесные связи между таким происхождением страны и светской властью с момента ее зарождения. «Японская мифология, — пишет социолог Исида Такэси, — рассматривает вселенную как естественно сформированное органичное бытие, впитавшее в себя светскую политику и биокосмическую энергию, позволяющую ей самостоятельно развиваться»<sup>2</sup>.

Проявлением светской власти в этом контексте является теория сакральности императора, стремление провести к нему прямую линию от богов — создателей островов. Японские космогонические мифы соответствуют одному из основополагающих понятий сакральной географии — суша-море, о котором уже говорилось. Японские острова были созданы двумя верховными богами местного пантеона — Идзанаги и Идзанами. Дочь Идзанаги — Аматаэрасу — богиня солнца (олицетворение природы), прародительница японской нации становится покровительницей земледелия. В своих небесных владениях она возделывает рисовое поле, как это до сих пор делают и простые землепашцы, и император, чья родословная восходит к этой богине. Произошло соединение богов с предками людей. В результате чего в национальной религии — *синто* (путь богов) оформились два достаточно отличных друг от друга аспекта — народные верования и культ царственных предков. Последний аспект послужил основой для складывания в позднее средневековье самобытной японской идеи и ее использования. В японской мифологии находит подтверждение суждение выдающегося отечественного философа А.Ф.Лосева о том, что «миф — необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это — под-

---

<sup>1</sup> Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках. М., 1991, с.61, 62.

<sup>2</sup> Ishida Takeshi. The Integration of Conformity and Competition. Tokyo, 1980, с.14.

линная и максимально конкретная реальность»<sup>1</sup>. В этой связи трудно удержаться, чтобы не привести слова исследователя русского фольклора В.Я.Проппа: «...В мифе, в отличие от сказки, все действующие лица и все места, где происходит действие, имеют названия»<sup>2</sup>.

Император как первосвященник *синто*, обладающий магической силой общения с божествами, сохранял свое место в иерархии общества, даже будучи отстраненным от политической власти. Во многом это способствовало сохранению роли национальной религии как общей для всех японцев идеологии даже в период укоренения и широкого распространения буддизма и конфуцианства.

Религии и религиозно-философские учения, определяющие в значительной степени направленность действий людей и, по М.Веберу, являющиеся своего рода «вектором их социального поведения», — важнейший элемент характеристики общества. По мнению М.Вебера, религии и морально-этические учения разделяются по их отношению к жизни на три группы: приспособляющиеся к миру — конфуцианство, даосизм, убегающие от мира — буддизм и индуизм и овладевающие миром — иудаизм и христианство. «В каждом из этих способов отношения к миру уже заключен, как в зародыше, соответствующий «образ» и «стиль жизни» людей — этически определенная модификация формы их существования»<sup>3</sup>.

Первоначально *синто* в строгом смысле слова не являлся религией. Он представлял собой своего рода мозаику из разнообразных верований, культов, ритуалов и этических норм, которые пронизывали повседневную жизнь того времени. Его можно рассматривать скорее как форму мировосприятия и мироощущения.

В основе синтоизма лежат древние магические обряды, призванные обеспечить богатый урожай. Некоторые японские ученые, например, известный историк и культуролог Иэнага Сабуро, рассматривает сложившуюся еще в первобытном обществе систему земледельческих обрядов и празднеств как национальную религию<sup>4</sup>. Эта религия основывалась на ритмически сменяющихся друг друга циклах выращивания и сбора урожая риса, весенних и осенних сельскохозяйственных праздниках. Она и послужила базой *синто*, оформившегося позже в национальную религию японцев.

Согласно *синто*, мир населен мириадами божеств — *ками*. Ими может быть любой материальный или нематериальный объект. *Ками* —

---

<sup>1</sup> Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990, с.397.

<sup>2</sup> Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984, с.238.

<sup>3</sup> Давыдов Ю.Н. «Картины мира» и типы рациональности. В кн. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с.762.

<sup>4</sup> Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972, с.34.

это души умерших предков, духи земли, различные стихии. Ими могут быть мифологический герой, великий правитель или мудрец, камень или дерево, животное или насекомое, лесное эхо, небесный гром. Все *ками* почитаются как божества. В глубокой древности синтоистскими святилищами были дерево, камень, море. До сих пор ими являются — водопад Нати и гора Мива, перед которыми сооружены *тории* (ворота перед синтоистским святилищем), как и полагается перед настоящими храмами.

Издrevле японец жил в окружении божеств и воспринимал их путем общения с природой, через национальные праздники, обряды и обычаи, т.е. традицию, а не благодаря упражнениям в катехизисе и занятиям в воскресных школах. *Синто*, как и многие другие религии, укоренился в жизни народа в значительной степени в результате того, что вообрал в себя все богатство праздников и обрядов трудового календаря. Все живущие на определенной территории (поселок, деревня, городок) общались с богами в местном храме. При этом каждое святилище имело своего местного бога-покровителя *удзигами* (*удзи* — род) и выступало организующим началом жизни замкнутой группы.

С древних времен в воззрениях *синто* присутствовала идея государственности. Как уже говорилось, согласно мифологии, *ками* выступали творцами не только земли и людей, но и императора и государства. Японцы на протяжении веков сжились с легендой о божественном происхождении своих островов и непрерывности императорской династии.

Одна из составляющих *синто* — культ природы — родилась в значительной степени из традиционно уважительного отношения японцев к природе, о чем уже говорилось. Согласно *синто*, природный объект персонифицировался как святой или как обожествленный, а природные явления приписывались деятельности богов. Магические культовые обряды этой стороны *синто* преследовали посясторонние цели: регулирование погоды, обеспечение плодородия и других материальных благ, исцеление от болезней, изгнание злых духов и прочее, т.е. «относительно рациональное», по М.Веберу, действие.

Второй составляющей является культ предков, иррациональная, но имеющая огромную социальную силу, сторона *синто*. В этом культе отражалась иерархическая структура реального общества. «Отношение японской религии к миру как к конечной реальности содержит зерно двух различных направлений веры и поклонения: одно обращено к природе как загадочному источнику всей жизни и щедрому дарителю изобилия; другое — к сонму предков, присутствие которых продолжает ощущаться в этом материальном мире»<sup>1</sup>. Обожествленные души вы-

---

<sup>1</sup> Мараини Ф. Япония. Образы и традиции. М., 1980, с. 14.

дающихся исторических личностей «продолжают существовать» среди живых. По всей стране почитаются храмы бога Тэндзин (небесный бог) — Тэммангу, посвященные крупному государственному деятелю, выдающемуся ученому, поэту и каллиграфу Сугивара Митидзанэ (IX в.).

В синтоизме нет строго разработанных канонов и догм, у него нет конкретных основателей и пророков, что является неотъемлемым свойством любой мировой религии. В этих религиях с выдвиганием на первый план индивидуального начала ритуально-культовая сторона, связанная с групповыми формами существования общества, отходит на второй план. В синтоизме же она остается преобладающей. В целом для него характерен сравнительно низкий теоретический уровень, а в его верованиях нет элемента всеобщности. Своего рода «священным писанием» *синто* являются упоминавшиеся Кодзики. Синтоизм принадлежит только японцам.

Отсутствие канонов, догм и доктрин в синтоизме делало его открытым для восприятия буддизма, конфуцианских и даосских морально-этических норм, а позднее и христианства. Именно буддизм и вся континентальная культура в целом оказали влияние на формирование синтоизма уже как религии. Буддизм проник в Японию в VI в., в контексте континентальной культуры. Он представлял собой сложную систему, состоящую из многих подсистем — религиозной, культовой, философской, политической. По мере распространения на первый план выдвигались подсистемы, способствовавшие приспособлению его к местным условиям<sup>1</sup>. В Японии правящие круги увидели в нем идеологическую опору создания централизованного государства. Отсюда тесная связь японского буддизма с государственной властью. «Буддийская церковная иерархия — монахи и прелаты разных степеней, — писал Н.И.Конрад, — представляла для Японии готовую модель феодального общества. Буддийские храмы и монастыри могли стать опорными пунктами для установления централизованной системы управления. Недаром в дальнейшем в Японии церковное и административное районирование страны полностью совпадало»<sup>2</sup>. Распространению буддизма способствовало и то обстоятельство, что одновременно с ним в страну не было «ввезено» другой конкурентоспособной идеологии на правительственном уровне, как справедливо отмечает исследователь японского буддизма А.Н.Игнатович<sup>3</sup>.

Буддизм удачно соединился с местными верованиями японцев. Он не был воспринят как абсолютно чуждый элемент, поскольку вовлекая людей в свою орбиту, не требовал от них отказа от прежних верований. Кроме того, в японском варианте были смягчены некоторые уни-

---

<sup>1</sup> См. подробнее Буддизм в Японии. М., 1993.

<sup>2</sup> Конрад Н.И. Избранные труды. М., 1974, с.67.

<sup>3</sup> Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1988, с.57.

версалистские элементы, и он стал близок к существующему социальному порядку и традиционной системе ценностей<sup>1</sup>.

Более того буддизм дополнил местные культы рядом этических понятий, которые в них отсутствовали. Сверхъестественный элемент в его литургической практике во многом был близок национальной религии. Кроме того, несмотря на отсутствие в японской традиции веры в трансцендентное (у японцев достаточно земной склад ума), они охотно приняли буддизм. Точкой соприкосновения обеих религий было и их сходное отношение к предкам. Согласно синтоизму, души ушедших «остаются» с живыми на земле, а в буддизме, хотя они и уходят в «чистую землю», затем перевоплотившись в других людей, возвращаются.

В Японии утвердился буддизм махаяны, в котором одной из центральных фигур является бодхисатва — живое существо, достигшее просветления и помогающее другим выйти на путь спасения. Бодхисатвой, согласно этому учению, может стать любой человек, стремящийся достичь совершенства упорнейшим трудом. В буддизме махаяны большую роль играла культовая сторона, которая как раз и была близка японским *мацури*, обозначавшим понятия «почитание», «поклонение», «служба», «культ», а в дальнейшем «праздник». С этим словом в старину были связаны все действия, совершаемые для умиротворения божеств (подношения даров, в том числе съедобных, танцы, музыка), т.е. ритуал.

Из всех буддийских сект на японской земле активной всех, пожалуй, распространилась Дзэн, пришедшая из Китая. В XII-XIII вв. она столь японизировалась, что позже стала восприниматься как чисто японское явление. Ее учение оказалось столь популярным у японцев ввиду близости к их мировосприятию: постижение истины возможно лишь через созерцание, медитацию, самоуглубление. Только таким путем можно достигнуть *сатори* — просветления и познать «истину Будды». Путем дзэнских тренировок человек может достигнуть нирваны и в реальной жизни, а не только в «чистой земле». Это мог сделать каждый, и отсюда необычайный успех дзэн-буддизма. Особенно большую популярность он получил в период позднего средневековья среди самурайского сословия. Самураям-воинам импонировали его аскетизм, жесткая самодисциплина, постоянная психическая тренировка, готовность к преодолению трудностей и подвигу. На основе положений дзэн-буддизма был разработан моральный кодекс самурайства — Бусидо.

Достаточно мирное сосуществование этих двух религий привело к синто-буддийскому синкретизму; скорее не на доктринальном уровне, а в сфере ритуала и праздника. В нем сохранялся религиозный, эзотерический, мифологический характер. Главным в духовной сфере было

---

<sup>1</sup> Morioka Kiomi. Religion in Changing Japanese Society. Tokyo, 1957, с. 7.

признание общеизвестных японских божеств «временными проявлениями» бодхисатв. Материальным воплощением такого синкретизма было создание по всей стране синто-буддийских храмов и иконографии синтоистских божеств, до прихода буддизма отсутствовавшей. Синтоистский бог Хатиман, например, часто изображался в обличье буддийского монаха, а бодхисатвы — в синтоистских одеяниях. В некоторых святилищах поклонялись одной из самых популярных бодхисатв — Одинадцатиликой Каннон<sup>1</sup>. Это китайско-корейско-японская форма санскритского Авалокитешвары — божества милосердия и сострадания в буддийском пантеоне.

Кроме того, нередко на одной территории располагаются буддийский храм и синтоистское святилище. Например, в г.Амагасаки (преф. Хёго) на одной огороженной территории соседствуют буддийский храм Косайдзи, на кладбище которого находится могила известного средневекового драматурга Тикамацу Мондзаэмона, и синтоистское святилище Мёкэндэ. Каждый храм сразу можно узнать по различной архитектуре ворот. К синтоистскому святилищу ведут *тории*, к буддийскому — *мон*.

Синто-буддийский синкретизм весьма наглядно проявился в календарных обычаях и обрядах японцев. Такие, казалось бы, чисто буддийские ритуальные церемонии, как проводящиеся во время недель Хиган, на которые приходятся Дни весеннего и осеннего равноденствия, или Обон (День поминовения усопших), впитали в себя элементы синтоизма. Изнага Сабуро отмечает, что «церемония праздника Обон, когда, как считается, души предков выходят из могил и возвращаются домой, совершенно не поддается объяснению с точки зрения догматов буддизма... Это явно обряд национальной религии, облаченный в буддийские одежды»<sup>2</sup>. Мирное сосуществование буддизма и синтоизма явилось также результатом присущего японцам прагматизма. Обе религии нуждались друг в друге: буддизму нужна была широкая народная поддержка, а *синто* — «благосклонность» религии, поддерживаемой правящими кругами.

Однако внутри синкретизма, начиная с IX в., существовала оппозиция со стороны адептов *синто*, стремившихся обосновать почитание исключительно местных божеств, осмыслить представление об «эре богов», что впоследствии привело к государственному синтоизму, оформившемуся уже к концу периода Токугава (1603-1868) как система доктрин, но официально утвердившемуся в этом качестве только после реставрации Мэйдзи. Это было связано с ослаблением влияния буддиз-

---

<sup>1</sup> Noma Seiroku. The Arts of Japan. Tokyo, 1964, с.121; Янагида Кунно. Бунруй сайси сюдзоку гон (Японские праздники и обряды). Токио, 1969, с.158.

<sup>2</sup> Изнага Сабуро. История японской культуры. М., 1962, с.39.

ма в стране, с выходом *синто* из его подчинения (поклонение в своих собственных святилищах), утверждением концепции монархического правления.

Пришедшее одновременно с буддизмом конфуцианство не представляло собой первоначально самостоятельное мировоззрение и философскую мысль, но стало важнейшим элементом воспитания, способствовало утверждению китайских государственных институтов и идеологии. Сначала его широкое распространение среди японской аристократии в период Хэйан (IX-XII вв.) было своего рода реакцией на засилье буддизма в защиту *синто*. Но тем не менее складывался синто-буддийско-конфуцианский синкретизм. С *синто* его сближало почитание предков и прежде всего правителя страны — императора.

Как самостоятельная идеология японское конфуцианство утвердилось в период Токугава. Оно сложилось в условиях развития городов, среди самурайства и характеризовалось религиозной (нередко сочетаясь с *синто*), этической и социально-экономической (теория управления государством и подданными) направленностью. Хотя конфуцианство и утверждало самостоятельность разума по отношению к вере, оно не опиралось на достижения естественных наук, а служило, главным образом, сохранению существующего строя с его иерархией, слепо придерживаясь традиционных китайских доктрин.

Укоренение конфуцианства было связано с потребностью развитого феодального общества утвердить — в отличие от диктуемого буддизмом иллюзорного восприятия мира — новые взаимоотношения людей, более сложные образцы поведения, нормы и ритуалы. Конфуцианство исходило из «трех основ», которые предусматривали три типа основных взаимоотношений, на которых должны зиждиться устои общественного порядка. Это были отношения государя и подданных, родителей и детей, мужа и жены. Согласно конфуцианству отцу вменяется в обязанность исполнение долга, матери — проявление заботы, старшему брату — дружеское участие, младшему послушание, детям — почтительность. Ритуал имел объективный характер, ибо его нельзя было вывести из субъективного «врожденного знания» любого человека. Его значимость во всех сторонах деятельности общества сохраняется и по сей день.

Из всех течений конфуцианства японскому обществу наиболее близким оказалось чжусианство с его критическим осмыслением канонических текстов и пристальным вниманием к природным явлениям. Будучи строго систематизированным учением, оно более всего отвечало интересам самурайства, утверждению кодекса морали, основанной на принципах сословности.

Вместе с буддизмом и конфуцианством японцы восприняли и даосизм. Но он не стал идеологическим учением, а вошел в повседневную

жизнь населения, оказав большое влияние на народные верования. Они играли большую роль в повседневной жизни, часть из них сохранилась до сих пор. Достаточно упомянуть о счастливых и несчастливых днях календаря. С даосизмом связано также распространение астрологии, календарных систем и разного рода культовой практики. Например, наиболее известным является культ *косин* — культ Дня обезьяны, который связан с продолжительностью жизни человека. Согласно древним китайским верованиям, в этот день, который бывает шесть раз в году (в японском календаре 60 циклических знаков использовались не только по отношению к годам, но и к дням, поэтому дни недели обозначались названиями животных), божества собирают сведения о состоянии здоровья человека, чтобы скорректировать продолжительность жизни. В Японии этот культ широко ассоциировался не только с долгожительством, но и с защитой урожая, детей, дорог, лошадей и вообще благополучием. *Косин* ассоциировался также с синтоистским божеством — покровителем гор — Сано, а обезьяны были его посланниками на земле. Кроме того, слово *косин* в японском звучании ассоциировалось с понятием «бога счастья» или с легендарным Сарудахико, который привел потомков богини Аматэрасу на землю. В его имя входит слово обезьяна (*сару*). С этим культом связана также легенда о трех обезьянках, одна закрывает лапками уши, чтобы не слышать греховных слов, другая рот, чтобы не произносить их, третья — глаза, чтобы не видеть зла. Таким образом, культ *косин* растворился в различных японских верованиях и, по выражению специалиста по даосизму проф. Кубо Норитада, служит примером того, как даосизм «окультивировался» в Японии<sup>1</sup>.

Бесконфликтное приятие японцами конфуцианства и даосизма легко объясняется их адаптивным мировосприятием, сформированным синтоизмом. В результате, в Японии возникла широкая панорама различных религий. По образному выражению историка Фудзисава Тикао, «Синто — корни и ствол, конфуцианство — листья и ветки, а буддизм — цветы и плоды»<sup>2</sup>. Синтоизм и буддизм существуют как организованные религии. Конфуцианство и даосизм — скорее как морально-этические учения. Народные верования живут в виде сезонных и ежегодных праздников. Позже в эту панораму вписалось и христианство.

В самой же Японии благодаря синтоистскому универсальному релятивизму была подготовлена почва для усвоения столь различных явле-

---

<sup>1</sup> Kubo Noritada. Introduction of Taoism to Japan. In: Religions Studies in Japan. Tokyo, 1959, с.457-465.

<sup>2</sup> Fujisawa Chikao. Zen and Shinto. The Story of Japanese Philosophy. New York, 1959, с.2.

ний. Все они органично вошли в культуру и повседневную жизнь людей. При этом проникновение иноземной культуры не сопровождалось большим числом переселенцев. А те, кто переезжал на острова, поглощались японским обществом. «С древних времен до наших дней японский социум продолжал оставаться единым, состоящим из одной этнической группы — японцев», — пишет японский социолог Наканэ Тиз<sup>1</sup>. Они объединены общей верой — *синто*, верой в то, что богиня Аматэрасу является космическим источником их существования. При этом каждый японец может принадлежать к той или иной конфессии.

Сложившееся к началу XIX в. под воздействием всех вышеизложенных факторов японское общество в немалой степени соответствовало концепции двух традиций — Традиции с большой буквы и с малой. Традиция с большой буквы — тайное (эзотерическое) знание, полученное через Откровение (которое лежит в основе всех религий) и передаваемое путем Посвящения (инициации) из поколения в поколение. Ее нельзя описать словами, она недоступна рациональному познанию. Именно проявлением такой Традиции является идея божественного происхождения японской нации, ее исключительности и сформировавшаяся на этой основе идеология японизма. Синтоизм для Японии и есть Традиция. С маленькой буквы традиция — то, что можно выразить словами, что связано с повседневной жизнью. Иначе говоря, существует Традиция сакральная и традиция профанная.

Традиция сакральная — явление тотальное, т.е. охватывающее не только отдельные стороны жизни, но и всю совокупность земной и космической реальности. Традиция с большой буквы имеет надэтнический универсальный характер. Примером этому служит ярко выраженная сакрально-географическая ориентация на север, присущая как европейской Традиции, так и восточной. Под влиянием китайской север почитался в японском ритуале, как место наивысшей сакральности, поэтому во время церемоний император находился на северной стороне<sup>2</sup>. Другими словами, Традиция является «сверхвременным синтезом всей истины человеческого мира и человеческого цикла»<sup>3</sup>. Традиция с маленькой буквы — это ритуал, мораль, быт, нравы, обычаи. Концепция двух традиций является основой мировосприятия японского общества.

Традиции наиболее полно проявляются в национальном характере японцев и в достаточно стройной системе их ценностных ориентаций. У

---

<sup>1</sup> Наканэ Тиз. Нихондзин то нихон сякай-но токусюсэй ни-цуйтэ. (Японцы и специфика японского общества). Токио, 1972, с.2.

<sup>2</sup> Этот пример взят из кн. «Норито сэммё». Перевод с яп. и комментарии Ермаковой Л.М. М., 1991, с.200.

<sup>3</sup> Генон Р. Кризис современного мира. М., 1992, с.122.

любого народа можно выделить общезначимые черты на макроуровне и на микроуровне — социальные и бытовые. В первом случае у японцев это — трудолюбие, любовь к природе, обостренное чувство прекрасного, чувство национальной гордости и достоинства, готовность к самопожертвованию, практицизм, стремление к заимствованиям. Во втором — высокий уровень дисциплинированности, уважение к старшим по возрасту и положению, чувство долга по отношению к своей социальной группе, а также вежливость, самоконтроль, аккуратность, чистоплотность, воздержанность, любознательность, скромность, терпение, выносливость. Далеко не благоприятные природные условия (тайфуны, цунами, землетрясения и пр.) выработали у них стойкость к перенесению невзгод, коллективизм, взаимопомощь в преодолении стихийных бедствий, оптимизм, мобилизационные способности. Японцам, как известно, в повседневной жизни присущи сдержанность, самоконтроль, умение сохранять спокойствие. Но они отнюдь не равнодушны. «Стоит переступить определенный порог, отметку, температуру, как наступает взрыв, происходит неожиданное превращение нимба спокойного утреннего света в угрожающую корону неистового пламени. Это может случиться во время работы, игры, в спорте, в любви»<sup>1</sup>. Сегодня азартность японцев приносит миллиардные барыши хозяевам игорного бизнеса, о чем речь ниже.

Своего рода религиозное отношение к природе и красоте сделало их чрезвычайно эмоциональными, восприимчивыми к новому и приверженными к старому. Отсюда происходит одна из важнейших черт японского характера — традиционализм, который органично сочетается с рационализмом и практицизмом. Японцы убеждены, что смысл жизни состоит в конкретной деятельности, а не в рассуждениях о трансценденности. Достаточно яркое проявление рационализма и прагматизма в их поведении содействовало даже появлению мнения, что японцам чуждо абстрактное мышление, что они постигают суть вещей не отвлеченно, а только в их конкретной целостности.

Проведя компаративистское исследование сути культур ряда азиатских стран, профессор Наканэ Тиз пришла к выводу, что в отличие от народов Китая и Индии, чье поведение детерминировано определенными социальными принципами и философскими доктринами, японцы, как и народы Юго-Восточной Азии, действуют в соответствии с обстоятельствами. Способность приспосабливаться к любой ситуации (от межличностных контактов в семье до международных дел), гибкость японцев О.Берк определяет как «коллективную субъективность». По его мнению, истоки ее лежат в синтоизме, который отдает приоритет природе, самоочевидному опыту и не выделяет субъект из мира явле-

---

<sup>1</sup> Мараини Ф. Цит.соч., с. 70.

ний. Он познается интуитивно и эмоционально. Японцы не подчиняют себе окружающий мир, а адаптируются к его изменениям<sup>1</sup>. В то же время в силу разного рода регламентаций, определяющих жизнь общества, они в отдельных конкретных случаях склонны ожидать строго определенного развития ситуации, и любая неординарность ставит их в тупик.

На духовный мир и культуру японцев оказал огромное влияние буддизм. Он укрепил в народе стойкость по отношению к превратностям судьбы, вселил дух самопожертвования, воспитал самообладание, сдержанность и терпимость. Именно буддийское учение о бренности мира, о циклах рождений и перерождений, о космической судьбе за пределами нашего мира послужило основой такого мироощущения и мировосприятия. Еще в XI в. уже упоминавшийся поэт Камо-но Тёмэй писал, что все в мире преходяще и в то же время непрерывно. События человеческой жизни он уподобляет водам реки. «Они непрерывны; но они — все не те же, прежние воды. По заводям плавающие пузырьки пены... они то исчезнут, то свяжутся вновь... В этом мире живущие люди и их жилища... им подобны... По утру умирают, по вечерам нарождаются... — порядок такой только и схож, что с пеной воды»<sup>2</sup>.

Таким образом, понятие времени децентрировано и многозначно. Такой же подход у японцев и к понятию пространства, что нашло отражение в неупорядоченном градостроительстве и асимметрии в архитектуре, о чем уже говорилось. Буддизм дает также возможность понять японскую философию, литературу, искусство, театр и другие аспекты культуры, в которых наиболее ярко проявляется душа народа.

Конфуцианство послужило основой этических норм, играющих чрезвычайно большую роль в японском обществе. Они базировались на пяти его принципах: гуманности, долге, благонравии, мудрости и искренности, которые изложены в книге «Беседы и суждения» («Луньюй»), толкующей учение Конфуция. Конфуцианство принесло с собой в общество уважение к государству и власти, иерархическое, корпоративное сознание, а также черты национального характера, связанные с групповым типом поведения. Они проявляются повсюду — в управлении, в труде, в повседневной семейной жизни. Другими словами, охватывают всю сферу социального поведения.

Поведенческие характеристики современных японцев определяются устоявшимися нормами, сложившимися еще в феодальном обществе. Они оказывали влияние на содержание традиционных ценностей и определяли межличностные отношения. Несмотря на то, что сейчас японцы часто говорят об этих нормах как о феодальных пережитках, их

---

<sup>1</sup> Общественные науки за рубежом. Сер.9, 1988, № 5, с.155.

<sup>2</sup> Классическая японская проза XI-XIV вв. М., 1988, с.297.

собственное поведение подсознательно зачастую опирается именно на них. Одной из фундаментальных является норма *он* (досл. благодеяние), отражающая определенную степень зависимости одного члена общества от другого. Например, ребенок нуждается в заботе родителей, а вассал — в покровительстве сюзерена. Эта норма возникла в тот период, когда в награду за службу жаловалась земля. В целом она предусматривает иерархические отношения и предполагает, что благодеяние должно быть вознаграждено. Отношения, регулируемые нормой *он*, не юридические, они имеют психологическую подоснову. С ней связана концепция лояльности, которая направлена на определенное лицо, а не на какой-либо принцип, нацию или государство. На межличностном уровне наиболее ярким ее проявлением являлась сыновья почтительность (*оя коко*).

Норма *гири*, которая является социальным обязательством, предусматривает этические требования к поведению личности. Каждый должен вести себя по отношению к другому так, как это ожидает общество. Отношения *гири*, так же как и *он*, реализуются между конкретными людьми, но они имеют более универсальный характер. Это — ритуал выполнения долга, предписаний и благодарности. *Он* определяет отношения людей по горизонтали — друзей, соседей, родственников, коллег. Соблюдение этой нормы проявляется, в частности, в обмене подарками, оказании взаимопомощи во время сельскохозяйственных работ. Нарушение такого рода моральных обязательств ведет к потере доверия.

Если норма *гири* имеет более морально-социальный аспект, то ее разновидность — *ниндзё* (досл. человеколюбие, человеческая натура) — более личностный, психологический. В отличие от *гири* (которая все-таки представляет собой моральный диктат), *ниндзё* скорее соответствует склонностям, чувствам и желаниям человека.

Поведенческие характеристики японца определяются его принадлежностью к группе. Именно она и является основной ячейкой общества. Каждый на протяжении своей жизни является членом различных групп — семьи, церковной общины, школы, предприятия, партии и неформальных организаций. Существуют различные концепции и критерии определения группы. Наиболее подходящей для системного подхода является динамическая концепция, согласно которой, «индивиды рассматриваются не столько как члены той или иной организации, сколько как активные участники какого-то рода действия»<sup>1</sup>. При этом важны не столько структура группы и результат ее деятельности, сколько сам процесс группового действия, которому присущи разделение труда и гибкая координация. Оно ориентировано на поведение людей, которое М.Вебер определил как социальное действие<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969, с.117.

<sup>2</sup> Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с.625.

В основе групповой системы лежит принцип общности, всеобщего согласия. Японский культуролог Наканиси Сусуму, выступая в Институте востоковедения РАН (1993 г.) так обрисовал этот принцип: «Смысл идей общности заключается в том, чтобы все люди, радуясь одному и тому же, расцветали все вместе, вместо того, чтобы цвести каждому в отдельности».

Каждая группа достаточно независима и замкнута, подчиняется своим законам, общим для всех ее членов и объединяется едиными целями. Это порождает групповое сознание, которое существует на эмоциональном уровне и является традиционной ценностью японцев. Материальной базой такого сознания можно признать исключительно трудоемкий процесс возделывания риса, который требовал на протяжении тысячелетий кооперации и взаимопомощи не только всех членов семьи, но и родственников, друзей, соседей и даже... богов. Исстари существовал обычай брать в бездетные семьи чужого ребенка, который терял свое кровное родство и становился их членом. Для Японии поговорка «кровь сильнее воды» имеет скорее обратный смысл. Ведь главное для японца — производство, от которого зависит его существование. Экономическая необходимость формировала групповое поведение, вызывала самопожертвование и рождала гармонию. Любая личность, не соблюдавшая правила поведения в группе, лишалась ее поддержки. Для японца на протяжении веков казалось немыслимым противиться воле группы и оказаться вне ее.

Если в европейских странах во главу угла ставится личность с ее эгоистичными устремлениями, то в Японии — группа. Другими словами, здесь отсутствует представление об индивидууме, как о базовом элементе общества. Примечательно, что крупнейший немецкий социолог прошлого века Фердинанд Теннис увидел такое же отношение к личности в общине. Ее члены рассматривались им как частные и фрагментарные воплощения подобно тому, как в осколках разбитого зеркала отражается единая реальность. (О теории Ф.Тенниса будет сказано ниже). Хотя группа отчасти нивелирует индивидуальные качества, она дает возможность каждому реализоваться в своих рамках и иметь свободу действия, ибо роли здесь не дифференцированы согласно японской системе, работа всегда поручается группе, например, отделу в организации, и выполняется от имени группы, а не отдельным индивидуумом<sup>1</sup>. Если на Западе признается важность личности, «я», личной независимости, то в японском обществе соблюдается норма отношений *амаэ*, что означает устремленность слабого к зависимости от сильного (первоначально — от матери, затем — от вышестоящего по должности лица). *Амаэ* обычно предусматривает связь в пределах одной группы

---

<sup>1</sup> Nakane Chie. Japanese Society. Tokyo, 1987, с.85, 86.

или между близкими. Отношения между людьми вне определенной группы основывается на понятии *нарэаи*, что означает соглашение.

Межличностные отношения (предусматривающие в социальном плане ориентацию людей друг на друга в ходе длительного общения) в японских замкнутых группах строятся, как правило, на вертикальных связях (горизонтальные, конечно, тоже присутствуют, но их значение не столь велико). При таких связях соединяются воедино качественно различные элементы в строгом соподчинении снизу доверху. Замкнутая группа, а не объединение людей по профессиональному признаку или жителей разных деревень, или районов — основа японской социальной системы.

В вертикальных группах предполагаются отношения между индивидами с разными статусами. Традиционно это передается понятием *оябун-кобун* или *ояката-коката*, что означает отношения родителей и ребенка, старшего и младшего как по социальному положению, так и по возрасту. Причем у одного старшего может быть различное число младших, за которых он несет ответственность. Подобная система отношений лежит в основе широко распространенного в стране патернализма.

Отношения *оябун-кобун* между людьми с различным социальным статусом сохраняются часто на всю жизнь. В феодальном обществе классическим примером их могут служить связи между сюзереном и вассалом, а в современном — между учителем и студентом. Безусловно, последний контактирует со многими преподавателями, но всегда есть *сэнсэй* — Учитель. Такого рода отношения формируются уже в достаточно сознательном возрасте, поэтому они носят социальный характер и часто превалируют над родственными. Во многих случаях в прошлом они помогали выходцам из бедных семей, заручившись поддержкой влиятельного *оябун*а, занять более достойное место в жизни. Для японцев был скорее привычным вопрос чей ты *кобун*, чем чей ты сын. Другими словами, в связке *оябун-кобун* заключен социальный и личностный подтекст.

Японской группе присущи прочные личные связи между лидером и каждым подчиненным, а между последними они могут быть слабыми или практически отсутствовать. Безусловно, ни в коей мере это нельзя абсолютизировать. При вертикальной структуре роль лидера весьма велика. Характерно, что японский тип лидера — не сильная волевая личность, а скорее человек, обладающий высокими моральными качествами, способный воздействовать личным примером, подавить возникающие конфликты, создать столь почитаемые в стране отношения гармонии (*ва*), объединить людей для достижения поставленных целей. В то же время общие успехи автоматически повышают престиж лидера. Отношения в группе сбалансированны и способствуют укоренению идеи

равенства всех ее членов, например, в получении доходов. Отношения *оябун-кобун* в исторической ретроспективе содействовали формированию японской бюрократии.

Система подчиненности обеспечивает усиленное взаимодействие в группе сверху вниз и обладает большими мобилизационными возможностями внутри нее. В то же время она способствует «созданию группы внутри группы», т.е. фракционности. Это связано с тем, что ее структура затрудняет внутренние перемещения, но одновременно отдельный человек может быть старшим по отношению к нескольким другим. Это мешает установлению горизонтальных связей и в известной степени является слабым местом вертикальной конструкции. В японской группе неформальная иерархия и фракции имеют подчас большее значение, чем формализованные структуры.

Именно на этих неформальных связях, которые цементируют различные группы, и строит в принципе свое понимание сути политической Системы японского общества европейский ученый Карел ван Вольфеген. Он пишет это слово с большой буквы. «Веками существовал баланс между полуавтономными группами, которые делили власть. Сегодня большинство властных групп состоит из чиновников определенных министерств, некоторых политических группировок и объединений бюрократов-бизнесменов. Имеется еще много менее значимых групп, таких как сельскохозяйственные кооперативы, полиция, пресса и гангстеры. Все это компоненты того, что мы можем назвать Системой, чтобы отличить ее от государства...»<sup>1</sup>. Японские ученые — авторы коллективной монографии «Структура коммуникаций» — утверждают, что его Система, это как раз то, что имманентно присуще большинству японцев, как неизменно данное»<sup>2</sup>, т.е. распространяют это определение на все общество.

Вертикальное объединение, как известно, предполагает иерархию для фиксирования социального порядка. Для Японии исторически была характерна система рангов, привнесенная прежде всего конфуцианством. Ранг определял положение человека в группе и являлся, по определению Наканэ Тиз, «социальной нормой, на которой базировалась жизнь японцев». Здесь он играл роль аналогичную кастам в других восточных обществах. Японцам важнее конституциональная принадлежность, чем социальное происхождение.

Существовавшая в прошлом жесткая ранговая система в межличностных отношениях сегодня проявляется в сохранении принципа старшинства. В повседневной жизни японец постоянно оперирует понятием *сэмпай*, говоря о старшем по возрасту или должности, или *кохай*, со-

---

<sup>1</sup> Volferen K. van. The Enigma of Japanese Power. London, 1989, с.5.

<sup>2</sup> Комюникэсён но ходзо (Структура коммуникаций). Токио, 1993, с.81.

ответственно о младшем, подчеркивая тем самым определенное ранжирование. Это как бы элемент вертикальных связей в горизонтальных. Принцип старшинства существует как в формальных, так и в неформальных объединениях. Ранговая иерархия сегодня сохраняется в виде престижных (*итирию*) компаний, университетов, школ. В сфере образования к ним относятся, например, университеты Токийский, Кэйо, Васэда. Ощущение ранга поощряет конкуренцию среди равных.

Группа всегда рассматривалась как естественная единица. Такая же, как богом данная власть императора, т.е. как Традиция с большой буквы. Крестьяне одной деревни, например, объединялись в общину только потому, что они здесь родились. Таким образом, японская группа охватывала всех, находящихся, по определению Наканэ Тиэ, в одной рамке. Этот термин она использует по аналогии с понятием поля в физике.

Отношения между группами строятся по принципу внутренний-внешний (*ути-сото*), который как бы воплощает дихотомию чистый-грязный. Этот принцип экстраполируется на все социальные уровни. Но, что очень важно, он не подразумевает враждебности, а лишь определяет принадлежность к группе (к одной семье или компании, а не к другой семье или компании). Этот же принцип способствовал появлению так называемой двойной морали норм поведения в группе и вне ее.

Отношения в группах, между ними и в обществе в целом, таким образом, строго фиксируются, создавая как бы единое тканое полотно и не оставляя места вновь пришедшим. Замкнутость японского общества традиционно не допускала ни проникновения иностранцев, ни уход своих. (Это положение, конечно, нельзя абсолютизировать. Естественно, такие группы, как семья или компания, должны пополняться, без этого они исчезнут.) В результате социальная замкнутость ведет к социальной исключительности, но не к исключительности в сфере культуры. Такое групповое сосуществование позже перешло в сферу политики и бизнеса, и его по сей день можно рассматривать как своеобразие японского общества<sup>1</sup>.

Тяга японцев к организованности вообще — еще одна особенность этого социума. Причем в силу исторической традиции в принадлежности к какой-нибудь группе как бы отсутствует принцип добровольности, хотя официально и признаваемый. Поэтому она фактически является всеохватывающей. Такое отношение к участию в организациях служит проявлением группового конформизма, подчиненности лидеру и известной пассивности при принятии решений. Понять суть японского конформизма помогает теория социолога Исида Такэси, который рассмат-

---

<sup>1</sup> Может быть, поэтому бывший госсекретарь США Киссинджер как-то заметил, что переговоры с японцами вести труднее, чем даже с китайцами (The Japanese Times 19.11.1987).

ривает его в сочетании с конкуренцией, определяя этот симбиоз, как ключ к пониманию динамизма общества. Именно конкуренция между группами и внутри них является движущей силой развития. Она не вступает в противоречие с конформизмом, ибо направлена лишь на лучший результат в достижении единой цели, цели всей группы. По словам Исида, «благодаря этому конкуренция находит свое воплощение в единокорпусных усилиях. Такого рода конкуренция не свидетельствует о наличии индивидуализма в узком смысле слова, скорее она является составной частью группового конформизма: члены группы ориентируются не на индивидуальные достижения, а на заслуги, добытые благодаря индивидуальному вкладу в достижение цели группы»<sup>1</sup>.

Это способствует тому, что значительная часть населения достигает высокого уровня компетенции в своей работе. Процесс этот не одномоментный, а растянутый во времени. Многие поколения все выше поднимали планку мастерства, что породило не только хорошее качество производимых товаров, но и их высокий эстетический уровень. Традиционно японцы уделяют огромное внимание мелочам, даже таким, которым на западе не придают значение. Эту школу мастерства подметил известный английский писатель Р.Киплинг во время своего посещения Японии в 1889 г.: «Мне показали человека, — пишет он, — который уже месяц полировал небольшую вазу высотой в пять дюймов. Ему оставалось трудиться еще два... и рубиновый дракон, резвящийся на лазуритовом поле, каждая крохотная деталь, каждый завиток, любой участок, заполненный эмалью, будут становиться все привлекательнее. — В другом месте можно купить дешевые клуазонне, — сказал улыбаясь хозяин. — Мы не умеем их делать. Эта ваза будет стоить семьдесят долларов. Я отнесся к его словам с уважением, потому что он сказал «не умеем» вместо «не делаем». Это говорил художник»<sup>2</sup>. Тщательность проработки деталей — одна из составляющих сегодняшней высокой конкурентоспособности японских товаров. Эта черта японцев проявляется и в структуре организации общества: основная ответственность за производство лежит на нижнем этаже управления.

Традиция такого конформизма восходит к особенностям бытования японской сельской общности, основанной на преданности своей деревне. По мнению Исида Такэси, в такой преданности есть нечто сродни религиозному чувству. Это справедливо, ибо восприятие религии у японцев всегда тесно увязывалось с реальной жизнью, как бы снимая преграду между сакральным и профанным. Именно специфика религиозного сознания у японцев, не признававших веры в абсолют, первооснову мировых религий, содействовала интеграции конформизма и конку-

---

<sup>1</sup> Ishida Takeshi. Japanese Society. New York, 1971, с.39.

<sup>2</sup> Киплинг Р. От моря до моря. М., 1983, с.94.

ренции. Такая интеграция выполняла и выполняет важную функцию поддержания социальной стабильности в обществе. Но, безусловно, эти позиции нельзя возводить в абсолют, ибо как в отдельных группах, так и в обществе в целом не раз возникали и возникают серьезные конфликты.

На протяжении веков конкуренция проявлялась в демонстрации лояльности императору и государству и не вела к нарушению гармонии. Это было проявлением уже упоминавшейся теории рождения и вечного существования государства, а отсюда и верноподданности населения, вплоть до самопожертвования. Теория естественного появления государства рассматривает его как данность с присущим ему конформизмом и подчиненностью единой цели. В таком государстве конкуренция в силу своей ориентации на лояльность не ведет в принципе к разрушению существующего порядка, а устремленность конкуренции за его пределы можно рассматривать как проявление пассионарности.

В силу своего статуса, а не личных достоинств император играет роль харизматической личности. Идея персональной харизмы воплощалась, пожалуй, в Японии в новое время лишь в личности императора Мэйдзи. В целом обожествление императора было связано с тем, что он символизировал вечность государства. Японские императоры обладали, заимствуя выражение М.Вебера, «наследственной харизмой». Очевидно, это послужило сохранению в конституции 1947 г. признания их статуса как «символа государства и единства нации».

\*\*\*

Для японцев всегда существовали базовые элементы, определяющие стиль их поведения и образ жизни. Каждый член группы усваивал эти элементы — нормы каждодневного поведения, этикета, рабочего мастерства, изобразительного искусства, становясь профессионалом, полноправным членом общества. Эту особенность японцев известный французский японовед Бой де Мент определил как «катаизированность»<sup>1</sup>, от японского слова «ката», которое переводится как метод, шаблон, форма, тип, образец, а в более широком понимании означает манеру поведения и школу мастерства. Японский ученый Сакаия Таити назвал ее «культурой формы».

Корни этого уходят в глубину японских традиций, и об этом прекрасно сказано в блестящем романе Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи» (рубеж X-XI вв.): «Возьмем, к примеру, столярное ремесло. Некоторые мастера охотно делают разные вещицы из дерева, вырезают как

---

<sup>1</sup> The Japan Times. 10.09.1990

им заблагорассудится, но ведь все это не имеет истинной ценности, так, безделушки, возникшие вследствие мгновенной прихоти вне всяких правил и канонов... Бесспорно, некоторые из них по-своему привлекательны. Но попробуйте их сравнить с вещами по-настоящему прекрасными, изготовленными согласно канонам, с полным пониманием их значения, и сразу поймете, чем отличается рука подлинного мастера... То же и в искусстве каллиграфии. Возьмется за кисть человек, не особенно глубоко проникший в тайны мастерства, и напишет так, что только диву даешься: здесь, там — вытянутые линии, какие-то странные завитки... Другой же, строго следуя истинным законам искусства, на первый взгляд вроде бы ничего замечательного и не создаст, но сравните с предыдущим образцом и без труда поймете, который вышел из-под кисти настоящего мастера»<sup>1</sup>.

Такое отношение к форме, манере в определенной степени давало возможность европейцам говорить о стандартном подходе японцев к самым разноплановым явлениям, иначе говоря, о стандартности мышления.

Наличие всевозможных регламентаций вело к ощущению незначительности своего «я». Отсюда важность окружения, создания пространства (*ма*), включающее в себя объективное и субъективное измерения. Корнями оно уходит в синтоизм, где существует понятие священного пространства, в котором обитают боги<sup>2</sup>.

Это вело и к строгому ранжированию всех ценностей и регламентации поведения личности, установлению ритуалов. Восходило оно к культуре возделывания риса на затопляемых полях, этикету императорского двора, начертанию иероглифов, канонам чайной церемонии и *икэбана*, национального театра и традиционных ремесел. Почти ничего не оставалось на долю случая или личных склонностей (даже блюда на подносе расставлялись в определенном порядке). Воспитанный в строго фиксированной системе ценностей и отработанных веками стереотипов поведения, искусства и ремесла японец впитывал на уровне подсознания что и как необходимо делать в различных обстоятельствах. Например, какие материалы использовать для изготовления того или иного предмета в соответствии с принципами эстетики; как упаковать ту или иную вещь в зависимости от ее предназначения.

При таком формировании личности японское «я» не было автономным, а скорее гетерономным, ибо создавалось под влиянием группы — семьи, квартала, учреждения, предприятия, куда, как уже говорилось,

---

<sup>1</sup> Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. М., 1991, с.28,29.

<sup>2</sup> И по сей день материальным воплощением этого понятия является ритуал огораживания священной веревкой (*симвава*) места для обитания *ками* во время национальных праздников.

был затруднен доступ чужим. Поэтому в социально-экономической жизни общества всегда была важна роль посредника и посредничества, как формы общения. Заданность поведения в соответствии с обстоятельствами отодвигали личное на второй план и выдвигала передний — этикет, не соблюдение которого вело к «потере лица», что было недопустимо с точки зрения социальных норм поведения.

Рассмотренные элементы в большей или меньшей степени проецируются на все стороны жизни современного общества — экономику, политику, социальные отношения, идеологию и культуру. Но, безусловно, время вносит свои коррективы.

Структурные особенности общества не могли не сказаться на поведенческих характеристиках японцев, поскольку стереотип поведения людей формируется в процессе их общения между собой на основе национальных традиций, которые включают правовую и морально-этическую системы. Для японцев всегда было свойственно опираться не на юридические нормы, хотя в повседневной жизни они относятся к законам с величайшим уважением, а на социально-психологические. Это, вне всякого сомнения, связано с их морально-этическими установками, представляющими собой сплав синтоизма, буддизма, конфуцианства и до некоторой степени христианства.

На этой основе сложился своеобразный духовный климат в японском обществе со своим мировоззрением, представлением о личности и взаимоотношениях людей. Неотъемлемым компонентом была и своя эстетическая традиция, проявившаяся в литературе, изобразительном искусстве, архитектуре. Именно в духовной сфере, в культурном комплексе наиболее отчетливо проявляется историческая преемственность.

## Глава вторая

# РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Понятие модернизации. Критерии определения западного и традиционного общества. Рационализация М.Вебера и модернизация. Соотнесенность модернизации и цивилизации. Их многовариантность. Основные характеристики модернизируемого общества. Теория модернизации Японии. Два этапа — постмэйдзийский и послевоенный. Роль традиции в процессе модернизации. Понятие гармонии и соотношение преемственности и преобразований. Характеристики темпов модернизации Японии.

Изменения, происшедшие в Японии за последние сто с лишним лет, настолько стремительны и впечатляющи как в целом, так и в деталях, что не верится, будто книги, написанные о ней в конце XIX века европейскими учеными, путешественниками и дипломатами, относятся к этой стране. Здесь идут процессы глубокой трансформации всех сфер жизни общества, отражающие объективную историческую тенденцию модернизации и интернационализации экономики, политики, культуры, что сближает народы различных стран, содействует их сотрудничеству и взаимопониманию. Эти процессы обусловлены набором эндогенных и экзогенных факторов.

Уместно вспомнить здесь и слова В.И.Ленина, идеально подходящие к данной ситуации: «...развивающийся капитализм знает две исторические тенденции... Первая: пробуждение национальной жизни и национальных государств. Вторая: развитие и улаживание всяческих отношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т.д.»<sup>1</sup>.

В ходе этих изменений формируется новый облик Японии, который органично соединяет в себе традиционные элементы и западные инновации. Рассматриваемый период развития достаточно четко можно разделить на два этапа, которые связаны в свою очередь с двумя переломными моментами национальной истории. Начало первому положила реставрация Мэйдзи (Мэйдзи исин), когда после более чем двухсотлетней изоляции начались активные контакты со странами Запада. С этого времени ведет отсчет крупномасштабная модернизация, принявшая форму вестернизации, точнее европеизации, а после второй мировой

---

<sup>1</sup> В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.24, с.124 (Критические заметки по национальному вопросу).

войны американизации. Это — специфика Японии как азиатской страны. Однако уже и в то время она вносила свою лепту в развитие западной цивилизации, в частности в области культуры. Поэтому об этом процессе можно говорить и как о первых шагах интернационализации.

Второй начинается с капитуляции страны в 1945 г. И вот уже более полувека Япония являет собой пример на редкость удачного поступательного стабильного развития, неуклонно укрепляя свои экономические, политические и культурные позиции на мировой арене. При этом в первые два послевоенных десятилетия она продолжала больше заимствовать, в дальнейшем же наблюдается процесс щедрой, во все возрастающем масштабе, отдачи ее достижений — и теперь уже прежде всего в сфере технико-экономической. В основе этого развития лежит феномен, получивший название «японского экономического чуда». И хотя разговоры об этом чуде уже прекратились, феномен Японии продолжает волновать умы людей. Ведь страна демонстрирует высокий уровень адаптации к изменениям условий развития, являясь образцом для многих не только развивающихся, но и развитых стран.

Способность японского общества на протяжении всей его истории перестраиваться помогает понять суть процесса модернизации. Этот интенсивный процесс вызвал к жизни в конце 50-х годов нашего века так называемую теорию модернизации Японии, содержание которой по существу никогда не рассматривалось в российском японоведении, но тем не менее еще недавно подвергалась критике<sup>1</sup>. Однако успехи Японии, достаточно быстро поставившие ее вровень со странами Запада, заставляют еще раз вернуться к этой теме и говорить именно о японском типе модернизации.

Интерес к этим проблемам в контексте формационного и цивилизационного подходов постоянно привлекает внимание отечественных исследователей. Об этом свидетельствуют, в частности, дискуссия философов в 1989 г., обсуждение этих проблем в Институте мировой экономики и международных отношений в 1990 г. Анализ процесса развития любого общества, вне всякого сомнения, не может замыкаться на рассмотрении лишь таких обобщающих параметров, как «способ производства» или «классы». Изучению подлежат конкретные действия людей, их взаимоотношения в семье, общине, на предприятии, т.е. в малых группах. Иными словами, только исследуя все стороны их жизнедеятельности — социально-экономические, социопсихологические, идеологические и культурные аспекты, — можно дать наиболее полную характеристику общества в целом.

---

<sup>1</sup> См., например: «Дух Ямато» в прошлом и настоящем». М., 1989, с.15.

При таком понимании исследования жизнедеятельности общества формационный подход, который оперирует по преимуществу производительными силами и производственными отношениями, представляет несколько ограниченным. Хотя он впервые дал возможность системного изучения истории, но, оперируя главным образом лишь базисными понятиями, недостаточно учитывал человека с его бытом и духовной жизнью — религией, наукой, психологией, ментальностью. Поэтому более целесообразно при изучении общества применять цивилизационный подход, ибо в центре его стоит человек, его возможности самовыражения и саморазвития.

Поскольку термин цивилизация употребляется часто для обозначения определенного периода в развитии того или иного социума или в общемировом масштабе, то в этом смысле, как замечает проф. И.М.Осадчая, цивилизация и формация есть однородные понятия. Ведь и то, и другое включает в себя материально-производственную базу, а также экономические, политические, правовые, культурные, религиозные и другие формы человеческого общения, характерные для того или иного периода истории общества<sup>1</sup>. Но все дело в том, чему отдается приоритет в исследовании. Если для формационного подхода доминантой является экономика, как таковая, то для цивилизационного — человек, его ценности, а достижения экономические рассматриваются под углом зрения их полезности для всех членов общества. Более того, понятие цивилизации очень близко понятию культуры, ибо и то и другое детерминировано отношениями людей в обществе во всем их многообразии. В целом цивилизационный подход охватывает более мощные, широкие и долговременные процессы, чем формационный, и потому он более всеобъемлющ.

В современных условиях интенсификации экономических, политических и культурных связей народов мира, усиления взаимозависимости и взаимовлияния локальных обществ цивилизационный процесс принимает поистине глобальный характер или, по определению проф. Г.Г.Дилигенского, ведет к созданию планетарной цивилизации, однако не означающей простое, механическое соединение локальных цивилизаций<sup>2</sup>.

До недавнего времени большинство отечественных ученых связывали модернизацию с формационным развитием общества, в целом отрицая цивилизационный подход, в то время как, по справедливому замечанию одного из участников дискуссии в ИМЭМО — В.Студенцева, «смена формаций — путь развития человеческой цивилизации». Характер цивилизации Японии служит практическим подтверждением этого.

---

<sup>1</sup> Мировая экономика и международные отношения. 1991, № 5, с.6.

<sup>2</sup> Вопросы философии. 1991, № 3, с.30.

Процесс модернизации происходит постоянно, но термин имеет сравнительно короткую историю. В современной социологической литературе ему дается несколько толкований. Большинство ученых идентифицирует модернизацию с вступлением стран на путь капиталистического развития. Среди плеяды таких ученых — один из авторов теории модернизации Японии — известный американский японовед Эдвин О. Рейшауэр (Гарвардский университет). Согласно этой точке зрения, процесс модернизации может длиться от нескольких столетий до нескольких десятилетий, но при этом всегда несет с собой фундаментальные изменения. Подчеркивая кардинальный характер таких изменений, Э. Рейшауэр сравнивает их значимость с «переходом от хозяйства, основанного на охоте и собирательстве, к земледелию, или от использования каменных орудий — к бронзовым и железным»<sup>1</sup>.

Часть ученых предлагает рассматривать модернизацию того или иного государства в сравнении с конкретной более развитой страной (Япония и Англия) или с «идеальным типом», как определил крупнейший социолог XX века М. Вебер. Наиболее часто, и в известной степени справедливо, под модернизацией понимается преобразование традиционного «восточного» общества в «западное», которое предполагает более высокий уровень цивилизации. В первую очередь имеется в виду то, что западное общество обладает такими универсального характера ценностями, как разделение властей, свобода личности и другие права человека, свобода предпринимательства, политический суверенитет, право нации на самоопределение, свобода социального выбора. Именно к такому обществу стремятся сейчас все развивающиеся страны; это актуально также и для стран СНГ.

При этом особо следует подчеркнуть важность для судеб цивилизаций хозяйственной жизни общества, по выражению М. Вебера, рационального способа ведения хозяйства, рациональной капиталистической организации свободного (формально) труда. Наиболее ярко и всеобъемлюще это проявилось в странах Запада. «... Именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались... в направлении, получившем универсальное значение»<sup>2</sup>. В то время, как в восточных обществах огромную роль играли и играют самобытные духовные ценности. Для характеристики исторического процесса в странах Запада Вебер вводит понятие рационализации, понимая под ним совокупность ряда исторических факторов, определивших развитие европейских обществ за последние несколько веков. Именно в Европе впервые в истории человечества сложилось общество, которое в настоящее время называется индустриальным,

---

<sup>1</sup> Changing Japanese Attitudes Towards Modernization. Tokyo, 1982, с. 16.

<sup>2</sup> Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 44.

или промышленно развитым. Все другие типы обществ являются, по Веберу, традиционными.

Таким образом, получается, что рационализация — суть сам исторический процесс и в этом смысле она по существу однозначна модернизации. Поэтому, хотя Вебер напрямую и не использует термин модернизация, современные историки, изучающие эту проблему, обращаются к его классическому наследию. В частности, один из специалистов по этой проблеме Бенджамин Шварц писал: «Если следовать Веберу, то, по моему мнению, есть лишь одна возможность очертить границы понятия модернизации: оно включает систематическое, долговременное и целенаправленное приложение человеческой энергии к «рациональному» контролю над материальной и социальной средой обитания человека для реализации различных целей. Я употребляю прилагательные целенаправленное, систематическое и долговременное, ибо абсолютно ясно, что процесс рационализации, как таковой, начался задолго до того, как появился термин *Modern Age* (Новая история. — Авт.), и он практически существует на протяжении всей истории человечества»<sup>1</sup>.

При преобразовании традиционного общества в западное, речь, естественно, идет об интенсивном, одностороннем межнациональном переносе социально-экономических, политических и социокультурных ценностей. Другими словами, в этом случае модернизация происходит под влиянием экзогенных факторов и идет достаточно быстро. Перенос ценностей может иметь место как в условиях зависимости того или иного модернизирующегося государства, так и при сохранении весьма широкой политической и экономической его самостоятельности. При этом даже в такой стране как Япония, не только в довоенное время, но и в первые десятилетия после поражения во второй мировой войне, «модернизированный» и «западный» являлись синонимами: японское общество считалось отсталым, а западное — передовым. И только по мере достижения высокого уровня экономического развития такие воззрения потеряли силу.

Суть европейской модернизации, по определению крупнейшего социолога проф. Ш.Айзенштадта (Еврейский университет, Иерусалим), «заключена в принципе непрерывного, направленного развития, расширения человеческой и освоенной природной среды, в принципе саморазвития человеческой судьбы — вместе с тем — в овладении этой средой и судьбой через сознательные усилия человека и общества. Центральной в европейском модернизаторстве была идея возможности активного формирования решающих аспектов социального, культурного и экологического бытования человека на путях сознательной дея-

---

<sup>1</sup> Changing Japanese Attitudes... с.23, 24.

тельности, сознательного участия людей в этом формировании»<sup>1</sup>. Таким образом основу европейской модернизации составляли эндогенные процессы в экономике, политике, идеологии, науке, и она осуществлялась сравнительно медленными темпами.

В результате таких процессов сложилось современное западное общество, под влиянием которого на основе межнациональных контактов осуществлялась модернизация других регионов. Точнее сказать, вестернизация их, ибо модернизация, на взгляд авторов данной работы, представляет собой более сложный и самостоятельный процесс, опирающийся на саморазвитие любой страны, а не только на заимствование чужого опыта. По сути своей путь исторического развития Японии представляет собой практически непрерывный процесс модернизации общества не только в плане постоянной рационализации хозяйственной деятельности, но и развития духовной сферы. Япония — яркий пример трансформации традиционного общества в западное, понимаемое как модернизированное.

Процесс модернизации — перманентный и разновременный, но не унифицированный. Подобная точка зрения в последние годы получает все более широкое распространение среди ученых разных стран. В частности, ее придерживается уже упоминавшийся Ш.Айзенштадт. По его мнению, «пришло время отойти от взгляда на модернизацию, как на конечную цель эволюции всех известных нам обществ, когда эволюционный потенциал мыслится единым для всех, а европейский опыт — важнейшим и самым конструктивным выражением модернизационной парадигмы. Суть этой парадигмы в том, что модернизация описывалась как процесс становления единообразной цивилизации, зародившейся в Европе и распространившей на весь мир экономические, политические и идеологические аспекты своей жизнедеятельности, что особо характерно для периода после второй мировой войны»<sup>2</sup>.

Действительно, хотя модернизация и получила широкое распространение, она не привела к созданию единой цивилизации, и тем более к появлению единой идеологической и политической структуры. В отличие от распространения, например религий или других заимствований в прошлом, процесс модернизации включал в себя экономические, политические и идеологические аспекты. Это не могло не подрывать в значительной степени существующие в модернизирующихся обществах структуры. Модернизация — это прежде всего технологические преобразования, гарантирующие поступательное развитие общества, в конечном итоге приводящие к его социальной реконструкции. В то же

---

<sup>1</sup> Мировая экономика и международные отношения. 1991, № 10, с.69.

<sup>2</sup> Там же, с.68

время опыт подтверждает тезис известного американского социолога П.Бергера о том, что «нельзя смешивать технологические сдвиги и социопсихологические системы обществ»<sup>1</sup>.

В свою очередь каждое общество вырабатывает свой отклик на осуществляемую экспансию чужого опыта. Отсюда многообразие вариантов цивилизаций и модернизаций, их неидентичность и динамизм. Эта точка зрения авторов корреспондирует с мнением Янаихара Тадао (Токийский университет) о том, что именно в процессе модернизации происходит обогащение мировой культуры специфическими особенностями культур разных народов<sup>2</sup>. В этой связи нельзя отказать себе в удовольствии привести следующие слова Э.Рейшауэра: «... можно сделать вывод, что есть и всегда будет существовать многовариантность модернизации, и поэтому ни один случай не может быть типичным»<sup>3</sup>. При этом, по словам Джона У.Холла (одного из авторов теории модернизации Японии, Йельский университет), каждое поколение понимает ее по-своему.

Отсутствие универсальной формы модернизации вполне закономерно, ибо набор факторов, вызывающий коренные изменения в разных обществах, неодинаков. В 60-е годы ученые ряда стран (Японии, Англии, США, Австралии — Оути Цутому, Тояма Сигэки, Рональд Дор, Джон Холл, Эдвин Рейшауэр, Сидней Кроукур и др.) пришли к выводу о невозможности сформулировать одномерное понятие модернизации. Ими были выработаны лишь основные параметры, характеризующие модернизированное общество второй половины XX в. К ним относятся, в частности, сравнительно высокий уровень урбанизации, использование новых источников энергии, социальная активность населения; широкое распространение потребительских товаров и услуг; поголовная грамотность населения и важная роль науки; создание широкой сети средств массовой информации; наличие социальных институтов, а также растущее межнациональное общение. В развитие этих положений некоторые ученые (Роберт Уорд, Рональд Дор, Вильям Локвуд) предприняли попытку дать критерии этого процесса отдельно в политике, экономике, идеологии и социальной сфере<sup>4</sup>.

Джон У.Холл, в частности, сформулировал суть модернизации, включив в это понятие механизацию и индустриализацию экономики, создание бюрократического аппарата, активизацию роли науки, интеллекту-

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: Berger P.L. Capitalism Revolution. Fifty Propositions about Prosperity, Equality and Liberty. New York, 1986.

<sup>2</sup> Янаихара Тадао. Киндай нихон сёси (Краткий очерк истории современной Японии). Токио, 1952, с.9,10.

<sup>3</sup> Changing Japanese... с.35.

<sup>4</sup> Там же.

альной сферы вообще, широкий диапазон социальных отношений, обогащение людей духовными ценностями, т.е. все компоненты, отражающие высокий на данный период времени уровень рационализации условий человеческого существования<sup>1</sup>.

По Дж.Холлу получается, что общество, укладывающееся в эти рамки, можно считать модернизированным. В ответ на это утверждение американского ученого и сенатора японский экономист Цуцуми Сэйдзи выдвигает свое положение, что «с точки зрения социологии такой подход, наверное, возможен, но теорию модернизации на этой основе разработать нельзя»<sup>2</sup>. С.Цуцуми не объясняет своей позиции, но, видимо, речь идет о том, что Дж.Холл опирается лишь на нормальные критерии без учета специфики той или иной страны.

Японский профессор Н.Кавамура (Токийский университет) подчеркивает относительную самостоятельность собственных культурных ценностей, рассматривая модернизацию и индустриализацию, с одной стороны, и культурные характеристики, с другой. По его мнению, такие специфические явления японского общества, как концепция *из*, или корпоративный дух, которые не вписываются в нормативную европоцентристскую теорию, нельзя рассматривать как пережитки феодализма, а надо воспринимать как отличающиеся от западных культурные ценности японцев. И с этим нельзя не согласиться.

Проф. Н.Кавамура распространяет теорию модернизации за рамки перехода от традиционного восточного общества к современному «западному». Он считает, что процесс модернизации идет и дальше — от современного общества к стадии постсовременного<sup>3</sup>. Действительно, в настоящее время усиление межцивилизационных взаимодействий, т.е. тесных, политических, экономических, технологических и идеологических связей ведет к интернационализации мирового сообщества, к созданию глобальных систем. Таким образом, модернизация смыкается с интернационализацией, что характерно, в частности, для Японии 90-х годов.

Однако, по нашему глубокому убеждению, это не будет означать образование единой цивилизации, а лишь — создание целого ряда цивилизаций современного уровня, со своими специфическими чертами. При таком подходе в значительной степени теряет силу один из аспектов теории конвергенции, касающийся потери восточными обществами своей индивидуальности по мере сближения с Западом.

Оценивая модернизацию той или иной страны, большинство ученых исходит из временного критерия, то есть относит общество к тому или

<sup>1</sup> Changing Japanese... с.31.

<sup>2</sup> Цуцуми С. Пути перемен. М., 1982, с.64.

<sup>3</sup> Подробнее см.: The Japanese Tranjectory, Modernization and beyond, Cambrige, 1988, с.264-283.

иному типу в зависимости от времени его вступления на путь модернизации. Проф. Талкот Парсонс, полагая, что общества развиваются под воздействием внутренних или внешних факторов, делит их на два типа — соответственно эндогенные и экзогенные. Вслед за Парсонсом, Мэрион Леви (Принстонский университет) различает «первично развитые» и «вторично». К первым он относит те, которые развивались, преимущественно опираясь на собственные силы в течение сравнительно долгого времени. Ко вторым — те, которые заимствовали модель индустриализации первично развитых обществ и осуществляли ее достаточно быстро. Например, в случае Японии, как свидетельствует известный японский социолог Цуруми Кадзуко (университет София, Токио), там, где западным странам требовалось тридцать лет, для Японии было достаточно десяти<sup>1</sup>. Такая спрессованность во времени подчас вела к серьезной напряженности.

Это связано с тем, что так называемые вторично развивающиеся общества, осуществляя модернизацию, включали в свои традиционные структуры передовые технологии, политические, экономические и идеологические новшества, которые не всегда сочетались с уровнем развития того или иного социума. Более того, большие сложности возникали с асинхронностью изменений, происходивших в различных системах модернизирующихся обществ.

Тот же М.Леви, развивая вышеупомянутую точку зрения выделяет не только первично и вторично развитые общества, но и старые, с высокоразвитой традиционной культурой (в частности, Японию) и молодые, появившиеся на сравнительно свободных землях (США), т.е. четыре типа. Это мнение поддерживает и Генри Розовский (Калифорнийский университет). Стрил Блэк (Принстонский университет) дает еще более дробную классификацию, насчитывающую шесть типов. Все эти ученые стремились группировать страны по уровню их развития.

При изучении истории Японии для нас представляет интерес деление модернизирующихся обществ на три основные группы, предложенные Э.Рейшауэром в соответствии со временем их выхода на путь модернизации и уровнем ее развития: 1. Государства, в которых элементы модернизации зарождались в ходе сравнительно медленного эволюционного развития (страны Северной Европы и ареалы, находящиеся под их влиянием); 2. Государства с высокоразвитой цивилизацией, в которые они были привнесены извне (большинство стран Азии, Северной Африки, Латинской Америки); 3. Государства, где они появились совсем недавно (остальная часть Африки и часть Океании). Безусловно, между этими категориями, по его мнению, не существует непреодолимых барьеров, и целый ряд стран занимает пограничные зоны, как

---

<sup>1</sup> Tsurumi Kazuko. Social Change and the Individual. Princeton, 1970, с.7.

например некоторые в Южной и Восточной Европе, а также Япония, являясь маргинальными между первой и второй категориями<sup>1</sup>.

Такое же деление модернизирующихся обществ практически повторил тридцать лет спустя отечественный исследователь В.Хорос под названием «концепции эшелонов мирового капитализма» в статье «Модернизация России и Японии»<sup>2</sup>. Очевидно, сама идея сравнить модернизацию этих двух стран почерпнута у того же Э.Рейшауэра, который предлагает много вариантов компаративистского исследования этого процесса в Японии. По мнению Э.Рейшауэра, по отдельным параметрам, в частности относящимся к культуре, плодотворно сопоставить японский вариант с китайским и корейским. Что касается исторической типологии, то наиболее продуктивно было бы сравнивать Японию с развитыми странами Азии, но в некоторых аспектах более интересно — с Россией или Восточной Европой. Только начальную стадию японской модернизации он считает целесообразным сопоставлять с подобным процессом в странах Южной и Восточной Европы, а по некоторым параметрам со странами северо-западной Европы и Северной Америки. При этом не допускает ее аналогии с ранними стадиями модернизации в странах северо-западной Европы и с любыми стадиями этого процесса в более отсталых районах Африки.

Таким образом, Э.Рейшауэр считает, что Япония находилась уже на достаточно высоком уровне развития, когда вступила на путь модернизации в период Мэйдзи. По его мнению, успешное продвижение страны в этом направлении было обеспечено не только имеющимися для этого предпосылками, но и способностью японцев постоянно учиться у других стран. При этом он особенно выделяет творческое начало в человеке капиталистического общества, который ощущает себя творцом прогресса. Эта точка зрения совпадает в принципе с позицией М.Вебера, который говорил, что одним из существенных компонентов «рационализации» действия является замена внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса<sup>3</sup>.

В свете изложенных взглядов Э.Рейшауэра на процесс модернизации в целом и Японии, в частности, представляется спорной, скорее ошибочной, трактовка некоторыми отечественными учеными теории модернизации Японии. В частности проф.Б.В.Поспелов полагает, что эта теория была призвана для восхваления «японского капитализма за его «умение» приспособиться к требованиям научно-технического прогресса и успехи, достигнутые им в этой области... Она адресовалась

---

<sup>1</sup> Changing Japanese... с.34, 35.

<sup>2</sup> Мировая экономика и международные отношения, 1991, № 8.

<sup>3</sup> Вебер М. Избранные произведения, с.22.

развивающимся странам в качестве социологической теории развития». Более того, он обвинял американского ученого в оправдании японской военщины и ее роли в истории страны<sup>1</sup>. На самом деле Э.Рейшауэр предпринял попытку объяснить, почему Япония пошла по милитаристскому пути в послемэйдзийский период. По его мнению, агрессия «не является важной частью японской традиции». Япония встала на путь милитаризма и войны, чтобы быть вровень с европейскими странами, обладавшими колониями. Последние оценивали успехи на военном поприще, как одну из составляющих модернизации страны. При этом Э.Рейшауэр особо подчеркивает, что в то время любая мощная в военном отношении держава неизбежно вовлекалась в «империалистические авантюры». Таким образом в этот период действовала скорее железная логика выживания независимого государства, а не самурайский дух, которым подчас объяснялась агрессивная политика Японии. Конечно, такая оценка японской политики справедлива лишь до начала 30-х годов.

На характер модернизации Японии большое влияние оказала высокая адаптивная способность населения, т.е. усвоение им различных элементов других цивилизаций (прежде всего индийской и китайской), более того, превращение их в компоненты своих национальных ценностей. Достаточно упомянуть восприятие китайской письменности (IV в.), даосизма и конфуцианства (IV-V вв.), буддизма (VI в.), несомненное влияние западной цивилизации (XVI в.), несмотря на последующую изоляцию феодальной Японии (XVII-XIX вв.).

В настоящее время трудно разобраться, что в японском обществе самобытно, а что заимствованно, поскольку все соединилось в единый сплав. При этом чисто японское, будучи подчас намного слабее, тем не менее оказывало серьезное влияние на процесс адаптации. Это было обусловлено тем, что, по справедливому замечанию крупнейшего отечественного исследователя буддизма О.О.Розенберга, «в национальном элементе скрывалось известное предрасположение, известное характерное мировоззрение, хотя и не заключенное в рамки системы»<sup>2</sup>. Примечательно, что интегрируя культуру других народов в свои традиции, Япония тем самым часто сохраняла то, что оказывалось у них утерянным.

Образование единого сплава связано с мировосприятием японцев, в основе которого, как и в других восточных обществах, лежит традиция, достаточно общий образ действия, «разделяемый личностью или обществом в качестве естественного и само собой разумеющегося пути к достижению каких угодно частных целей... Традиция является не про-

---

<sup>1</sup> «Дух Ямато» в прошлом и настоящем. М., 1989, с.15,17.

<sup>2</sup> Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991, с.55.

сто бытовым или хозяйственным институтом, но универсальным и интегративным механизмом, организующим любые социальные роли в соответствии с определенными императивами поведения...»<sup>1</sup>. Или, как кратко определил Ш.Айзенштадт, традиция — это «резервуар самых главных черт социального и культурного быта общества или цивилизации»<sup>2</sup>.

Для Японии характерен эволюционный процесс трансформации традиций. Новые элементы обычно лишь добавлялись к старой структуре, никогда не разрушая ее, часто сосуществуя с ней, иногда сливаясь, образуя единый сплав, где уже трудно различить, что взято извне, а что традиционно японское. Постепенно эти элементы, видоизменявшиеся по мере приспособления к старой структуре, вызывали перестройку всей системы. Иногда этот процесс шел настолько бурно, что порождал обманчивое впечатление, будто японцы разрушают свои традиции. Даже известный русский мыслитель В.С.Соловьев, высказывавший много прозорливых мыслей о будущем Японии, оказался в плену подобных представлений. Он писал: «Японцы не очень ценят особенности своей культуры, судя по той поспешности, с которой они перенимают не только техническую сторону европейской цивилизации, но и жизненные ее принципы»<sup>3</sup>.

На самом деле модернизация Японии осуществлялась не на основе отрицания традиционных структур, а путем их активного использования, и поэтому нельзя не согласиться с мнением известного японоведа Фоско Маранини: «Двадцатый век в Японии часто рассматривается как прогресс, вызванный множеством чужестранных элементов, представляющих собой модернизацию, на фоне упрямого сопротивления сил традиции. В некоторых случаях это верно, но общая картина представляется совершенно иной. Будь прошлое Японии преградой для ее будущего, страна до сих пор была бы неким прилежным и многообещающим учеником своих западных менторов, а не могущественным соперником, поднявшим меч и играющим с умением и жаром, грозя в скором времени побить учителей в их собственной игре»<sup>4</sup>.

К аналогичным выводам пришел и видный российский ученый С.А.Арутюнов. Он отмечал, что, хотя такие основные элементы материального быта европейцев и японцев, как построение и оформление жилища, основы кулинарии и сервировки, костюм и пр. абсолютно несхожи и представляют собой различные системы материальной организации быта, тем не менее в Японии произошел их синтез при сохранении раздель-

---

<sup>1</sup> Вопросы философии. 1991, № 4, с.8. (Точка зрения А.А.Игнатъева.)

<sup>2</sup> Общественные науки за рубежом. Сер.9, 1982, № 3, с.47.

<sup>3</sup> Соловьев В.С. Соб.соч., СПб, б/г. т.VI, с.126.

<sup>4</sup> Маранини Ф. Япония. Образы и традиции. М., 1980, с.158.

ного существования отдельных элементов. В связи с этим применительно к материальной культуре существуют понятия — западный стиль (*сэйёсики*), японский (*васики*) и смешанный (*ваё сэттю*).

Прагматизм японцев давал им большие возможности воспринимать все нововведения, которые они считали нужными, старательно обходя возможные катаклизмы и не поступаясь традиционными ценностями. Это — одна из причин, почему Япония сумела успешно ответить на вызов Запада, в отличие, скажем, от Китая. На восприятие модернизации и в том и другом случае огромное влияние оказали социопсихологические факторы, в частности отношение китайцев и японцев к остальному миру: первые не смогли расстаться с идеей Срединной империи и допустить наличие ценностей, отличных от их собственных, и необходимость чему-нибудь учиться у других народов. Вторые же, не теряя своей уникальности, сумели воспринять западные ценности. Такую точку зрения разделяют многие отечественные и зарубежные японоведы.

Японский опыт как раз и свидетельствует о том, что ни одна культура, даже такая мощная, как западная, не может быть универсальным образцом для подражания, и в то же время ни одна культура не развивается абсолютно независимо, как бы в вакууме. Поэтому, хотя мы и говорим подчас о модернизации Японии в послеэмэйдзийский период как о европеизации, или в послевоенный, как об американизации, на самом деле речь идет о процессе более сложном и деликатном, о взаимодействии культур, когда прослеживается близость этого понятия с понятием цивилизации.

Универсальное воздействие традиций в широком смысле этого понятия способствовало тому, что преобразования в японском обществе, даже достаточно серьезные, происходили без сокрушительных социальных взрывов, путем реформ, без революций, а путем эволюции. Решение проблем (противоречий) путем компромиссов — явление характерное для Японии, где, как правило, выбирают золотую середину между разрушением и созиданием. Такой подход базируется на одном из основополагающих принципов японского мировосприятия — *ва* (понятие гармонии). Как пишет Т. Григорьева, «Гармония (*ва*) означает правильное отношение — поддерживать нечто в состоянии подвижного равновесия, уравнивать одно другим, что позволяет целому не распадаться... в истории — это способность уравнивать, снимать конфликты, примирять враждующие стороны внутри и вовне. /Не случайно японцы называли свою страну Ямато (второе чтение иероглифа «гармония» — *ва*) в отличие от китайцев, которые называли свое государство Срединным... Япония, она изначально предпочла путь движения, действия, идеалу покоя, «центра» предпочла идеал движения, Пути./»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Человек и мир в японской культуре. М., 1985, с. 142.

Безусловно, принцип «ва» нельзя принимать за абсолют во всех проявлениях жизни.

Японский этнограф и историк Янагида Кунио не раз высказывал мнение о важности преемственности в истории общества. Если на Западе новая ступень развития создается при отрицании предыдущей, т.е. путем ломки, то в Японии — путем преемственности, обновления традиций. (Поэтому не случайно для определения сути Мэйдзийских событий было взято слово «исин», что означает и «обновление»).

Для реставрации Мэйдзи, в частности, был свойственен компромисс между консервативными силами и сторонниками обновления. Первые проявили склонность к изменению положения в обществе, вторые — к сохранению и поддержанию традиции. Примечательно, что значительная часть представителей торгово-промышленного капитала, в прошлом выходцев из феодальных кланов, оказалась вполне готовой адаптироваться к требованиям новой эпохи.

Тем не менее сами реформы на поворотных этапах исторического развития Японии имели поистине революционный характер. Будь то реформы периода Тайка (VII в.), ознаменовавшие завершение перехода от первобытно-общинного строя к феодальной формации, или периода Мэйдзи, открывшие путь капиталистического развития и ускоренной модернизации страны, или послевоенные, послужившие фундаментом «японского чуда».

Специфика кардинальных преобразований в японском обществе (отсутствие классических революций, сопровождавшихся ниспровержением политических режимов, изменением главных политических принципов и символов законодательной власти, сменой правящих классов, а также коренным изменением социально-экономических отношений) породила различные оценки событий периода Мэйдзи. Советские ученые характеризовали их как незавершенную буржуазную революцию, имевшую верхушечный характер. Эта оценка сделана с позиций европоцентризма. Незавершенность виделась в том, что задачи буржуазных преобразований были решены неполностью. Это касалось как существа проведенных реформ, так и формы установленной власти.

Большинство европейских историков, как и японских, называют эти события реставрацией Мэйдзи, поскольку основные политические изменения вылились в форму восстановления императорской власти, сохранения преемственности традиций, реконструкции специфической японской общности и утверждения идеи обожествления императора.

Такие, казалось бы, на первый взгляд, противоречивые оценки вполне правомерны в случае с Японией, ибо отражают действительную сущность этих событий, хотя понятия реставрация и революция на примере истории западных стран взаимно исключают друг друга. Реставрация же Мэйдзи по своим последствиям (индустриализация, урбанизация,

централизация власти) была близка к революциям европейского типа. Но система государственной власти не подвергалась коренной ломке. Кроме того, японцы и не ставили задач, которые решались во время европейских революций. Они сделали все, что было нужно их стране в то время для сохранения независимости и создания равновеликого европейским государства. Типологически события Мэйдзи можно рассматривать как консервативную революцию. Этот термин еще мало встречающийся у нас, довольно широко используется в западной политологической литературе. Основное его содержание сводится к тому, что революционные преобразования в традиционных обществах происходят на основе собственной традиции.

Достаточно высокий уровень развития Японии к моменту вступления ее в тесный контакт с западной цивилизацией позволил проф. Дж. Арнасону (университет Ла Троб, Мельбурн) предложить интересное сравнение истории страны не с отдельными европейскими странами, а с континентом в целом. При этом, по его мнению, роль отдельных европейских государств играли здесь феодальные кланы. Таким образом, Япония несла в себе «свою Италию, Голландию, Францию, Англию и Германию вместе взятые»<sup>1</sup>.

Речь идет о том, что в Европе ни одно государство не играло главенствующей роли, т.е. на континенте отсутствовала жесткая централизованная власть, что обеспечило сравнительно быстрый переход западного общества к капитализму. То же, в частности, имело место и в Японии в токугавский период, где в отличие от других азиатских стран (в первую очередь от Китая с его монолитной императорско-бюрократической системой, не допускающей инакомыслия) власть государства, и особенно экономической, была слабее. По справедливому замечанию китаеведа Ф.Б. Беллюбского, «ослабление центра подготовило ускоренный бросок традиционного европейского общества в светлое царство еврокапитализма... где-то на рубеже XVI-XVII веков. Наоборот, в Азии укрепилось в разных вариантах экономическое верховенство государственной власти. Послабее она оказалась в Японии (вот мы и видим результат)»<sup>2</sup>.

Аналогичные взгляды японских и китайских ученых на сходство в целом политических систем средневековой Японии и Западной Европы приводятся в компаративистском исследовании японоведа А.В. Загорского. В частности, по мнению профессора Хатано Ёсихиро, повторение Японией пути капиталистического развития Западной Европы было обусловлено подобием политических систем средневековых Японии и Западной Европы, порождавших похожие интеллектуальные тенденции<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> The Japanese Tranjectory... с. 240.

<sup>2</sup> Проблемы Дальнего Востока. 1991, № 4, с.116.

<sup>3</sup> Загорский А.В. Япония и Китай. Пути общественного развития в оценке японской историографии. М., 1991, с.138.

Подробнее об этом будет сказано ниже. Кроме того, как отмечает отечественный исследователь Р.И.Капелюшников, в средневековой Европе не только не возникло гегемонии какого-нибудь одного государства, но была и высокая степень политической преемственности и стабильности. «Уникальное сочетание — поддержание порядка при отсутствии сильной центральной власти — было возможно благодаря тому культурному единству, основу которого составляло христианство — политическая стабильность обеспечивалась, как выразился один историк, «невидимой рукой Иисуса Христа»<sup>1</sup>. Для Японии же эту роль играл национальный фактор.

Процесс модернизации Японии — не прямолинейное поступательное движение. В нем наблюдаются свои приливы и отливы: от полного отторжения всего западного, до практически полного его принятия. Подобное отношение ко всему иноземному было свойственно японскому обществу в течение всей его истории.

Усвоение чужеземного опыта определялось прежде всего политическими целями, и этот процесс шел под контролем правящей элиты. Достаточно наглядно проявилась эта тенденция при первых контактах с европейцами в XVI в. и проникновении западных идей в XVII-XVIII вв. В частности, благожелательное отношение к португальскому оружию, медицине, астрономии и религии довольно быстро сменилось негативным, ибо правители страны опасались появления политической «пятой колонны», как удачно выразился К.Вольферен<sup>2</sup>. В конечном итоге принималось то, что отвечало потребностям общества в данное время и корреспондировало с японской традицией. Отчасти заимствования играли роль стимуляторов внутреннего развития.

Не менее интересны с точки зрения своего революционного характера и реформы, проведенные в Японии после ее поражения во второй мировой войне. Они были столь радикальны, что заслужили оценку, в частности, наших ученых, как решающих задачи буржуазно-демократической революции. Проведенные в стране преобразования создали условия для ускоренного экономического развития, в результате которого Япония стала полноправным членом модернизированных обществ.

\*\*\*

Модернизация Японии была, таким образом, крупномасштабным процессом, проводимым сверху, и в период Мэйдзи, и после второй мировой войны. Она явилась результатом целенаправленной деятельности правящих кругов, будучи приоритетом национальной политики.

---

<sup>1</sup> Мировая экономика и международные отношения. 1991, № 6, с.62.

<sup>2</sup> Volferen K. van. The Enigma...с.19.

Это в значительной степени предопределило ее относительно бурные темпы. Быстрота процесса модернизации способствовала появлению у народа в целом чувства, что все можно и нужно делать быстро. Это отчасти и придает динамизм обществу, рождая ощущение спрессованности истории.

Однако японские историки и социологи, сравнивая реалии своей страны с уровнем, достигнутым Западной Европой и Северной Америкой, по большей части склонны считать свою модернизацию медленной и неудовлетворительной. Это происходит, видимо, от недооценки ими уровня развития Японии и предпосылок для ее модернизации в середине XIX в. Возможно, такая точка зрения японских ученых (в частности, по мнению Онабэ Тэрукико из токийского университета Отяномидзу<sup>1</sup>) является естественной реакцией на длительный период восхваления ими японской истории вплоть до искажения исторических фактов.

Западноевропейские и американские ученые полагают, что уровень модернизации и демократизации Запада надо рассматривать не как норму для сравнения, а как цель, которая должна быть достигнута в этом процессе другими странами. Представляется, что такая точка зрения более продуктивна, ибо ориентирует на сравнение одностадиальных явлений. И с этой точки зрения процесс модернизации Японии выглядит более быстрым, чем на Западе, где он носил, по определению А.А.Игнатьева, «характер диффузного и стихийно протекавшего исторического процесса, который никто специально не «организовывал»<sup>2</sup>, что, как было показано, присуще японскому типу модернизации.

Но и, догоняя Запад, принимая его модель в значительной степени под давлением обстоятельств, Япония, и это очень важно, не теряла своего лица, делала это на своих условиях. Все заимствованное она органично вплетала в контекст своей культуры. Безусловно, в этом процессе страна что-то утрачивала, но эти потери были не более серьезными, чем у западных стран при их собственной модернизации.

---

<sup>1</sup> Teruoka Onabe. An Introduction to Japanese History. Tokyo, 1983, с.55.

<sup>2</sup> Вопросы философии. 1991, № 4, с.17.

## Глава третья

# ПОСЛЕМЭЙДЗИЙСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ

Характеристика домэйдзийского общества. Подъем общественной мысли и идеологическая подготовка реставрации Мэйдзи. Усвоение европейских философских учений. «Дух Ямато», концепция *кокутай* — база реставрации власти императора. Государственный *синто* — основа послемэйдзийской идеологии. Социально-экономические и политические реформы — отправной пункт модернизации. «Богатая страна и сильная армия» — лозунг модернизации. Традиционные и западные духовные ценности. Своеобразие модернизации этого периода. Роль государства и бюрократии. Приливы и отливы в усвоении европейского опыта. Результаты модернизации. Политический климат. Модернизация на службе милитаризма.

В середине XIX в. перед Японией встала альтернатива быть или не быть независимой, способной встать вровень с развитыми в то время государствами. Это был период, когда складывалась мировая капиталистическая система и развитые страны насильственно втягивали в нее все остальные. Азиатские государства оказались не способными ответить на этот вызов Запада и обрели судьбу колоний и полуколоний. Единственным путем избежать этого могло стать проведение коренных преобразований, что и было сделано в Японии. Этому способствовало и отвлечение сил основных европейских держав и США, занятых борьбой в колониях и в своих странах.

Накануне насильственного открытия страны, в середине прошлого века, японское общество по многим параметрам находилось в кризисном состоянии, которое характеризовалось социальным разложением, экономической стагнацией и политическим безволием правящей элиты. В стране складывалась революционная ситуация. «Революция совершается только в обществе закостеневшем и потерявшем свою политическую и социальную энергию... Революция — это то, что следует за вырождением общества... как новая жизнь, как новая энергия, как новое начало... Она не может возникнуть в здоровом и полноценном обществе. В таком обществе она просто не будет иметь никакого смысла»<sup>1</sup>.

Для кардинальных преобразований в изолированном с жестко регламентированным укладом жизни и хозяйственной деятельности обществе существовали определенные предпосылки. В стране развивалось общественное разделение труда, расширялись товарно-денежные

---

<sup>1</sup> Дугин А. Консервативная революция. М, 1994, сс. 337, 338.

отношения как в городе, так и в деревне; возникали мануфактуры, купеческие гильдии, торговые дома; осуществлялась специализация сельскохозяйственного производства и происходило расслоение крестьянства; шел процесс урбанизации и формирования национального рынка. Все это свидетельствовало о том, что в экономике без какого-либо вмешательства извне создавалась база для перехода к капитализму. Таким образом, по многим параметрам японское феодальное общество, как и европейское в свое время, было подготовлено к модернизации. Поэтому разрыв между промышленными революциями был не так уж велик — в 50-100 лет. Склонная к образному мышлению, известный японский социолог Наканэ Тиз пишет, что «колеса к повозке были сделаны задолго до модернизации; требовалось только сменить тип седока и направление движения»<sup>1</sup>.

В этой связи представляется неправомерной критика отечественного исследователя В.В.Макаренко в адрес ряда ученых о неоправданном преувеличении значения внутренних факторов для последующей капиталистической трансформации японского общества. Он рассматривает эти факторы для хода модернизации как вторичные, и это при том, что сам оценивает феодальную экономику как динамичную, а не стагнирующую<sup>2</sup>.

Довольно значительное место в обществе занимала в тот период культурная жизнь. Существовал весьма высокий уровень просвещения. Примерно половина мужчин и около 15% женщин получали систематическое образование. Были школы для самураев, торговцев и прихрамовые — для простого люда. Таким образом регулярное образование получали представители разных слоев общества. Например, такие выдающиеся философы XVII-XVIII вв., как Хаяси Радзан, Ямагата Соко, были выходцами из самураев низшего ранга, Ито Дзинсай и Накамура Тэкисай — из торговцев, Ямада Хококу — из крестьян, Рай Суйсюн — из ремесленников, Огю Сорай — из семьи врача. Свидетельством распространения грамотности среди крестьян являются их сохранившиеся дневники и переписанные от руки книги, содержащие различные сведения по ведению сельского хозяйства. Для них же издавались и необходимые пособия.

Суть образования сводилась к изучению классических китайских (конфуцианских) книг и основ математики. В значительной степени экономическая направленность образования отличала Японию того времени от европейских стран, где оно было нацелено по преимуществу на чтение религиозных книг<sup>3</sup>, хотя светское образование занимало уже

---

<sup>1</sup> Nakane Chie. Japanese Society. Tokyo, 1987, с. 119.

<sup>2</sup> См. Макаренко В.В. Общее и особенное в генезисе японского капитализма (1868-1914) (Автореферат кандидатской диссертации). М., 1985, с.7, 8.

<sup>3</sup> Лекция проф. Хаями Акира, прочитанная в Институте востоковедения РАН 04.05.1994 г.

значительное место. Однако ввиду раздробленности страны пока еще не было единого государственного органа контроля над просвещением. Тем не менее фундамент высокого уровня образования, который сегодня считается одним из проявлений японского феномена, был заложен век назад.

Уже к концу XVII в. с ростом числа городов в японском обществе зарождается слой интеллектуалов. Самую большую группу среди них составляли философы. В значительной степени они были последователями чжусианского конфуцианства<sup>1</sup> и занимались в основном интерпретацией и комментированием этого учения. Одной из влиятельных философских групп была школа Огю Сорая. Будучи последователем Конфуция, он тем не менее сыграл большую роль в модернизации этого учения. По мнению крупнейшего из ныне здравствующих японских философов Маруяма Масао, школа Сорая дезинтегрировала конфуцианство в токугавской Японии и оказала значительное влияние на школу Кокугакуха (Школу национальных наук), сделав основой своего метода «изучение древних фраз и синтаксиса».

С именем Сорая связано также новое направление в философии — «практическое учение» (*дзицугаку*), означавшее связи философии с деятельностью человека и ролью науки. У Сорая управление государством стоит вне зависимости от этических норм, в то время как Чжуси связывал воедино политику и этику. Вместо понятия Пути как высшего духовного начала он ввел концепцию Пути как систему политических институтов (сюда относили ритуал, законы, наказания и т.д.).

Японская модификация конфуцианства заложила основы современного мировосприятия и подготовила почву для усвоения впоследствии европейских знаний. По определению Маруяма Масао, одной из важных черт современного сознания явился рационализм. Путь к нему шел «от философии Чжуси через школу Сорая к Школе национальных наук. Однако направление этого пути было скорее иррациональным, чем рациональным. В чем же причина? Эту проблему... надо рассматривать с двух позиций: с точки зрения всемирно-исторического развития и исходя из специфических черт философии Чжуси. Если основываться на первой точке зрения, то современное сознание не развивалось, как это часто наивно полагают, по прямой, путем постепенного освобождения от всего иррационального. Современный рационализм был взаимосвязан с эмпиризмом, основанным в большей или меньшей степени на естественных науках»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Чжусианство (основатель — Чжу Си, 1130-1200) — объективно-идеалистическое учение, согласно которому природа независима по отношению к человеческому духу, но по отношению к абсолютному духу (источнику человеческого духа) она является внешней стороной. Его особенностью являлась отсутствие прагматизма, а главное созерцательность, проповедь; знание признавалось первичным, а действие вторичным.

<sup>2</sup> Maruyama Masao. Studies in the Intellectual History of Tokugawa Japan (пер. с японского). Tokyo, 1974, с.179.

Как уже говорилось, традиционные общества считались отсталыми не только в экономико-технологическом, но и в социально-духовном плане. В отношении Японии это мнение наиболее четко выразил известный историк, философ-материалист Нагата Хироси (1904-1947). Он писал: «Капиталистическая Япония, восприняв европейскую мысль, должна была заново начинать свою духовную жизнь. Такая неразвитость философской мысли Японии обусловлена прежде всего *отсталостью* ее исторического развития. В течение долгого времени Япония была отсталой страной по сравнению с «Срединным Цветком» — Китаем, а затем по сравнению с капиталистическими державами Европы и Америки. Разумеется, поэтому прежде чем в Японии могла сформироваться идеология на уровне передовых стран, она должна была быть привнесена сюда из передовых стран. Вот почему существенной характерной особенностью истории японской философской мысли является недостаточное развитие в ней творческого начала и оригинальности»<sup>1</sup>.

Эта точка зрения также отражала европоцентристский подход к духовному состоянию японского общества, которое рассматривалось как периферия. Аналогичная ситуация возникала в свое время и в связи с влиянием китайской культуры. По характеристике американского японоведа Д.Кина, с самого начала развития японской цивилизации прямо или косвенно образцом служил Китай. Хотя китайские идеи с течением времени и претерпевали значительные изменения, а некоторые эстетические и духовные ценности японцев вообще не подвергались серьезному влиянию, в целом Китай считался источником всякой мудрости<sup>2</sup>. Э.Рейшауэр даже называл Японию дочерью древней китайской цивилизации.

Однако такой подход не соответствовал истинному положению дел. Свидетельством этому является существование (в начале XVIII в.) уже упоминавшейся школы Кокугакуха. Она как раз и связывала трудности, переживаемые в тот период японским обществом, именно с засильем китайской культуры и требовала возрождение национальных ценностей, восстановления подлинной императорской власти, роли *синто*, признания уникальности отечественной культуры и нации вообще.

Крупнейший представитель Кокугакуха Мотоори Норинага (1730-1801) и его ученики превратили ее в подлинно философскую школу. Будучи синтоистами они возвеличивали национальную мифологию, преклонялись перед древними историко-литературными памятниками. На этой основе было разработано теологическое учение «возрожденное синто», которое понимается как «Путь древних» (*кодо*). Основным элементом его была идея божественного происхождения Японии, исклю-

---

<sup>1</sup> Нагата Хироси. История философской мысли в Японии. М., 1991, с.31, 32.

<sup>2</sup> Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720-1830. М., 1972, с.31.

чительности этой нации. Это послужило основанием для оценки учения Кокугакуха как начального этапа становления национального самосознания японцев и формирования идеологии национализма, данной Ю.Д.Михайловой. Нагата Хироси также усматривает в доктринах этой школы «ростки национализма»<sup>1</sup>. Это, безусловно, справедливо. Но воззрения представителей данной школы этим не ограничиваются. В частности, Мотоори Норинага, говоря об исключительности японцев, акцентировал внимание не столько на их этническом превосходстве, сколько на сакральном. Он связывал это с их происхождением непосредственно от богини солнца Аматэрасу, усматривая в ее деяниях проявление Традиции, отмечая универсальный, надэтнический характер последней. В одной из своих работ Норинага писал: «Нет ни одной страны на свете, которая бы не получала благодатный свет этой богини. Ни одна страна и дня не может прожить без милостей этой богини»<sup>2</sup>. Вот яркий пример значения мифологической истории для формирования мировосприятия японцев.

Развивая концепцию синтоизма своего учителя Норинага, философ Хирата Ацутанэ (1776-1843) соединил ее с политикой. В результате идея почитания императора стала не только выражением протеста против режима Токугава, но и послужила основой установления государственного *синто* и национализма. Этнократическая доктрина Хирата явилась идеологической основой реставрации Мэйдзи. Философские воззрения Кокугакуха послужили идейной базой оппозиции токугавскому режиму в конце XVIII — начале XIX вв., который опирался на чжусианское конфуцианство, некоторые течения буддизма и в значительной степени был оторван от традиционных ценностей.

Формирование философских взглядов в это время складывалось не без влияния европейских идей, западной духовной традиции, проникавших в Японию в первую очередь через голландцев и потому получивших название *рангаку* (голландские знания). В частности, под воздействием идей западной демократии, и в первую очередь понятия свободы, во второй половине XIX в. в Японии оформилось «движение за свободу и народные права». К слову сказать, обозначение этого понятия по-японски *дзю* появилось лишь после Мэйдзи, а впервые ввел его в употребление японский ученый Сугита Сэйкэй (1817-1859) на голландском языке. В то время под этим словом во внутренней политике понималось освобождение от феодализма с его сословными ограничениями, а во внешней — утверждение суверенитета и независимости. И

---

<sup>1</sup> Из истории общественной мысли Японии. XVII-XIX вв. М., 1990, с.112; Нагата Хироси. Цит.соч., с.230.

<sup>2</sup> Перевод Михайловой Ю.Д. в Приложении книги Мотоори Норинага «Жизнь и творчество». М., 1988, с.158.

лишь после реставрации добавился индивидуалистский, гражданский аспект. Точно так же слово *сякай* для обозначения понятия «общество» в европейском восприятии появилось лишь в 1875 г. Ранее такого понятия быть не могло, ибо в то время преобладали интересы замкнутого круга людей, а более широкие социальные связи в масштабе страны были чрезвычайно слабы.

Восприятие западных взглядов проходило в острой, подчас непримиримой борьбе между теми, кто принимал западную цивилизацию, и теми, кто яростно ее отрицал. Несмотря на указ о «запрещении ввоза иностранных идей», европейские знания не только проникали в Японию, но и приживались на ее почве. Создавалась школа отечественных ученых, всемерно способствовавших восприятию западной цивилизации. На смену лозунгу сочетания китайской учености и японского духа (*кансай-вакон*) приходит формула японский дух-западная техника (*вакон-ёсай*). Ее вариантом может считаться также восточная мораль-западная техника (*тоё дотокү-сэйё гидзюцу*). *Вакон* олицетворял собой традиционную культуру; это понятие отражало мировоззренческий аспект, связанный с духовными ценностями японцев. *Ёсай* означал универсальную европейскую цивилизацию.

Правительство сознательно поддерживало этот лозунг, ибо понимало, что только усвоив достижения западной науки и техники, оно сможет отстоять независимость страны и таким образом свои привилегии. Но усвоение западных достижений несло с собой опасность разрушения всей старой системы. Отсюда появление лозунга «изгнание варваров» (*дзёу*), который Маруяма Масао оценивает как проявление начальной стадии национализма. По его мнению, вообще японский национализм возник в ответ на давление со стороны стран Запада. «Когда национальная иерархическая структура начала вписываться в горизонтальные международные связи, — пишет Маруяма Масао, — то проблемы внешних отношений свелись всего к одной альтернативе — завоевать или быть завоеванной»<sup>1</sup>.

В процессе реализации многомерной формулы *вакон-ёсай* одни ратовали за внедрение только западной техники, не касаясь духовной сферы, другие признавали заимствование техники и общественных наук, третьи считали, что для овладения всей совокупностью европейской цивилизации необходимы изменение мировоззрения, подготовка общественного мнения к восприятию новых идей. К последним принадлежал выдающийся японский просветитель Фукудзава Юкити (1835-1901). Он был активным участником движения за усвоение западной культуры (конец 60-х — начало 70-х годов XIX в.).

Но, воспринимая и пропагандируя западные идеи, японские просветители ни в коей мере не отрицали традиции. Более того, многие выби-

<sup>1</sup> Maruyama Masao. Thoughts and Behaviour in Modern Japanese Politics (пер. с японского). London, 1969, с. 140.

рали из европейского опыта именно те, которые соответствовали японской действительности с ее духовным, этическим началом, унаследованным от конфуцианства. Даже во взглядах Фукудзава Юкити, наиболее яркого приверженца западного мировоззрения, заметно сильное влияние установок конфуцианства. То же можно сказать и об ученом Ниси Аманэ (1826-1894), который проповедовал западную философию в Японии и одновременно отстаивал самурайскую идеологию в новой армии.

Упомянутые выше философские концепции Кокугакуха не позволяют полностью согласиться с расхожим мнением о том, что ни одно интеллектуальное движение эпохи Токугава не послужило импульсом для реставрации Мэйдзи. Действительно, в Японии в то время не было крупных мыслителей, по образной оценке американского ученого Роберта Белла (Кембридж), «за спиной реставрации Мэйдзи не стояли Локк или Руссо, Маркс или Ленин, Ганди или Мао Цзэдун; была только группа восприимчивых молодых людей, готовых учиться, преданных Японии, но не имеющих определенного взгляда на будущее»<sup>1</sup>. Однако последние слова его не вполне справедливы, ибо общим устремлением в японском обществе в то время было создание сильного независимого государства, способного не только противостоять европейским странам, но и встать вровень с ними.

Это общее устремление опиралось на глубоко укоренившееся в сознании японцев понятие «дух Ямато» (*яматодамасий*), имевшее многовековую традицию. По характеристике философа Кодзай Ёсисигэ, «первоначально «дух Ямато» не имел синтоистского или мифического характера и ничем не был связан с императором или святыми. Он был земной, мирской, народный»<sup>2</sup>. Безусловно, со времени становления государственности это понятие впитало в себя не только все синтоистские постулаты, мифологию, идею «божественного» происхождения нации и несравненного государственного строя, но и конфуцианские установки. Заключение в нем энергия, решимость, боевитость, подпитывала внутреннее саморазвитие общества. С течением времени содержание этого понятия постепенно менялось. Более того, появились схожие понятия «японский дух» (*нихон сэйсин*), «императорский путь» (*кодосюги*), «японизм» (*нихон-но моно, нихонсюги*). Последнее по сути своей соединило все прежние лозунги, став с конца XIX в. идеологией японцев, утверждающей превосходство их нации, освящающей агрессивные войны, определяющей основную особенность морали. Японизм находился в неразрывной связи с реставрацией императорской власти и утверждением государственного *синто*.

<sup>1</sup> Проблемы современной Японии. Социология. РЖ. вып. XII. М., 1975, с. 139.

<sup>2</sup> Кодзай Ёсисигэ. Современная философия. Заметки о «духе Ямато». М., 1974, с. 190.

В Японии накануне реставрации Мэйдзи стабильность поддерживалась относительно сильной властью сёгуна, а политическая преемственность и духовное единство — идеей божественного происхождения нации, персонифицированной в императоре. Эта идея об уникальных качествах японцев нашла наиболее полное отражение в концепции *кокутай* (досл. тело государства, государственный организм). Это понятие соединило конфуцианский рационализм политической системы и собственно синтоистское понимание государственности. Другими словами, в *кокутай* соединились конфуцианство и японская традиция. Это понятие введено в широкое употребление представителями одной из крупных философских школ начала XIX в. — Мито. Они были активными противниками западной цивилизации и широко пропагандировали японскую государственность, в которой соединились воедино император (первосвященник синто и харизматический лидер) и народ, как потомки богини Аматэрасу. Концепция *кокутай* была вызвана к жизни необходимостью обоснования возвращения императору всей полноты власти (духовной и светской), которую он утратил в период сёгуната.

В отличие от Кокугакуха, учение школы Мито не замыкалось на религиозных проблемах. На нем по большей части базировалась политическая программа реставрации. Впоследствии понятие *кокутай* легло в основу морального воспитания в духе преданности императору. Вместе с теорией *тайги мэбу* — долга и обязанности подчиненных — оно стала главной составной частью ортодоксальной версии императорской системы периода Мэйдзи.

В это же время был законодательно оформлен принцип «единства ритуала и управления» (*сайсэй итти*). В первой половине XX в. он трактовался в официальном документе министерства просвещения «Основные принципы кокутай» не только как политическое действо, но и как возвращение к сакральному принципу единства светских и духовных обязанностей императора.

Реставрация императорской власти была вполне логическим итогом борьбы националистических сил страны с уже изжившим себя тоталитарным феодальным режимом сёгуната, борьбы против угрозы потери национальной независимости, в ходе которой реализовывался лозунг «богатая страна — сильная армия» (*фукоку-кёхэй*). Целью было поднять Японию до уровня западных держав. Император был своеобразным знаменем возрождаемого самосознания, символом национального единства. Идея исключительности нации оформилась во второй половине периода Токугава, хотя корни ее уходят в глубокое прошлое, в период культуры Дзёмон. Именно к этому времени относится и зарождение «здорового» японского национализма, который сумел поставить себе на службу все элементы, связанные с понятием демократии и суверенитета народа. Все национальные интересы были подчинены интересам государственности.

Духовным орудием новой власти стал государственный *синто*, во многом способствовавший становлению империалистической Японии. В отличие от народного, в нем был очень силен идеологический аспект — почитание императора. Возрождение *синто* (на многие годы отодвинутого на задний план буддизмом) преследовало не только сугубо религиозные цели, но и политические. Основанный на территориальном принципе адептов, *синто* содействовал реализации политических целей по сплочению нации и укреплению японской государственности на основе религиозного сознания.

Для утверждения государственного *синто* была установлена строгая иерархия святилищ, проведено их объединение. В новой правительственной структуре был учрежден департамент по делам синтоистских святилищ (*дзингукан*), аналог которого существовал в древние времена. Одновременно проводилась политика дискриминации других религий. Правительство стремилось к тому, чтобы *синто* играл основную роль в национальных ритуалах и этике. Храмам высшей категории было запрещено даже заниматься отправлением повседневных служб. Вменение им в обязанность лишь государственного ритуала превращало *синто* в государственную структуру. Моральное воспитание в школах (обязательный предмет, согласно императорскому рескрипту о воспитании, 1890 г.) сводилось к усвоению религиозных догматов. Государственный *синто* официально был объявлен над всеми религиями, а Конституция (1889) законодательно закрепила божественное происхождение императора. Однако в стране сохранились и независимые синтоистские секты, что свидетельствовало о наличии оппозиции правительственной политике в религиозной сфере.

Особенности реставрации Мэйдзи (приход в правительство представителей феодальной знати, торгово-ростовщического капитала, а не буржуазии, которая была еще политически очень слаба) предопределили специфику капиталистического развития страны при сохранении значительных феодальных пережитков (натуральная арендная плата в деревне, помещичья собственность на землю, полуфеодальные условия труда на предприятиях). Поэтому реформы, проведенные новым помещичье-буржуазным правительством, оказались достаточно ограниченными.

В ходе их реализации были упразднены феодальные княжества и создана современная административная система, ликвидированы сословия и феодальная собственность на землю, появился новый класс землевладельцев, была проведена реформа поземельного налога. Кроме того были отменены ограничения на выбор профессии и места жительства, ликвидированы цехи и гильдии, разрешено производство любых сельскохозяйственных культур, объявлена свобода торговли, передвижения людей и перевозки товаров, введена единая денежная система.

Отставание от европейских стран особенно ощущалось в области техники и технологии, и именно в этой сфере динамично пошел процесс модернизации. Усвоение западной науки и техники стало государственной политикой. При этом из иностранного опыта, как и прежде, использовалось лишь то, что отвечало, по мнению правящих кругов, потребностям страны, модернизация проходила под лозунгом *фукоку кёхэй*, приоритет отдавался военной промышленности. Превосходство Запада именно в этой области было весьма чувствительным, поскольку статус военных здесь с феодальных времен был чрезвычайно высок. В значительной степени эта политика была адекватной создавшейся ситуации ввиду слабости Японии и реальной угрозы вторжения западных стран и возможности потери национальной независимости. Милитаризация страны рассматривалась как путь избежать этого. С призывом к ее проведению обращались и японские просветители. В частности, Ёкои Сёнан (1810-1869) считал необходимым начать немедленное создание военно-морского флота. Постепенно социально-экономическое развитие все больше принимало милитаристский характер.

Осуществлению технико-экономической модернизации способствовали не только материальные предпосылки, созданные в феодальную эпоху, но и существовавшие в то время социальные структуры. В первую очередь речь идет о вертикальном построении общества с принципом иерархического социального порядка, системе *из*, лояльности к вышестоящим, дисциплинированности, готовности подчинить личные интересы интересам нации.

Правящая элита умело использовала конфуцианские идеи социальной гармонии, стиль поведения в системе иерархии. Это вело к абсолютизации лояльности государству в лице императора. В этом контексте конфуцианская идея подчинения старшему трансформировалась в беспрекословную преданность интересам государства в большей степени, чем семьи. И эта идея стала серьезной опорой национализма и милитаризма. Немаловажное значение имела этническая однородность японцев с их обостренным чувством принадлежности своей нации. Одним словом, был использован весь накопленный в обществе материальный и духовный потенциал. Это еще раз убедительно свидетельствует о неправомерности утверждения о первостепенной роли внешних факторов для преобразований мэйдзийской эпохи.

Духовная жизнь, как наиболее консервативный компонент традиционной культуры, подвергалась гораздо меньшим изменениям. Правящие круги в известной мере целенаправленно стремились законсервировать национальные ценности, как противовес чрезмерному проникновению западных влияний. Однако успешное освоение достижений западной науки и техники было, естественно, невозможно без овладения в значительной мере и духовным багажом западного общества.

При этом и в интеллектуальной области прежде всего использовались идеи, нацеленные на развитие экономики. В целом в обществе произошел всплеск интеллектуальной жизни.

В стране закладываются основы коренной перестройки, затрагивающей не только производство, но и политику, науку, образование, право, все области культуры, календарь, нормы поведения, обычаи, моду, (неизменным оставались, похоже, лишь письменность и религия). Однако, в отличие от производства, итоги преобразований здесь были гораздо скромнее. Например, несмотря на введение представительных органов власти, избирательное право распространялось на очень ограниченное число лиц, кабинет министров нес ответственность не перед парламентом, а перед императором; особа последнего была объявлена «священной и неприкосновенной», ему были предоставлены неограниченные права главы государства, конституция была наименее демократической. По удачному выражению английского социолога Дж.Фалчера, она была принята для придания Японии респектабельности в глазах Запада.

Отдельные элементы демократии отчасти были заложены уже в домэйдзийской Японии. Их можно найти в региональных союзах (*икку*) и общинных организациях (*со*) воинского сословия с их духом равенства и традициями коллективных решений, что отражало основополагающий принцип принятия решений в группе через опрос мнений всех ее членов. Чувство коллективной ответственности в конце токугавского периода породило в среде самураев требование «уважения общественного мнения» (*коги ёрон*). Принцип коллегиальных решений использовала и токугавская администрация. Это был результат соединения действовавшей социальной структуры и своеобразия общественного сознания японцев. В настоящее время с этой традицией связана и высокая степень участия избирателей в выборах и система принятия решений с помощью предварительных консультаций на всех уровнях на производстве (*ринги сэйдо, нэмаваси*).

На пути развития демократии в мэйдзийский период серьезным препятствием встала существовавшая в стране иерархическая семейная система, основанная на беспрекословном подчинении лидеру, что проецировалось на производство и государство в целом. Даже появляющиеся западные нововведения наполнялись национальным содержанием. Достаточно упомянуть тайный совет при императоре, функционировавший в условиях парламентаризма. Социальный климат в стране определялся военно-полицейским режимом, националистической идеологией. Агрессивность стала главным направлением в политике правящих кругов. По своей сути демократические принципы ограничивались лишь радикальной платформой «движения за свободу и народные права», а представительные демократические институты были таковыми лишь внешне. И все-таки это был огромный прорыв в будущее.

Проведенные реформы значительно ускорили развитие экономики. В деревне посевная площадь, размеры которой в течение 150 предшествующих лет оставались фактически неизменными, выросла к концу 80-х годов на 40%, а объем производства сельского и лесного хозяйства за 20 лет после аграрной реформы (1873 г.) увеличился более чем в 3,5 раза; стоимость вывоза шелка-сырца, одного из основных экспортных товаров — в 6 раз<sup>1</sup>. Только за два десятилетия было создано больше промышленных предприятий, чем за четыре века до этого. В Японии появляется то, чего прежде абсолютно не было. Впервые прокладываются железные дороги, проводятся телефон и телеграф, импортируются автомобили, суда, строится современный флот. Основным источником финансирования служили поступления в бюджет от земельного налога, обеспечивавшего в последней четверти XIX в. до 80% его расходной части.

По ходу модернизации, очень медленно, но все же начинает меняться привычный иностранцам облик Японии, как «страны хризантем». В центральной части крупных городов среди традиционной застройки пока еще инородными вкраплениями просматриваются многоэтажные европейские здания. Они возводились по проектам иностранных и отечественных архитекторов. В 1887 г. строится первое здание парламента (нынешнее было закончено в 1936 г.), в то время самое высокое здание Японии. В 1894 г. начинается застройка делового центра Токио-Маруноути в викторианском стиле, а завершается в 1923 г. сооружением административных зданий на американский манер; в 1895 г. было закончено строительство министерства юстиции, в 1896 г. японский архитектор Кинго Тацуно возводит здание Банка Японии, он же автор проекта Токийского вокзала (1914). Уже с начала века японские и западные архитекторы начинают разрабатывать принципы сооружения антисейсмических зданий с использованием железобетонных конструкций с железным каркасом. Построенный в 1922 г. на основе этих разработок Империял-отель, успешно перенес разрушительное землетрясение (7,9 баллов по шкале Рихтера) 1923 года.

Западный образ жизни входил в Японию с первыми 197 номерами телефонов в 1890 г., первой междугородной телефонной связью между Токио и Осака в 1899 г., с импортом первых автомобилей в 1900 г., с первой трамвайной линией между токийскими районами Симбаси и Синагава в 1903 г. (в следующем году трамвай окончательно вытеснил конку), с прокладкой в 1906 г. первого подводного телефонного кабеля между Японией и США, с электрификацией около 70% жилого фонда к 1922 г. (отсчет идет с 1887 г.), с первой 2,6-километровой линией метро между столичными районами Уэно и Акасака в 1927 г.

<sup>1</sup> Тобата Сэйити, Уно Кодзо. Нихон сихонсюги то ногё (Японский капитализм и сельское хозяйство). Токио, 1959, с.57; Ногё сого кэнкю, 1960, № 3, с.116.

Но в масштабах страны этот процесс шел настолько медленно, что еще в начале 20-х годов много ездивший по азиатским странам известный немецкий писатель Б.Келлерман, убежденно заявил: «И... сегодня, завтра и через сотню лет... не произойдет никаких перемен»<sup>1</sup>.

Катализатором духовной жизни в этот период стала печать. Появляются ежедневные газеты. Первой из них стала «Иокогама майнити симбун» (1870 г.), затем добавились «Токио нитинити симбун» (1872 г.), «Осака майнити симбун» (1888 г.), слившись в 1943 г. они создали одну из крупнейших современных газет «Майнити симбун». С тех же времен ведет свое происхождение «Иомиури симбун» (1874 г.), имеющая сейчас самый большой тираж. В 1897 г. появилась первая англоязычная газета «The Japan Times» популярная и по сей день. К концу прошлого века на японском языке выходило 745 периодических изданий.

Полнокровное приобщение к западной цивилизации было невозможно без проведения крупномасштабной реорганизации системы образования и просвещения в целом. Традиционное обучение уже не соответствовало требованиям времени. Образование, являющееся важным фактором для объединения страны, требовало централизованного контроля над ним. С этой целью в 1870 г. было создано министерство просвещения, а в 1872 г. принят закон об образовании, предоставивший равные возможности его получения представителям всех сословий, мужчинам и женщинам. Новая система образования (начальные, средние, высшие и технические школы, а также университеты) уже не была жестко увязана с каким-либо социальным слоем. Эгалитарность возможностей получения образования и его высокий уровень препятствовали в какой-то мере расслоению общества. С 1886 г. было установлено обязательное четырехлетнее начальное образование, с 1900 г. — бесплатное, а с 1908 г. оно стало шестилетним. Затраты государства в Японии на общее и техническое образование в XIX в. были выше, чем в других странах. В конце XIX — начале XX вв. на эти цели шло до 1/3 расходов местных бюджетов. Успехи Японии на этом поприще были столь велики, что на Парижской выставке 1878 г. стране была присуждена первая премия за организацию школьного дела. Начальное обязательное образование в конце XIX в. получало до 90% мальчиков и 80% девочек. Почти стопроцентным для всех детей оно стало в начале 20-х годов XX в. На рубеже веков по охвату детей начальным образованием Япония сравнялась с Англией.

В основу преподавания в школах был положен утилитарный подход, согласно которому, получая образование для себя, каждый одновременно обогащал и общество. Министерство просвещения осуществляло

---

<sup>1</sup> Келлерман Б. Страна хризантем. Л.-М., 1924, с. 16.

строгий контроль, вводя стандарты на все, что касалось учебного процесса и его организации.

На первых порах школьные программы были откровенно прозападными. Преподавание важнейшего традиционного предмета — морали отошло на задний план. Западная система поддерживалась государством как необходимый фактор осуществления модернизации и индустриализации, но вызывала, естественно, недовольство сторонников национальной системы воспитания. Уже с 80-х годов возвращаются националистические настроения. В соответствии с упоминавшимся рескриптом о воспитании в школах вновь воцаряется «дух Ямато», снова наиважнейшим предметом становится конфуцианская этика, вводится цензура на учебники, а на их страницах появляются назидательные рассказы из мифологизированной истории страны. Например, вплоть до второй мировой войны в учебниках по истории для начальных школ в качестве героя нации, как идеал, к которому должна стремиться молодежь, готовая отдать свою жизнь служению трону, изображался Ку-суноки Масасигэ. Он был одним из военачальников, сыгравших большую роль в борьбе императора Годайго за возвращение ему реальной власти против дома Ходзё (XIV в.). Он остался образцом преданности императорской фамилии.

Помимо государственных создавались частные учебные заведения. Например, до сих пор в центре Токио, в квартале Минами Адзабу функционирует женская средняя школа, учредителем которой была дочь известного политического деятеля эпохи Мэйдзи Итагаки Тайсукэ. Сейчас это комплекс средней школы (первой и второй ступени) и специальной. По традиции здесь большое внимание уделяется изучению английского языка. В ней учится много иностранцев и дети японцев, вернувшихся из длительных заграничных командировок.

Некоторые частные школы впоследствии стали известными университетами. Например, престижный современный Кэйо ведет родословную от частной школы Фукудзава Юкити, не менее престижный Васэда — от Токийской специальной технической школы; университет Рицумэйкан появился благодаря усилиям крупнейшего политического деятеля мэйдзийской эпохи Сайондзи Кимоти.

В это же время появляются и государственные университеты. В 1877 г. был создан Токийский, позже (1886) получивший наименование императорского, после второй мировой войны вновь ставший Токийским. Затем были созданы университеты в Киото (1897), Сэндае (1907), Фукуока (1910), Саппоро (1919).

Движущей силой развития системы просвещения, как и при решении других общенациональных проблем, была межрегиональная конкуренция за высокий уровень обязательного образования, за строительство школ и создание высших учебных заведений. Эта конкуренция не

являлась деструктивной (как и во всех других случаях), а была направлена на лучший результат достижения одной цели (подробнее см. ниже). Образование обеспечивало высокий социальный статус, служило гарантией получения государственной должности и поэтому оставалось неизменной ценностью. Главной особенностью японской системы были жесткие вступительные экзамены при переходе в учебное заведение более высокого уровня. Такая система гарантировала поступление в основном наиболее способных людей.

Тем не менее, несмотря на серьезные перемены в сфере образования и большие достижения в усвоении западного опыта, в целом общество не становилось открытым по типу европейских. Идеи японизма по-прежнему служили делу консолидации населения в едином «государстве-семье» во главе с императором. И эта политика была достаточно эффективной.

Характерной чертой модернизации в тот период являлось осуществление ее сверху, через элиту нации. Широкие массы населения не сталкивались непосредственно с представителями западной цивилизации. Новые знания они получали переведенными на японский язык. Поэтому даже быстрая европеизация не порождала у основной массы населения сильного чувства отторжения. Кроме того, некоторые западные воззрения были близки японским традиционным концепциям. В частности, японское *дзицугаку* отнюдь не противоречило европейскому принципу полезности, основанному на позитивизме.

Тем не менее в процессе модернизации чрезвычайно отчетливо проявились своего рода приливы и отливы. В первые два десятилетия после реставрации царила эйфория от всего западного, все старались перестроить на европейский манер. Появился даже девиз — «уйти с Востока и присоединиться к Западу». Поистине это была подлинная вестернизация, когда все западное считалось хорошим, а все восточное — не стоящим внимания. Даже Фукудзава Юкити писал в то время с осуждением: «Сейчас так называемые просветители, а за ними и тысячи других людей, которые даже толком не разобрались в том, каковы отличительные черты жизни на Западе, проповедуют и безоговорочно признают безусловное превосходство Запада во всем»<sup>1</sup>.

Однако и во время увлечения Западом отношение к его ценностям представителей различных слоев не было однозначным. Правящие круги воспринимали вестернизацию исключительно прагматически, отвергая западный либерализм англо-американского толка. Идеи европейского либерализма получили довольно значительное распространение среди части политических лидеров. Либералы находились в оппозиции правительству, ибо они хотели, чтобы оно сотрудничало с политически-

---

<sup>1</sup> Цит по. Михайлова Ю.Д. Общественно-политическая мысль Японии. М., 1991, с.74.

ми партиями и парламентом. Своеобразие японской либеральной оппозиции состояло в том, что ее возглавляли не представители буржуазии, а либерально настроенные помещики, бывшие отчасти и предпринимателями. Поэтому особых разногласий у них с правительством не было.

Представители старой феодальной знати в большинстве своем вообще не признавали ничего нового, что несла с собой европеизация, а общественные деятели националистического толка были настроены достаточно иронично. Но в целом первое поколение, вступившее на путь модернизации, отнюдь не боялось потерять свою самобытность, будучи твердо уверенным в своей неизбывности. Но с конца века нарастает внутренний протест, по большей части националистически настроенных сил против вестернизации, прежде всего в духовной сфере, нацеленный на возрождение традиции, на защиту собственных ценностей. Другими словами, как и прежде, происходило объединение, казалось бы, несовместимых вещей — европеизации и сохранения национальных элементов.

Особо следует отметить исключительно важное значение государства в процессе модернизации. Мэйдзийское правительство действовало весьма активно, что отличало его от предшествующего. Последнее тоже осуществляло модернизацию общества, но делало это весьма пассивно и ограничивалось лишь военной сферой, хотя ростки ее пробивались и в других областях.

Государство построило крупные промышленные предприятия, которые в большинстве своем затем отдало на откуп частному капиталу, а само сосредоточилось на военном производстве. Ему принадлежали военные заводы, судостроительные верфи, военно-морской флот и большая часть проведенных к 1913 г. железных дорог. Новые предприятия строились по образцу западных. Для организации работы на них и обучения персонала приглашались иностранные специалисты. Правительство укрепило денежное обращение, модернизировало налоговую и бюджетную системы, обеспечило политическую стабильность.

Однако при всей важной роли государства, заложившего мощный фундамент для экономического взлета страны, ведущая роль в модернизации принадлежала все же частному предпринимательству, которое существовало еще в токугавский период. Тем не менее и по сей день во многих странах, которые хотели бы повторить японский путь развития, склонны преувеличивать<sup>1</sup> или даже абсолютизировать роль государства на этом пути. Именно от этой переоценки предостерегает Э.Рейшауэр<sup>1</sup>, за что он, в частности, в свое время подвергся необоснованной критике японских коммунистов.

---

<sup>1</sup> Reishauer E.O. Japan. The Story of a Nation. New York, 1970, с.134.

Важной особенностью модернизации в стране было то, что носители новых экономических отношений были в значительной степени выпестованы протекционистской политикой государства. Кроме того, поскольку буржуазия была еще очень слаба, ведущую роль в осуществлении модернизации сыграла бюрократия, социальный престиж которой всегда был весьма высок, что привлекало в ее ряды способных людей. Японская бюрократия воспитывалась на конфуцианских принципах, признававших единство этики и политики в государственных делах, что в японском варианте конфуцианства проявилось в политической верности. Поэтому бюрократия была достаточно надежной и в значительной степени некоррупцированной. В период Мэйдзи бюрократизация стала одним из организационных принципов государственного управления. Это происходило одновременно с усилением роли государства в жизни общества, с укреплением бюрократии не только в правительстве и армии, но и во всех сферах жизнедеятельности страны.

Правительственная бюрократия в свою очередь легко находила общий язык с либерально настроенными помещиками, аристократами и предпринимателями. Отсюда возможность компромиссов и незначительная ниша для развития подлинной демократии и буржуазного индивидуализма. Именно благодаря наличию в правящей элите высококвалифицированной бюрократии, имеющей давние традиции, модернизация проходила достаточно успешно. Однако корпоративный характер общества сказался на ведомственной ограниченности государственных чиновников, что негативно сказывается на их деятельности и в настоящее время.

К концу века Япония заявила о себе как о крупной империалистической державе, стремящейся занять полноправное место среди развитых стран мира. Последующий ход событий в стране и ее внешнеполитические устремления свидетельствовали о пассионарности японского народа<sup>1</sup>.

В целом процесс модернизации, как видно из вышесказанного, шел достаточно успешно. По абсолютно справедливому замечанию Э.Рейшауэра, этот период ученичества у Запада сравним лишь с великой эпохой тысячелетней давности, когда японцы усваивали китайскую цивилизацию<sup>2</sup>. К этому можно добавить, что во второй половине XIX века этот процесс был более масштабным, систематическим и шел ускоренными темпами. Многие стороны западной цивилизации усваивались японцами уже в силу того, что они пошли по пути модернизации, а не

---

<sup>1</sup> Гумилев Л.Н., введший этот термин в употребление, определяет его как «потребность и способность изменить окружающую среду» (Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993, с. 509).

<sup>2</sup> Reishauer E.O. Japan. The Story of a Nation. с. 135.

потому лишь, что это было просто западное. Модернизация требовала адекватных ей изменений как в экономике, так и в быту. Едва ли можно переоценить благодатную роль для развития Японии победоносных войн 1893-1894 гг. с Китаем, 1904-1905 гг. с Россией и успешное участие в первой мировой войне.

Вступление Японии на путь ускоренной модернизации, таким образом, было объективной экономической необходимостью и, конечно, не было лишь, по выражению японского историка Изнага Сабуро, «политическим капризом» правительства<sup>1</sup>. Также закономерным было осуществление этой модернизации по пути наращивания военного потенциала. Такой ход развития детерминировался агрессивной внешней политикой, которая отвечала интересам военных кругов и крупного капитала. Подобная направленность внешней политики в условиях того времени было, пожалуй, единственным путем для Японии стать державой мирового ранга. Более того, военные успехи страны довольно основательно подпитывали ее экономическую модернизацию.

Политический климат в стране был подстать милитаризирующейся экономике. Несмотря на функционирование политических партий различной идеологической ориентации и деятельность парламента, на определенный подъем рабочего и профсоюзного движения в 20-е годы, постепенно в правящих кругах все больше брали верх наиболее агрессивные элементы. Это привело в годы, предшествующие второй мировой войне, к репрессиям против всех демократических сил, к запрету политических партий, большинства общественных организаций и профсоюзов. Жизнь общества подчинялась единой сверхзадаче — служению трону, утверждению японской нации как единственной и уникальной. Для достижения этой цели пропагандировались идеи безграничной преданности императору, средневековые традиции самурайства, лозунги паназиатизма, идеологически обрабатывались не только военнослужащие, но и все население.

В условиях милитаризации страны создавались новые организационные структуры, способствующие достижению поставленной сверхзадачи. В частности, вместо «самораспустившихся» профсоюзов создаются общества служения отечеству через производство. В эти организации входил весь персонал предприятия, а председателем, как правило, становился президент компании. Основная идея создания таких обществ состояла в проповеди патернализма и классового мира, а также подчинении всех ресурсов (в первую очередь человеческих) целям производства и войны.

Достижения японской экономики обеспечивались ценой непомерной эксплуатации трудящихся масс. Уровень заработной платы наем-

---

<sup>1</sup> Изнага Сабуро. История японской культуры. М, 1980, с.190.

ных работников был в несколько раз ниже, чем в западных странах. Развитие производства не вело за собой улучшения положения основной массы работников, что было бы естественным в период экономического подъема, и даже не стабилизировало их доходы, которые обесценивались в процессе инфляции. Условия труда были чрезвычайно тяжелыми — рабочий день длился в среднем не менее 14 часов, социальная защита была мизерной, трудовое законодательство — далеко несовершенным, здравоохранение — недостаточным, питание — скудным, смертность, особенно детская, — весьма высокой, продолжительность жизни — одной из самых низких в сравнении со странами Запада. Уровень и образ жизни японцев, несмотря на многие заимствования, был исключительно далеким от европейских стандартов. Такое положение в значительной степени являлось следствием сохранения сильных феодальных пережитков в экономике и политике, курса правящих кругов на милитаризацию страны.

\*\*\*

Развитие Японии по вышеописанной модели привело ее к логическому концу — сокрушительному поражению во второй мировой войне. Это подтверждает вывод Л.Н.Гумилева о том, что «импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака — пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков»<sup>1</sup>.

Поражение милитаристской Японии было не просто военным поражением, а крахом политической и социально-экономической системы. Оно выявило негативные стороны предшествовавшего развития. Япония оказалась в глубоком кризисе. Население впало в состояние шока, прежде всего потому, что рухнули идеологические устои, основывающиеся на крайнем национализме. Со всей очевидностью проявилась пагубность сочетания нищеты народа и милитаристского курса. Это был крах милитаризма и японизма. Именно с этого рубежа японской истории начинается отсчет нового этапа модернизации страны.

---

<sup>1</sup> Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1989, с.258.

## Глава четвертая

# МОДЕРНИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИИ

Демократические преобразования — основа послевоенного этапа модернизации. Американская оккупация и национальный фактор в процессе модернизации. Демократизация — единственно правильный путь подъема страны. Период высоких темпов роста — база модернизации. Переход к интенсивной модели развития. Действие эндогенных факторов в модернизации. Превращение в страну «новой индустриальной культуры творческого типа». Вовлечение в процесс интернационализации и сложности на этом пути. Стереотипы взаимовосприятия японцев и иностранцев.

В первые послевоенные годы страна находилась в исключительно тяжелых экономических условиях. Небывалая инфляция, нищета, нехватка предметов первой необходимости, продуктов питания, жилья привели к невиданному росту стоимости жизни. По сравнению с 1937 г. она выросла в 15 раз, а заработная плата — только в 4,4 раза. Острая продовольственная проблема дополнялась тяжелейшим положением в промышленности, основные отрасли которой были парализованы, хотя производственно-техническая база тяжелой промышленности к концу войны была во многом сохранена.

На этом фоне были проведены системные реформы в социально-экономической, политической, идеологической и культурной областях. По мнению Изнага Сабуро, назвавшего эти реформы «вторым открытием страны», особое значение для послевоенного развития модернизации сыграли три следующие мероприятия. Во-первых, замена мэйдзийской конституции, утверждавшей абсолютную императорскую систему, новой, базировавшейся на принципах демократии. Во-вторых, пересмотр прежнего Гражданского кодекса и создание условий для формирования современных семейных отношений с равенством полов. В-третьих, проведение земельной реформы<sup>1</sup>. Но, конечно, весь набор факторов, обеспечивших модернизацию, был гораздо шире.

Послевоенные реформы проводились в чрезвычайно своеобразной ситуации — оккупации страны. Но именно эти условия и сыграли позитивную роль в подготовке и проведении опять поистине революционных для Японии преобразований (вспомним реформы мэйдзийского периода!). Оккупационная администрация, привлекая экспертов — круп-

<sup>1</sup> Изнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972, с.204.

ных американских специалистов различных областей народного хозяйства, — разработала конкретные мероприятия в соответствии со стратегическим направлением политики США в отношении поверженного соперника — демилитаризации и демократизации.

За этой глобальной стратегической целью, безусловно, стояло стремление уничтожить конкурента. Но именно жесткие действия оккупационных властей, которые могли позволить так безжалостно себя вести, ибо это была чужая страна, обеспечили радикализм реформ и проведение их в сжатые сроки. В первые послевоенные годы политическая стабилизация, столь необходимая для нормализации жизнедеятельности общества, также обеспечивалась не всегда демократическими методами. Но в конечном результате все это работало на достижение поставленных целей. Безусловно, любая оккупация не может быть абсолютным благом, ибо она даже при всех позитивных последствиях ущемляет чувство национальной гордости и сказывается на мироощущении народа.

Но, безусловно, не только и не столько обязаны японцы оккупационным властям успехами демократических реформ. Отдавая должное политике оккупационных властей, Э.Рейшауэр писал: «Трансформацию послевоенной Японии нельзя рассматривать по преимуществу как результат внешнего воздействия. Опыт войны — провал имперских претензий и национальный крах, к которому привели эти амбиции — в любых случаях заставил бы Японию двигаться в направлении, по которому она пошла в условиях оккупации. Она не смогла бы выжить экономически иначе, как на основе мирной внешней торговли. Парламентская демократия со всеми ее ошибками представляется единственной альтернативой несчастьям, которые принесло с собой авторитарное правление... Реформы оккупационных властей прошли успешно в значительной мере благодаря тому, что отвечали направлению, которым шла сама Япония»<sup>1</sup>.

Действительно, хотя толчком к проведению реформ послужило поражение страны в войне, предпосылки к ним были заложены уже в предшествующие годы, точно так же, как и в период Мэйдзи. Ведь естественный ход развития был полностью прерван милитаризацией страны лишь во второй половине тридцатых годов. А до этого постепенно расширялись избирательное право и социальные гарантии, сокращался рабочий день, появлялись рабочие и крестьянские организации, политические партии левого толка. В стране достаточно эффективно действовала административная система, были высокий уровень грамотности населения, хорошая организация производства, более чем полувековой опыт функционирования парламентских институтов.

---

<sup>1</sup> Reishauer E.O. The Japanese. Tokyo, 1977, с. 109.

Правительство, естественно, и само было бы вынуждено резко изменить политический и экономический курс. Но в условиях сохранения прежнего государственного строя оно никогда не сумело бы совершить столь радикальный поворот. Для подтверждения этого достаточно упомянуть, что предложенный в октябре 1945 г. японский план роспуска *дзайбачу* (финансово-торгово-промышленные замкнутые семейные концерны) и уже принятый парламентом в декабре 1945 г. первый закон о земельной реформе были отклонены американской администрацией, предложившей более радикальные проекты. Точно так же вряд ли была бы проведена и столь жесткая дефляционная политика. Известно, что в начале 1950 г. японское правительство даже предприняло попытку ослабить суровые антиинфляционные меры, но американская администрация на это не пошла.

Еще одним своеобразием осуществления преобразований было разделение функций между оккупационными и японскими властями. Первые определили содержание реформ, вторые проводили их в жизнь и отвечали за конкретные мероприятия. Поэтому у населения не возникало чувства неприятия реформ как чего-то чужеродного, и это в значительной мере содействовало успеху их проведения. Такое восприятие кардинальных перемен в обществе во многом шло в русле японской традиции — примата общественных интересов над личными и беспрекословного принятия действий государственной власти.

Развернувшееся сразу после поражения движение прогрессивной общественности за демилитаризацию и демократизацию также работало на реформы. Борьба велась в городе и в деревне, профсоюзными и крестьянскими организациями, левыми политическими партиями. Она была вызвана не только бедственным положением в стране, но и подвляемой долгие годы военно-полицейским режимом политической активности населения. Борясь за свои права, трудящиеся в общей массе поддерживали подчас исключительно жесткие экономические мероприятия, которые тяжелым бременем ложились прежде всего на плечи широких слоев народа. Достаточно вспомнить «движение за сбережения в интересах спасения страны». Речь идет о денежных средствах рядовых японцев, которые они помещали в почтово-сберегательные кассы под сравнительно низкие проценты. С одной стороны, эта тяга к сбережениям была вынужденной, так как люди опасались за свое будущее в условиях нестабильности, но, с другой — это был осознанный шаг — желание внести свой вклад в дело восстановления народного хозяйства. И подобное отношение для японцев было, исходя из вышесказанного, вполне логичным.

Характерными чертами послевоенных реформ являются их комплексность и краткие сроки проведения. Практически все основные преобразования были успешно реализованы за пять неполных лет, а новый

тип землевладения был создан всего за два года. Все реформы были радикальными, имели антимонопольную, антидоталитарную, демократическую направленность. Они стали поворотным пунктом в истории страны и, несомненно, стоят в одном ряду с мэйдзийскими. Как и в то время, они — результат целенаправленной деятельности правящих кругов, приоритет национальной политики.

Юридической базой для мирной модели модернизации стал новый Основной закон. Это была самая демократическая конституция в развитых странах с уникальной 9-й статьей, согласно которой «японский народ на вечные времена отказывается от войны, как суверенного права нации». Конституция провозгласила суверенную власть народа, право людей на жизнь, свободу мысли и совести, собраний, слова, печати, научной деятельности, равенство всех граждан, право трудящихся на создание организаций и коллективные действия. Ее особенность состояла в признании императора «символом государства и единства народа», т.е. сохранялась преемственность государственности, подчеркивалась неизбежность нации, продолжала существовать Традиция.

Демократические принципы, гарантированные конституцией, раскрепощали человека, стимулировали инициативу, проявление способностей, предприимчивости, содействовали активизации экономической и общественной жизни. Особо важное значение для развития прежде всего экономики имел отказ Японии от войны как средства разрешения международных конфликтов. Прямым следствием этого стал исключительно низкий уровень военных расходов (в пределах 1% валового национального продукта, ВВП), что дало возможность использовать практически все имеющиеся в стране финансовые, материальные и человеческие ресурсы производительно.

Осуществленные преобразования явились фундаментом «экономического чуда» и последующего успешного развития. Несмотря на почти десятилетнюю деформацию народного хозяйства, что было связано со ставкой на военную силу, сохранялась в неизменном виде его основа — частная собственность. Это позволило с наименьшими издержками осуществить серьезные перемены.

В первую очередь следует выделить меры по изменению системы японского предпринимательства — роспуск *дзайбацу*, господствовавших в экономике. Согласно принятому антимонопольному законодательству, запрещалось создание картелей и других монополистических объединений, ограничивалась межкорпоративная собственность, наиболее крупные компании ведущих концернов подлежали разделению. Хотя мероприятия по ликвидации монополий не всегда проводились последовательно, они нанесли чувствительный удар по *дзайбацу* с их архаичной организацией. Восстановленные впоследствии многие корпорации уже не имели прежней власти, их организация стала более гибкой,

связи — подвижными. Произошло известное перераспределение капитала, начался процесс образования современных финансовых групп, которые вступили в соперничество друг с другом. Жесткая конкурентная борьба положительно влияла на накопление капитала и рост производительности труда. Она привела наряду с другими факторами к высоким темпам роста и до сих пор является одной из основ японской экономической структуры на всех уровнях предпринимательства.

Программа экономической стабилизации и налоговая реформа ознаменовали окончательный выход из послевоенной разрухи, ибо помогли запустить в полной мере деятельность рыночных механизмов. На основе резкого сокращения всех видов государственных субсидий и ликвидации компенсационных выплат был достигнут сбалансированный бюджет, над его расходной частью установлен контроль Банка Японии. Вместо безвозмездных субсидий компании начали получать кредиты частных банков. Был снят контроль над внутренней торговлей. Частные компании получили право заниматься внешней торговлей, но сохранялась строгая система квотирования импорта и получения валюты. Был введен единый валютный курс, сокращена численность работников всех государственных предприятий и учреждений.

Налоговая реформа ввела прогрессивное обложение личных доходов, снизила необлагаемый минимум, размер налогов на имущество, юридических лиц и прибыль, ввела систему резервных фондов, не подлежащих обложению. Все делалось так, чтобы бремя выплат не вело к сокращению промышленного потенциала. Этот принцип соблюдался японским правительством и в дальнейшем, содействуя накоплению капитала, создавая прочную основу развития экономики.

Процесс ломки системы контроля и субсидирования был, безусловно, весьма болезненным, особенно для широких масс. Но программа экономической стабилизации принесла свои плоды: уже к апрелю 1950 г. денежная эмиссия была прекращена, бюджет стал бездефицитным, средний уровень потребительских цен снизился на 10%, цены черного рынка упали на 1/3, рост зарплаты в среднем по промышленности составил 14%<sup>1</sup>, резко снизилась инфляция, которая в 1952 г. была полностью преодолена.

Среди послевоенных преобразований трудно переоценить значение земельной реформы. До войны в деревне помещикам принадлежала примерно половина обрабатываемой земли, значительная часть которой сдавалась в аренду крестьянам. Многие землевладельцы даже не проживали в деревне. Не будучи заинтересованными в развитии сельскохозяйственного производства они, как правило, арендные платежи вкладывали в другие отрасли экономики.

<sup>1</sup> Такэути Хироси. Сёва кэйдзай си (История экономики периода Сёва). Токио, 1988, с.121.

В ходе реформы государство выкупило землю помещиков и продало ее крестьянам, в первую очередь бывшим арендаторам. Плата была невысокой — 0,1 га стоил примерно столько же, что и несколько килограммов риса, а инфляционный рост цен делал выкупные платежи вполне доступными. Были введены и налоговые льготы для новых собственников земли. Реформа ликвидировала полуфеодальные пережитки в деревне, преобладающей формой хозяйства стало частное мелкокрестьянское на собственной земле. В деревне неотъемлемой частью жизни стала организованная на демократических началах сельскохозяйственная кооперация.

Аграрные преобразования создали благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Они заложили основы для превращения его в современную отрасль экономики. Уже в начале 50-х годов уровень производства достиг довоенной отметки, а к 1960 г. страна почти полностью обеспечивала себя основными продуктами питания. Земельная реформа благоприятно отразилась на народном хозяйстве в целом. Она способствовала расширению внутреннего рынка как на основе производственного, так и личного потребления сельскохозяйственного труженика. Одновременно решались проблемы пополнения рабочей силой развивающихся быстрыми темпами отраслей промышленности и сферы услуг.

Ряд мероприятий внес серьезные коррективы в сферу труда и социального обеспечения. И хотя еще оставалось много нерешенных вопросов (дискриминация в оплате труда в зависимости от размера предприятия, статуса работника и пола, низкий уровень социальной защиты), реализация новых законов о труде создала основу для улучшения условий работы и жизни трудящихся, повышения их доходов. Все это положительно влияло на рост производительности труда, совершенствование производства, увеличение личных сбережений, что, в свою очередь, вело к повышению нормы накопления и росту производства.

Введение трудового законодательства, в том числе законов о профсоюзах, изменило довоенный тип трудовых отношений, в основе которых лежала патерналистская концепция «корпорация заменяет семью для работника», происходил переход от конфронтационной модели отношений к социальному партнерству и социальной гармонии.

Важной составной частью экономических преобразований явилась реформа системы образования. Согласно принятому законодательству, бесплатное обязательное обучение стало девятилетним. Была проведена децентрализация управления, которое в основном перешло в ведение муниципальных властей. Эти мероприятия способствовали созданию широкой сети специализированных колледжей и институтов (в частности, в каждой префектуре были созданы университеты). Это объективно привело к ускорению темпов подготовки среднего звена моло-

дых специалистов для восстановления и развития промышленности, повышению квалификации работников, что было остро необходимо для модернизации и технической перестройки народного хозяйства. Но, безусловно, значение реорганизации системы образования только этим не ограничивается.

В дальнейшем все в большей степени просматривается тенденция приспособления ее к общим задачам социально-экономического развития, повышения качества рабочей силы в условиях быстрого прогресса науки и техники. Высокий уровень образованности японцев сыграл не последнюю роль в успешном экономическом развитии. Уже в 50-60-е годы по уровню образования лиц в возрасте 25-34 лет Япония обогнала развитые страны Европы и отставала только от США. В настоящее время практически вся молодежь заканчивает двенадцатилетку и более 40% продолжают учебу в высших учебных заведениях. С учетом студентов колледжей и институтов этот последний показатель превышает 62%.

Не менее важным для судеб японцев оказался крах националистической, милитаристской идеологии японизма. Это касалось отказа от таких категорий как божественное происхождение императора и его культ, уникальность японской нации, концепция *кокутай*. Крушение националистической идеологии, однако, не означало ее полного ухода из духовной сферы. Более того, в условиях интенсивного взаимодействия культур она получила в известной степени импульс для своей реанимации. Сохранялся национальный элемент, который вновь стал заявлять о себе в благоприятных социально-экономических и политических условиях.

В результате проведения реформ модернизация приняла новое направление, сблизившее Японию со странами Запада. Быстрая замена после войны старых социально-экономических и политических структур новыми, демократическими оказалась единственно правильным путем подъема страны. Этот процесс сопровождался стремительным усвоением достижений западных стран. Модернизация пошла исключительно активно во всех сферах. Результаты ее, безусловно, могут быть сравнимы с изменениями, происшедшими в период Мэйдзи. Послевоенные реформы стали водоразделом исторического развития Японии, фундаментом сегодняшних успехов. Страна прошла несколько этапов и сейчас переходит к новой модели информационного общества, созвучного эпохе интернационализации.

Наиболее важным для процесса модернизации был период высоких темпов роста. В истории Японии его можно определить достаточно точно хронологически (середина 50-х — начало 70-х годов) не только в области экономики, что естественно, но и политики как внутренней, так и внешней, ибо происходившие в это время события имели вполне законченный характер. Развитие экономики в этот период превратило

Японию из страны среднего уровня развития в высокоиндустриальную, одну из крупнейших среди промышленно развитых. Не менее феноменальным было и политическое развитие, ибо возникшая в этот период своеобразная политическая система (единоличная власть либерально-демократической партии (ЛДП), созданной в 1955 г.), демонстрировала на протяжении десятилетий завидную стабильность.

Этот период исследован отечественными и зарубежными учеными весьма досконально, но, ввиду его чрезвычайной важности в истории общества, стоит повторить основные характеристики. 1955 год — отправной пункт высоких темпов роста, знаменателен и полным восстановлением уровня довоенного развития, в том числе и размера национального дохода в расчете на душу населения. В конце 60-х годов Япония вышла на второе место (после США) по объему промышленного производства (без СССР). Существенно изменилась структура промышленности: стали доминировать тяжелые и химические отрасли. Страна заняла ведущее место по производству ряда важных видов продукции, например судов, кинофотоаппаратов, химических волокон, электронной аппаратуры, автомобилей, искусственного шелка.

Серьезные изменения произошли и в сельском хозяйстве. С конца 50-х годов начинается индустриализация отрасли, приведшая к сокращению доли занятых в ней и снижению удельного веса сельского хозяйства в национальном доходе. В основе этих изменений лежали земельная реформа и высокие темпы роста промышленности, которая, во-первых, всасывала рабочую силу, притягивая ее более легким и выше оплачиваемым трудом, комфортными условиями жизни и предоставляла сельскому хозяйству необходимые средства производства. Содействовала модернизации сельского хозяйства и протекционистская аграрная политика. Хотя рост производства был незначителен, изменилась его структура, которая стала более сбалансированной; заметно повысились доходы крестьянских семей. Однако уровень развития сельского хозяйства был еще очень низок как в сравнении с промышленностью, так и с сельским хозяйством других развитых стран. По этим показателям Япония серьезно отстает и сейчас.

В целом можно сказать, что структура народного хозяйства Японии значительно сблизилась в основных чертах со структурой экономики западных стран. В основе высоких темпов роста лежали макро- и микроэкономические факторы, а также социально-психологические. К ним относятся высокая норма накопления и соответственно исключительно высокий прирост капиталовложений, целенаправленное государственное регулирование, в частности дифференцированное и прогрессивное налогообложение, выгодный валютный курс, поощрительные правительственные субсидии, строгий контроль над внешней торговлей, а также экспортная ориентация ряда отраслей промышленности, незначитель-

ная доля военных расходов, низкий уровень заработной платы, внедрение достижений научно-технического прогресса, благоприятные условия для импорта передовых технологий, широкие возможности для ввоза по сравнительно низким ценам сырья и материалов, всеобщая грамотность, использование исторически сложившихся традиций, в частности, отношение к производству со стороны рабочей силы.

Вместе с тем, следует заметить, что развитие народного хозяйства происходило главным образом за счет экстенсивных факторов роста, сложилась энерго- и материалоемкая структура производства в промышленности (не говоря уже о сельском хозяйстве), значительно увеличилось число занятых. Большие успехи, а также фактическое отсутствие безработицы, достижение положительного сальдо платежного баланса не могли перекрыть отрицательного воздействия ряда старых и вновь возникших проблем. В их числе стоит назвать загрязнение окружающей среды, недостаток водоснабжения, рост розничных цен, архаичные формы заработной платы, отставание инфраструктуры, нехватку молодой рабочей силы, сохранение большого удельного веса трудоемких производств в легкой промышленности. Более того, быстрое экономическое развитие не сопровождалось адекватным улучшением жизни людей, формированием благоприятной жизненной среды.

Все эти проблемы потребовали перестройки промышленности, переход к новому типу развития, при котором на первый план выходят интенсивные факторы роста. В стране стали разрабатывать соответствующие программы. Но предполагаемый эволюционный путь к новой модели был прерван изменением условий воспроизводства: повышением официального курса иены в 1971 г. и установлением так называемого плавающего; резким увеличением цен на сырье и материалы, и прежде всего на нефть, в конце 1973 г. Нефтяной шок привел к экономическому кризису 1974-1975 гг., который переплелся со структурным и захватил весь мир, но именно в Японии он был самым глубоким и продолжительным. Это был конец периода высоких темпов роста, но отнюдь не конец «японского чуда». Несмотря на серьезные экономические потрясения, японцы психологически оказались адаптированными к новым реалиям.

Важным фактором поступательного развития являлось устойчивое сохранение консерватизма в политической сфере. Под ним понимается прежде всего обеспечение высокой стабильности в обществе в условиях динамичного развития. Радикальные настроения первых послевоенных лет достаточно быстро утратили свою привлекательность в глазах широких слоев населения. Следует отметить, что тогда произошла лишь частичная смена в политической элите. Точнее говоря, с политической арены ушли только лидеры первого ранга. В то время как в эпоху

Мэйдзи к власти пришла контрэлита, по определению итальянского социолога Вильфредо Парето<sup>1</sup>.

В период высоких темпов роста произошел переход от формальной двухпартийности к многопартийности: вышла из полуподполья Коммунистическая партия Японии (КПЯ), восстановилась Социалистическая партия Японии (СПЯ), появилась Партия демократического социализма (ПДС) и Комэйто (Партия чистой политики). Создание новых центристских партий было вызвано тем, что правящая ЛДП традиционно опирающаяся на жителей сельской местности и мелкую городскую буржуазию, уже не отражала интересов новых городских слоев, активно заявивших о себе в этот период. Общность социальной базы новых и старых оппозиционных партий во многом обусловила их разобщенность и помогала либерал-демократам прочно удерживать власть.

Создание многопартийной системы не могло не сказаться на расстановке политических сил в выборных органах власти. Новые партии несколько потеснили ранее существовавшие. Оппозиционные силы упрочили свое положение и в органах местного самоуправления. В первой половине 70-х годов сложилась ситуация, когда 1/3 населения, или 35 млн. человек, поддерживали их. В это же время Япония вступила в систему международных отношений и довольно быстро заняла в ней весьма прочное место. Но во внешней политике ее правительство во многом было привязано к стратегии США, ее международная значимость росла неадекватно экономическим успехам.

В области культуры в этот период не произошло столь резких изменений как в экономике и политике, что опять-таки напоминало ход событий в мэйдзийской Японии. Тем не менее ряд проявившихся в это время тенденций, заслуживает внимания, являясь отправной точкой дальнейшей модернизации. С одной стороны, во второй половине 50-х — начале 60-х годов, несомненно под американским влиянием, началось развитие так называемой массовой культуры, отвечавшей вкусам все расширяющегося среднего слоя населения. Этому не в малой степени способствовал бурный рост средств массовой информации, что представляло собой одно из серьезных достижений технологической модернизации. Наибольшее развитие получает развлекательный пласт культуры, связанный с современной повседневной жизнью — кино, спорт, телевидение. С другой стороны, ощущается пристальное внимание к возрождению национального культурного наследия. Японцы не только старались не забывать духовные ценности своего прошлого (сохранялись и развивались традиционные виды искусства — Кабуки, Ноо, кукольный театр Бунраку, музеи национального прикладного искусс-

---

<sup>1</sup> Подробнее см. Газенко В. Концепция власти в итальянской политологии рубежа XIX-XX вв. М., 1988 (депозит).

ва, традиционная музыка), но и в современных видах, в частности в кино и программах телевидения, широко использовали исторические сюжеты. Так называемые самурайские фильмы, которые демонстрируются практически каждый день, пользуются неизменной любовью до сих пор. Это можно рассматривать и как реакцию на американизацию и как результат возрождения национального самосознания в условиях бурной модернизации.

В целом развитие Японии в период высоких темпов сыграло исключительно важную роль в послевоенной модернизации и превратило ее в одну из ведущих стран мира. Хотя в последующие годы и произошли существенные изменения в социально-экономической и политической ситуации, именно тогда был заложен фундамент, на котором строится здание Японии XXI века. Примерно с этого времени в модернизации начинают преобладать эндогенные факторы развития. Страна уже не догоняет Запад, а, пожалуй, во многих сферах идет впереди него. В первую очередь это проявляется в экономике и социальных отношениях.

Япония продолжает развиваться более динамично, чем другие переловые страны, несмотря на кризисные годы середины 70-х. Они послужили своеобразным толчком стимулирования и ускорения перестройки народного хозяйства. Начала проводиться политика экономии ресурсов — сырья, энергии, рабочей силы. Наибольшее значение имели такие мероприятия, как введение новых материало-, энерго- и трудосберегающих технологий.

После кризиса начался энергичный переход на новую интенсивную модель развития. Основу этого процесса составляли информатизация, софтизация и сервисация. Это предусматривает интенсификацию материального производства, сокращение числа занятых, внедрение новейших технологий, переключение внимания с количественных показателей на качественные. Бывшие базовые отрасли, оказавшиеся структурно больными, сократили объем производства и провели реконструкцию предприятий. Одновременно во много раз выросли наукоемкие, высокотехнологичные. Именно достижения в этих отраслях являются залогом экономического процветания. По уровню научно-технического потенциала Япония в настоящее время находится в ряду ведущих стран мира. Она имеет все возможности для проведения НИОКР практически во всех областях. Уходит в прошлое ее имидж лишь как способного имитатора достижений Запада. По расходам на научные исследования страна стоит на втором месте после США. Особо следует подчеркнуть гражданскую направленность большинства японских НИОКР<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Подробнее см. Денисов Ю.Д. Основные направления научно-технического прогресса. М., 1987; Япония. Экономика, общество и научно-технический прогресс. М., 1988; Денисов Ю.Д. Информационные ресурсы в японской экономике. М., 1991.

Япония играет важную роль в международном разделении труда и процессе интернационализации экономики. Сохранив передовые позиции в ряде традиционных отраслей промышленности, она стала одним из ведущих поставщиков продукции с высокой добавленной стоимостью, прежде всего электроники, новых композиционных материалов, тонкой керамики, волоконной оптики. Качественные характеристики японской продукции в основном выше, чем зарубежной, что обеспечивает высокую конкурентоспособность ее товаров. Быстрыми темпами возрастает значение Японии и как международного финансового центра. В конце 80-х — начале 90-х годов по общему объему ВВП она уступала лишь США и прочно заняла одно из первых мест в мире по размеру ВВП на душу населения.

Экономическим успехам во многом способствовал достаточно высокий уровень социального партнерства в обществе — совокупный результат взаимодействия разнородных факторов (подробнее см. главу 5). Стабильный социальный климат помогал довольно безболезненно преодолевать ухудшение экономического положения, как например, в период проведения политики экономии ресурсов и сдерживания роста заработной платы во время осуществления структурной перестройки. Аналогичные мероприятия в Западной Европе приводили к нестабильной политической обстановке, накалу стачечной борьбы, вызывавших инфляцию, снижение темпов роста производительности труда, осложнения с введением новых технологий.

В Японии уже сейчас существует многое из того, что предлагают неоконсерваторы на Западе для решения социальных проблем на производстве. Они хотят приспособить существующие трудовые отношения к условиям, когда всемерно укрепляется роль бизнеса, осуществляется «демократия собственника». Неоконсерваторы стремятся также поставить трудовые отношения на непрофсоюзную основу. С этой целью они или интегрируют профсоюзы в структуру предприятия, делая их частью системы менеджмента, или вытесняют, поскольку администрация начинает выполнять функции этих организаций. Происходит переориентация трудовых отношений в сторону неопатернализма, что фактически существует в Японии. В целом формируется неоконсервативная модель общественного развития, сутью которой является система «социального рыночного хозяйства». Причиной появления такой модели послужила явная недостаточность прежних возможностей мировой экономической системы. Неоконсерваторы сумели найти более результативные средства решения социальных проблем, активнее стимулировали индивидуальные достижения, не отрицая при этом «социальное выравнивание». Самое главное состоит в том, что они выступают против вмешательства государства в экономическую жизнь общества, но за самое активное

такое вмешательство в политику, за приоритет общего над индивидуальным.

На современном этапе усиление межцивилизационных взаимодействий при тесных политических, экономических, технологических и идеологических связях ведет к интернационализации мирового сообщества, к созданию глобальных систем. Таким образом модернизация смыкается с интернационализацией, что характерно, в частности для Японии 90-х годов.

Понятие интернационализации, безусловно, многоплановое и требует специального исследования. В контексте данной работы, представляется интересным рассмотреть ее в свете взаимосближения народов, заимствования японского опыта модернизации.

В перспективе глобальной интернационализации Япония, опираясь на достигнутую экономическую мощь, вырабатывает новую стратегию. В области социально-экономической имеется в виду сбалансированное региональное развитие, форсированный рост отраслей передовых технологий, и прежде всего информационемких, создание технополисов, совершенствование социальной инфраструктуры и повышение качества жизни, формирование безопасной и удобной среды обитания. Другими словами, планируется превращение Японии в передовое экономическое и технологическое общество, страну, по выражению бывшего премьер-министра Хосокава Морихиро, «новой индустриальной культуры творческого типа».

Одновременно решается задача поднятия социально-политического и военного статуса страны и приведения его в соответствие с экономической мощью, что поможет Японии стать «международным государством». Под этим термином подразумевается не только органичное включение ее в мировое сообщество, но и создание сбалансированной социально-экономической и политической структуры внутри страны и увеличение вклада в развитие международного сообщества.

В правительственной концепции создания новой социально-экономической системы выделены три основных момента: активность и ответственность индивидуумов и корпораций на основе принципов рыночной экономики; создание условий для реализации всех возможностей, потребностей и желаний каждого члена общества; активное участие в международном сообществе. Эта концепция будет реализовываться в обществе XXI века, имеющего следующие основные параметры:

1. «Старое» общество с небольшим числом детей. Отсюда — нехватка молодой рабочей силы и соответственно повышение значимости и усиление активности женщин и лиц пожилого возраста в жизни общества и создание условий для реализации их потенциала.
2. Глобализация общества, что предусматривает включение людей, товаров, денег, информации в международную систему. Имеется в

виду создание системы мировой экономики и необходимость вклада каждого государства в мировое сообщество.

3. Развитое информационное и телекоммуникационное общество. Предполагается включение национальной информационной сети в мировую, что непосредственно скажется на жизни каждого человека, предприятия, корпорации, правительственных учреждений, т.е. общества в целом<sup>1</sup>.

На этой базе и будет создаваться уже «культурно-интенсивное общество», в котором люди могли бы применять свой опыт на индивидуальном и общественном уровне.

Вхождение Японии в эпоху интернационализации облегчается ее мощным экономическим потенциалом. Под влиянием ее грандиозных успехов другие страны усиленно перенимают японский опыт в системе управления, организации производства и трудовых отношений. Высокие показатели продолжительности жизни японцев, низкий уровень смертности, разводов, преступности привлекают внимание других народов к некоторым аспектам японского образа жизни, межличностных отношений, культурной традиции. Мирный путь развития страны в послевоенный период, сохранение самобытности при глубокой европеизации в целом, может служить хорошей моделью для развивающихся стран, не вызывая у них чувства опасения потерять свою идентичность в условиях модернизации и интернационализации.

В то же время именно большие успехи на экономическом поприще создают и серьезные препятствия на пути ее сближения с другими странами. Опасаясь ее мощи, они обвиняют Японию в закрытости общества и требуют более активного сотрудничества с мировым сообществом. Наиболее серьезные проблемы связаны с внешней торговлей. На протяжении многих десятилетий японская экспортная экспансия вызывала серьезные трения с партнерами. Подчас сложные конфликты доводились до уровня «торговых войн». Достаточно напомнить текстильную «войну» начала 60-х, радиоэлектронную — в 70-е и автомобильную — в 80-90-е годы. В итоге все они разрешались или теряли свою значимость. Но по мере углубления процессов интернационализации, усиления движения капиталов, распространения технологий и расширения миграции рабочей силы, видимо, будут возникать более сложные проблемы, затрагивающие не только экспортно-импортную сферу, но и все стороны процесса воспроизводства. И на этом пути еще не раз Японию будут упрекать в «нежелании играть по правилам мирового сообщества» и требовать, чтобы она из страны, где господствует бюрократия и нет свободной экономики, уподобилась государствам Европы и Северной Америки.

---

<sup>1</sup> Interim Report of the New Economic Plan. Tokyo, 1995.

Определенное несоответствие между экономической мощью и жизненным уровнем японского населения дало возможность Западу уничижительно отзываться об этой стране как об «экономическом животном». Но такая оценка в большей степени была следствием недопонимания социопсихологических особенностей японцев и ряда их традиционных ценностей. В этом проявился европоцентристский подход, во все времена свойственный Западу. Для японцев, например, важнее накормить семью и дать детям образование, чем приобрести престижное жилье (тем более, что его размеры никогда не были здесь приоритетом).

Политическая элита не остается равнодушной к постоянной критике со стороны Запада и ставит задачу, как уже говорилось, превратить страну в «международное государство». По мере реализации этих стратегических установок Япония увеличивает свой вклад в развитие международного сообщества. Речь идет о расширении зарубежных инвестиций как в развитые, так и в развивающиеся страны, о все возрастающем ее влиянии в связи с этим на изменение там производственных структур. Важнейшим компонентом такой политики является экономическая помощь развивающимся государствам, в том числе финансирование их программ научно-технического сотрудничества. Япония активно участвует в различных экономических международных организациях, постоянно увеличивая свои взносы, сотрудничает в развитии инфраструктуры, научно-исследовательских проектах. В конце 80-х годов она официально выдвинула международную программу «Человеческие границы», предложив оплатить половину расходов. В русле углубления процессов интернационализации хозяйственной жизни идет и политика государства по расширению доступа иностранных предпринимателей на внутренний рынок с одновременным снятием ряда таможенных барьеров на пути импорта зарубежных товаров.

Оказание экономической помощи развивающимся странам, прежде всего Азиатско-тихоокеанского региона, создает более благоприятный облик Японии, хотя делать это невероятно трудно, учитывая недавнее прошлое. Не без давления мирового сообщества размеры этой помощи, особенно государственной, постоянно растут. И сейчас Япония занимает по этому показателю первое место среди развитых стран. Менее значимой в экономическом плане, но более эффективной в пропагандистском является помощь, оказываемая по неправительственным каналам. Разного рода общественные организации (типа Корпуса добровольцев, Корпорации международного сотрудничества) направляют более чем в сто стран десятки тысяч учителей, врачей, агрономов, разного рода специалистов и добровольцев. Эта помощь, в основном гуманитарного характера, преследует цель культивирование на местной почве японского опыта и установление «человеческих» отношений.

Принимая во внимание уровень развития большинства этих стран, японские специалисты стараются при оказании помощи, например в сельском хозяйстве, адаптировать современную технологию к местным условиям. Кроме основной деятельности большинство их выполняет большую просветительскую работу. Учителя или врачи, как это было раньше и в России, являются носителями всех знаний и культуры и служат центром притяжения жителей. Именно они создают библиотеки, помогают воспитывать детей, обучая их оригами, изготовлению бумажных змеев, привнося исподволь элементы своей культуры. Часто они живут среди местных жителей, деля с ними кров. Подобная деятельность является своего рода базовым уровнем для достижения взаимопонимания. Она рассчитана на долговременную перспективу, а не на быструю отдачу. Это одно из направлений на нелегком и непростом пути интернационализации.

На этом пути еще одним препятствием является менталитет японцев, исторически обусловленный особенностями мировосприятия и философского подхода к действительности. Не последнюю роль играет традиционная замкнутость японского общества и отсюда невысокий уровень интернационального сознания. Этническая однородность нации при определенных условиях тоже может привести к национализму и известной изоляции от внешнего мира, поскольку японцы склонны абсолютизировать свою нацию, подчеркивая ее уникальность и исключительность. При этом под уникальностью понимается не присущая каждой культуре специфика, а, если так можно выразиться, абсолютная уникальность именно японцев. Это наиболее ярко отражается в теории *нихондзинрон*, что можно перевести как японизм, но оттенок здесь будет культурологический. Причем некоторые японские ученые усматривают в этой концепции даже биологический аспект, считая свою культуру частью физического бытования японцев. Более того, эта теория предполагает классификацию понятий по признаку «японское» и «не-японское». Это могут быть этические, расовые или культурные параметры<sup>1</sup>.

В основе такой классификации, несомненно, лежит один из главных принципов мировосприятия японцев по типу *ути-сото* (внутренний-внешний). В соответствии с ним любой иностранец воспринимается более чужим, чем японец, выпавший из социальных связей, его часто просто физически не замечают. Точно так же как чужеродные элементы воспринимают японцы, долгие годы прожившие за границей. Возможно, это связано со стремлением сохранить культурную индивидуальность. Но такой настрой, естественно, вызывает определенное чувство неприятия у других народов, в первую очередь азиатских, наиболее тесно соприкасавшихся с японцами в прошлом. В настоящее время к этому

---

<sup>1</sup> Mouer R., Sugimoto Y. Images of Japanese Society. London, New York, 1986, с.378.

прибавляется не только чувство гордости за успехи, но и порождаемое им же определенное высокомерие. Оно также связано с тем, что сейчас опыт Японии используют не только развивающиеся страны, но и развитые, то есть те, которые в недалеком прошлом были образцом для нее самой.

В силу психологического настроя японцы держат иностранцев на периферии своего сознания. Даже в информационных программах международным событиям отводится значительно меньше времени, чем внутренней жизни. Сведениям об убийстве или краже в каком-либо уголке Японии уделяется больше внимания, чем серьезным происшествиям в других странах. Например, в случае авиакатастрофы за рубежом в первую очередь сообщается, не было ли на борту соотечественников.

Японцы употребляют слова «иностранец», «иностранное» в смысле «не-японец», «не-японское». Это вполне вписывается в дихотомию свой-чужой. По-японски иностранец (гайдзин) обозначается двумя иероглифами — «другой» и «человек». Под этим словом в первую очередь понимаются люди белой расы. Для японцев гайдзин всегда гайдзин, даже если он прекрасно говорит на их языке, живет, как они, в совершенстве владеет чем-то чисто японским (занимается икэбана или чайной церемонией). В таком случае о нем говорят как о странном иностранце, даже при японском гражданстве. Иностранцу никогда нет доступа в японское общество. Его полноправными членами не могут стать даже проживающие не одно десятилетие в стране корейцы. Будучи другими по крови, они всегда останутся чужаками, несмотря на то, что приняли японские имена, служат в японских компаниях, живут общей с японцами жизнью. В этом обществе иностранцы не могут стать японцами по культуре (как это часто случается в русском), ибо последние считают свою культуру уникальной. А вот в китайском обществе на окитаившихся японцев не смотрят как на иностранцев, поскольку, очевидно, китайцы рассматривают японскую культуру производной от их собственной. На этом фоне как сенсация прозвучало известие о том, что финн, женившись на японке, переделал на японский лад свою фамилию (вместо Марти Турунен стал Марутэи Цурунэн), принял японское гражданство и так вписался в местное общество, что жители выдвинули его в 1995 г. своим кандидатом в депутаты в палату советников. Он не получил достаточного числа голосов (хотя за него подали довольно много), но важен сам факт доверия японцев гайдзину. Возможно, это первая ласточка наступающих перемен в эпоху, когда не проходит дня, чтобы в средствах массовой информации не встретилось слово «интернационализация». Как говорят в таких случаях японцы, ворона каркает каждый день.

На пути расширения связей Японии с внешним миром определенным препятствием продолжает оставаться японский язык. Это объяс-

няется не только его лингвистическими трудностями, но и отношением японцев к своему языку. Многие работы по этой проблеме проанализированы в статье отечественного японоведа-лингвиста В.Алпатова «Япония: язык и миф о языке»<sup>1</sup>. Уже само ее название говорит о мифологизации японского языка: о его особой сложности, уникальности, исключительном богатстве, о склонности японцев к невербальной передаче информации, о тесной связи японской национальности и владения этим языком. По авторитетному свидетельству В.Алпатова, в каждом таком положении имеется хотя бы крупица правды. Но в основном эта точка зрения укрепляется в массовом сознании населения благодаря целенаправленной пропаганде официальных кругов. Разрушить такой миф «может только полная интернационализация японского языка, когда пользование этим языком перестанет связываться с генетическим происхождением. Но до этого еще далеко»<sup>2</sup>.

Примечательно, что если раньше для контактов с Западом японцы стремились овладеть иностранными языками, то теперь они предлагают иностранцам изучать их язык. При этом они активно налаживают его преподавание за рубежом и у себя дома. Правительство разработало специальную программу, рассчитанную до 2000 г. В соответствии с ней в стране и за границей создаются школы, открываются курсы японского языка, проводятся семинары и симпозиумы для иностранных преподавателей. Примечателен такой факт: японский язык занял в австралийских школах место французского как самый широко изучаемый иностранный язык.

Более 100 тыс. студентов, в подавляющем большинстве из стран Азии, будут в конце века учиться в Японии. В процессе интернационализации им отводится роль посредников, причем не только как профессионалов, но и как «носителей» японской культуры. Студенты-иностранцы часто живут в японских домах не как гости, а как члены семьи. Иностранцы — выпускники японских университетов — все больше привлекаются на работу в самой Японии, не говоря уже о том, что широко используются на японских предприятиях в своих странах.

В то же время японцы приспособливают наиболее сложный элемент своего языка — иероглифы для продвижения товаров на рынки азиатских стран, которые пользуются иероглификой, прежде всего Китая и Тайваня. Впервые этот прием применили автомобильные фирмы. Они заменили написание популярных марок машин на иероглифическое в надежде, что таким образом эта продукция станет более близкой потенциальным иностранным покупателям.

Во взаимоотношениях народов всегда большую роль играют стереотипы. Понимание себя, своего места в мире и отношение этого мира к своей нации — универсальная потребность этносов, народов, личнос-

---

<sup>1</sup> Иностранная литература. 1993. № 5. с.245-250.

<sup>2</sup> Там же, с.250

тей. Ф.М.Достоевский в романе «Братья Карамазовы» назвал это «потребностью познание». Он выводил ее из того, что «тайна человеческого бытия не в том, чтобы только жить, а в том для чего жить», имея в виду всемирный масштаб. Эту потребность познания Л.Н.Гумилев, спустя почти столетие, облек в теорию пассионарности. Но познание — явление сложное и многомерное. Философ-славянофил А.С.Хомяков, рассуждая о взаимовосприятии русских и иностранцев писал: «Человеку трудно узнать самого себя... Точно так же и народу себя узнать. Наша западноевропейская братия разбита на множество племен и государств; каждое изучает и определяет своего соседа, и этот труд совершается уже несколько веков, а едва ли хоть один народ определен или понят вполне»<sup>1</sup>. Такой взгляд отечественного философа можно экстраполировать на отношения Японии—Запад даже сегодня.

В истоках восприятия народами друг друга, равно как и своей собственной истории, во многих случаях лежит миф. Именно на нем базировались первые знания европейцев о Японии. Творцом такого мифа был великий итальянский путешественник XIII в. Марко Поло. С его слов, хотя сам он не бывал в Японии, эта страна предстала перед европейцами как идеальная, богатая, с чрезвычайно красивым и учтивым народом. Сведения эти были почерпнуты им из китайских источников, а возможно, и из рассказов сподвижников хана Хубилая. Подобное же впечатление складывалось и у христианских миссионеров в XVI в. (Франциск Ксавье, Луис Фроиш) и даже у американцев, пришедших с командором Перри в середине XIX в. В основе их восприятия лежал постулат, что эта страна ни в чем ни на что не похожа. Даже мнение английского посла в конце XIX в. мало чем отличалось от впечатления тех, кто посетил Японию тремя веками раньше. Не сговариваясь, они повторили одно и то же, приводили одни и те же примеры. В восприятии европейцами японцев на рубеже веков все еще были слышны отголоски первоначальных контактов.

Такой имидж у иностранцев во многом создавали сами японцы. Это было сделать не так сложно, поскольку практически никаких контактов с ними не было и достоверных сведений о них не просачивалось. Подчас и сами иностранцы были не прочь сотворить миф о Японии. Даже такой знаток страны, как Лавкадио Хёрн (1850-1904), один из первых иностранцев, поселившихся в Японии, буквально растворившийся в ней, принявший не только буддизм, но и японское имя (Коидзуми Ягумо), был мифотворцем. Но, прожив около 20 лет в стране, он понял, что действительность намного сложнее и многогранней, чем творимый миф. Приступая к своей итоговой книге «Япония: попытка интерпретации», Лавкадио Хёрн заметил, что он совсем не понимает японцев, что харак-

---

<sup>1</sup> Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988, с.88.

тер этой нации «представляет нам много загадок, которые очень трудно объяснить»<sup>1</sup>.

Стереотипы в одни периоды выступают катализаторами взаимопонимания, а в другие служат, наоборот, барьером. Стереотипы японцев в отношении Запада и восприятие их иностранцами менялись в разные исторические эпохи. После реставрации Мэйдзи, во время наибольшего распространения западного влияния в стране, на иностранцев смотрели как на носителей более развитой цивилизации, у которых необходимо учиться. Отчасти это объяснялось и тем, что, как уже говорилось, японцы всегда рассматривали себя как культурную периферию.

Отношение западных представителей к Японии вначале было весьма безразличным, подчас презрительным. Но одновременно их привлекала японская экзотика. Отсюда стереотипы — страна вееров (В.Брюсов), мадам Баттерфляй (Дж.Пуччини), страна хризантем (Б.Келлерман). Однако безусловным признанием в Европе пользовалось японское изобразительное искусство. Японская тема находила также отражение в литературных произведениях Запада и России. Япония воспринималась иностранцами прежде всего на эмоциональном и эстетическом уровне.

На своей территории европейцы практически впервые встретились с японцами на международных выставках в Лондоне (1862) и Париже (1867). Тогда искусство этой страны, особенно японская гравюра, сразу и безусловно покорило западного зрителя. «То было сновидение, — писал русский искусствовед Н.Н.Пунин, — легкое и пленительное, сновидение, окутанное лунными туманами, одинокое и грустное, овеянное неувимой и хрупкой тоской..., то было сновидение мимолетное, все насквозь пронизанное светом, тихое и благоуханное, осыпанное цветами или снегом..., то была мечта, такая же чистая, как серебристый шелк или как края освещенного солнцем облака... То были сновидения и мечта Европы, до которой ветер впервые донес далекий и тихий вздох с берегов Японского моря»<sup>2</sup>.

Япония представила на этих выставках то, с чем она могла в то время выйти на мировую арену — свою традиционную культуру, столь не похожую на западную. Это была своего рода политика правящей элиты, направленная на формирование своеобразного имиджа своей страны — сплошной экзотики — в глазах европейцев. Уже успешно идя по пути модернизации, готовясь к агрессивным войнам, она продолжала целенаправленно поддерживать этот имидж. На международной Парижской выставке 1890 г. европейцы не только уже привычно восторгались прикладным и изобразительным искусством, но и представленным здесь единственным кустом хризантемы (она — герб императорского дома) с 200 цветками, который получил две высшие награ-

---

<sup>1</sup> Hearn L. Japan: An Interpretation. Tokyo, 1971, с.19.

<sup>2</sup> Аполлон, 1915, № 6-7, с.1.

ды выставки. В этот период Япония воспринималась европейцами прежде всего на эстетическом и эмоциональном уровне.

После открытия страны, когда хлынул поток иностранцев, появилась достаточно разнообразная литература о ней. Многие книги были написаны под исключительным влиянием японской экзотики, другие — «из вежливости» (применяя выражение А.С.Хомякова к книгам европейцев о России), но основная масса с «милостивым снисхождением». Причинами такого восприятия были игнорирование реальной действительности (в частности, восприятие японцев в общем контексте других азиатских народов), предубеждение, предвзятость, снобизм (отношение учителя и ученика). Но основанием такого отношения было прежде всего не только незнание, но и нежелание знать, поскольку Восток в целом рассматривался как периферия и низшая раса.

Примером может служить и карикатурное в антропологическом плане изображение азиатов и, конечно, японцев. Следует добавить, что в то время Япония не слишком интересовала европейцев и как перспективный партнер. Да и сейчас у многих иностранцев она ассоциируется с первой атомной бомбардировкой, но при этом часто они не представляют, кто кого бомбил. Нередко имидж Японии формируется названиями таких фирм, как «Тойота», «Хонда», «Сони», «Кэнон», или боевых искусств, как дзюдо и каратэ. Мало кто может сказать что-либо связанное об образе жизни и культуре ее населения. В частности, европейские специалисты по такому популярному во всем мире дзэн-буддизму, не учитывая его эволюцию, распространяют абсолютно неверное обоснование отношения японцев к труду — будто они столь усердно работают лишь по принуждению правительства и компаний. Эти специалисты исходят из того, что первоначальный дзэн-буддизм признавал только духовное совершенство и презирал труд. Однако обогащенный в начале XVIII в. идеями «морали простоты» Исида Байгана, дзэн-буддизм стал проповедовать, что любая работа, если ее выполнять с усердием, приводит к просветлению. На этой базе и складывалось отношение японцев к труду как непреходящей ценности.

Недопонимание Японии, игнорирование действительного положения вещей не раз вызывало шок у иностранцев. Страна вееров, мадам Баттерфляй, страна хризантем и вдруг... военные успехи той самой Японии, которую они считали хрупкой, как веер. В результате к традиционной хризантеме добавился меч (Р.Бенедикт), появилось новое восприятие — «желтая опасность». То же повторилось после второй мировой войны, когда поверженная в прах Япония, спустя лишь десятилетие начала свой путь вверх и стала одной из ведущих держав мира. Каждый раз европейцы возмущались, ругали японцев за непредсказуемость, но все еще мало предпринимали усилий для того, чтобы создать правильное представление об этой стране. Большинство оценок Японии иностранцами шло со знаком минус.

Стереотипы дают возможность правящей элите манипулировать массовым сознанием. Примером может служить взаимовосприятие японцев и американцев на разных этапах их отношений. Так, во время Тихоокеанской войны в Японии в средствах массовой информации и художественных произведениях американцев называли дьяволами, а в США своих военных противников именовали не иначе как япошками, наделяя их всеми отрицательными чертами характера<sup>1</sup>. Но одновременно в Соединенных Штатах предпринимались попытки сформировать более взвешенное мнение о японцах, хотя большинство ученых, перед которыми была поставлена эта задача, мало что знали об этой стране, не владели ее языком. Лишь некоторые результаты заслуживают внимания. Речь идет, прежде всего о наиболее известной и распространенной, можно сказать просто хрестоматийной, книге Рут Бенедикт «Хризантема и меч». Несмотря на то, что автор черпала свои знания из вторых рук — чтения романов, просмотра фильмов, встреч с японцами американского происхождения, в ее книге образ японцев сравнительно объективный. Очевидно, это объясняется тем подходом, который она выбрала. Хотя работа выполнялась в военное время и задача стояла изучить характер противника, Р.Бенедикт попыталась, по ее словам, понять поведение японцев через их национальный характер и образ жизни<sup>2</sup>.

После сокрушительного поражения в войне, в годы оккупации США воспринимались в Японии как богатая страна, с высоким уровнем культуры, демократическими идеалами и свободами. Такой образ внедрялся путем наглядно-примитивной пропаганды американского образа жизни. А затем воздействие шло уже на более высоком уровне — заимствование опыта, в частности, в области образования, средств массовой информации, в кинематографе, индустрии развлечений. Более того, сами американцы подчас директивными указаниями прививали западные ценности. Не без их влияния на телевидении, радио, в кино, прессе шел поток соответствующей информации, в том числе касающейся западной духовной культуры. Однако по мере экономического возрождения постепенно меркнет магия американского образа жизни и ее имиджа «страны грез». Одновременно и у японцев, характеризующих американцев, начинают преобладать не лестные эпитеты — «грубые», «бесцеремонные» и т.п.

Меняется и у американцев восприятие Японии. Если в первые послевоенные годы наблюдалось достаточно сочувственное отношение к поверженному противнику и было чувство вины за атомную бомбардировку, то в год пятидесятилетнего юбилея окончания второй мировой войны более 60% американцев признали правомерность этого акта. Причин подобных перемен очень много: они произошли от успехов японцев в экономи-

---

<sup>1</sup> См. подробнее Wilkinson E. *Misunderstanding: Europe versus Japan*. Tokyo, 1982.

<sup>2</sup> Benedict R. *The Chrysanthemum and Sword*. Tokyo, 1985, с.1-19.

ке, политике, социальной и культурной сферах. Одни лежат на поверхности, другие — под спудом. Многомерность образов серьезно затрудняет создание унифицированного стереотипа представлений народов друг о друге. Как отмечает американский исследователь Шейла Джонсон, в системе координат интернационального сознания и стереотипов наций, например в Америке, японцам трудно сохранить благоприятный образ на протяжении длительного отрезка времени. Это связано с тем, что «хорошие отношения между двумя странами на правительственном и деловом уровне в общем и целом содействуют созданию благоприятных стереотипов. В то время как состояние войны, торговые эмбарго или другие международные трения ведут к созданию нелицеприятного образа»<sup>1</sup>.

После поражения во второй мировой войне, так же, как и после реставрации Мэйдзи, т.е. в период наибольшего распространения иностранного влияния в стране, доминирующим в формировании и восприятии в целом была формула учитель-ученик, но быстрый экономический взлет Японии внес существенные коррективы в отношения партнеров. В известной мере роли поменялись. Уже в 60-е годы на Западе раздаются призывы «учиться у Японии», а оценки ее становятся все более положительными. До этого времени иностранцы видели ее окутанной экзотикой и пропитанной традициями. Это касалось и характеристики ее экономического потенциала.

В нашумевшей работе профессора Гарвардского университета Эзры Вогеля «Япония — номер один. Уроки для Америки» эта страна рассматривается уже как модель для подражания. Примечательно, что у себя на родине она не стала бестселлером, хотя за четыре года выдержала восемь изданий и вокруг нее развернулись дискуссии на страницах журналов, научных конференциях, особенно в школах бизнеса. Это было первое комплексное исследование всех сторон жизнедеятельности японского общества. В предисловии к книге Э.Вогель отмечал, что до сих пор многие американские исследователи ограничиваются изучением «экзотической» Японии (с удивительной культурой, интересной историей, утонченной литературой, любопытными обычаями), а не подлинной страны, ставшей второй экономической державой мира. Дав подробный анализ факторов удивительных ее успехов, в заключение он задает вопрос: сможет ли Америка ответить на вызов, который ей бросает Япония, как в свое время сумела это сделать Япония по отношению к Западу<sup>2</sup>. Книга Э.Вогеля сразу же была переведена на японский язык и стала бестселлером, поскольку практически впервые раздался голос иностранца, да еще и американца, призывающий учиться у Японии.

В то же время звучит очень много критических высказываний в адрес Японии, зачастую не лишенных основания, но во многих случаях

---

<sup>1</sup> Jonson Sh. The Japanese through American Eyes. Tokyo, 1989, с.170.

<sup>2</sup> Vogel E.F. Japan as № 1. Lessons for America. Tokyo, 1980, с.4, 255.

вызванных раздражением развитых стран — творцов модернизации и демократии по отношению к более преуспевающему сопернику. Даже положительные качества японцев, как например дисциплинированность, часто трактуются как регламентированность, стремление учиться как рабское подражательство, т.е. все идет со знаком минус. Первые послевоенные поколения иностранцев ощущали огромный разрыв с японцами в политическом и моральном плане, но «чудо» подняло престиж страны и даже породило опасения, что японцы могут превзойти Запад и в духовной сфере. Это был период нового увлечения Японией.

Японцы, в свою очередь, осознав равенство и отчасти превосходство, изменили отношение к себе и внешнему миру. Отсюда рождение новых стереотипов. Теперь уже они считают, что у Европы отсутствует динамизм, ибо она обременена традиционализмом, под которым в данном случае понимаются не традиции как таковые, а более медленное развитие. При этом по-прежнему сохраняется своего рода пietet перед западной культурой. В целом нельзя не признать, что оценки японцев Запада всегда были более взвешенными и объективными, чем у иностранцев — их стран.

Несмотря на все усилия японцев оказать помощь другим странам, мировое общественное мнение в отношении Японии до сих пор сохраняет негативный оттенок. Уже само за себя говорит определение Японии в зарубежных средствах массовой информации как «политического карлика с большим кошельком». В нем отражена зависть, презрение партнеров-соперников и в то же время действительное положение вещей. Ведь роль Японии в мировой политике неадекватна ее экономическому потенциалу. Например, несмотря на ее огромный финансовый взнос во время операции «Буря в пустыни» на поддержание многонациональных сил и на послевоенное восстановление в странах, пострадавших от военного конфликта, представитель Японии не был приглашен на мирную конференцию по Ближнему Востоку, проходившую в 1991 г. в Мадриде. На Западе, преимущественно в США, была развернута антияпонская кампания, лейтмотивом которой было утверждение, что Япония откупились деньгами за кровь, пролитую другими<sup>1</sup>. В бессильной ярости США забывают, что именно благодаря их стараниям Япония получила мирную конституцию с ее всемирно известной 9-й статьей. Пересмотр ее до сих пор вызывает серьезное сопротивление в стране. Правительство было вынуждено даже отозвать из парламента осенью 1990 г. законопроект «О содействии мирным усилиям ООН», который разрешал направлять японских военных за границу, ибо результат голосования был предreshен.

---

<sup>1</sup> Подробнее см. Япония. Ежегодник. 1991-1992. М., 1994, с.5-18.

Япония всегда пропагандировала себя как «прекрасная страна», но в довоенное время в эту формулу добавлялось «сильная страна». Это означало, что силой оружия она способна подчинить себе весь мир. А после войны к словам «прекрасная страна» добавилось «Япония богатая, мудрая, мирная». Теперь гордостью японцев является ее экономическая мощь<sup>1</sup>. Сегодняшний автостереотип японцев выглядит так: работа, стиснув зубы, усердие, законопослушание, принадлежность к великой экономической державе. Такой образ поддерживается и пропагандируется на официальном уровне. По мере углубления процесса интернационализации, естественно, осуществляется взаимодействие цивилизаций, взаимопроникновение культур. Япония входит в мировое сообщество как равноправный партнер, импортируя иностранную культуру, образ жизни и одновременно распространяя свои материальные и духовные ценности на мировой арене.

В современной Японии в повседневную жизнь населения органично вошли такие привычные для иностранцев высотные дома, многокилометровые подземные кварталы с площадями, фонтанами и магазинами, многоярусные автострады со сложными развязками, площадки для гольфа, супермаркеты, магазины круглосуточной торговли продовольственными товарами, цепные системы ресторанов «Макдональдс» и «Кентукки фрайд чикин», рестораны китайской, индийской, французской и итальянской кухни. Этого еще нельзя сказать о японских ресторанах в США и Европе, но постепенно они начинают завоевывать, например, западное побережье США, где традиционно проживали японские переселенцы, Париж, Лондон, а вскоре, возможно и Москву. Примечательно, что в европейских ресторанах Японии шеф-повара в большинстве случаев японцы, а на Западе в японских ресторанах — тоже японцы. Их кухня медленно, но верно завоевывает популярность за рубежом, предлагая здоровую, недорогую, натуральную пищу. Здесь создаются японские кулинарные школы, издается много книг с рецептами национальной кухни.

Суперсовременная Япония с ее информатизацией, сервисизацией, софтизацией вновь поражает мир тем, с чего она начала свое знакомство с Западом — традиционной культурой. С давних пор всему миру известны икэбана, японские виды военных искусств, чайная церемония, только одна из школ которой — Ура Сэнкэ — имеет 43 филиала в 20 странах. Десятки тысяч людей за рубежом играют в го, сёги (японские шахматы), занимаются каллиграфией, устраивают японские сады. Нынешнее впечатление европейцев от выставок гравюр, представлений Кабуки, демонстраций искусства борцов сумо столь велико, что заговорили о новом открытии Японии. Новом, потому что было продемонстрировано

---

<sup>1</sup> Сакая Таити. Что такое Япония. М., 1992, с.150.

оптимальное сочетание всех новейших достижений науки и техники с традициями. В таком сочетании прошлого и настоящего — ее сила.

В настоящее время японская культура проникает в другие страны не только традиционным путем, но и через такие суперсовременные формы, как телевизионные и компьютерные игры, караокэ. Другими словами, уже массовая культура этой страны распространяется по миру. Всего один пример. В Республике Корея, ближайшей соседке Японии, через которую в глубокой древности сюда пришла индийская и китайская цивилизация, 90% всех игровых телепрограмм и 73% современных мультипликационных фильмов — японские и лишь 12% приходится на долю США. Современная японская масскультура приобретает поклонников среди корейской молодежи поп-музыкой, поп-группами, компакт-дисками, комиксами. Постепенно на этот путь вступает и Россия.

Именно в эпоху интернационализации встает вопрос, может ли культура быть предметом продажи, как любой другой товар — компьютеры, машины, телевизоры, то есть можно ли сделать открытым рынок культуры. Другими словами, можно ли поставить на одну доску духовную жизнь народа и материальную. Речь идет не о культурном обмене, а о засилье бездуховных поделок массовой культуры. Мнение представителей разных кругов французского общества о том, что нация, давшая миру Мольера и Бодлера, не может позволить своей молодежи питаться далласами и санта-барбарами, следует, пожалуй, отнести к любой стране. Единственным заслоном проникновению такого рода культуры может стать, как считает один из ведущих писателей Латинской Америки Марио Варгас Льюса, высокий уровень морального воспитания и образования<sup>1</sup>. В Японии этому в значительной степени содействуют разного рода образовательные программы телевидения, а также постоянная демонстрация фильмов, посвященных истории страны.

Несомненно, каждое общество вырабатывает свой собственный отклик на экспансию чужого опыта, отсюда многообразие вариантов цивилизаций. Это обеспечивается самобытностью каждого этноса, неидентичностью интеллектуальной сферы, многообразием систем ценностей, спецификой национального самосознания.

В эпоху интернационализации возникают новые возможности для каждого народа продемонстрировать свои национальные ценности как экономические, так и социокультурные, перенять необходимый ему международный опыт. На этом пути всегда можно найти незаполненную нишу для много- и двухсторонних отношений. Но для этого необходимо учитывать менталитет и желание народов оценивать духовные ценности друг друга, становясь на позиции партнера.

---

<sup>1</sup> The Daily Yomiuri. 25.04.1994.

Все вышесказанное, несомненно, свидетельствует о безусловном преимуществе послевоенной мирной демократической модели модернизации по сравнению с довоенной. Причины огромных успехов Японии лежат в динамизме и эффективности японской экономики, в высокой степени ее адаптивности к постоянно меняющимся условиям. Они являются в значительной степени следствием гибкого государственного регулирования, умения добиваться консенсуса, обеспечения социальной стабильности общества, способности государства приспосабливаться к международному окружению. К этим причинам надо также добавить успешное использование человеческого фактора. К нему относится весь комплекс проблем, связанный с условиями труда, трудовыми отношениями, бытом наемного работника.

Выходом на передовые рубежи в мире Япония не в малой степени обязана использованию именно этого фактора, который сложился на основе взаимодействия восточной и западной социокультур. Конфуцианские нормы межличностных отношений с их коллективизмом и взаимопомощью, стремлением к знаниям, гуманной моделью поведения, чувством долга успешно соединились с идеологией и нормами нравственности Запада. Грандиозные успехи в экономике привели в наши дни к глубочайшим изменениям образа и качества жизни японцев, но они все еще не адекватны ее экономическому потенциалу. Решение этой проблемы — насущная задача современной Японии, одна из составляющих стратегии развития ее на пути в XXI век. Весь комплекс социальных проблем японского общества рассматривается в последующих главах.

В то же время следует признать, что новая модель развития стала возможной только в уникальных в истории человечества условиях, когда в течение более полувека не было мировых войн. Здесь прослеживается исторический опыт, когда военным расходам не только не отдавался приоритет, но они вообще не составляли какой-либо серьезной доли ВВП страны. Надо также подчеркнуть, что необходимым условием развития по японской модели предстает демократический характер государства, помноженный на дисциплинированность, организованность и трудолюбие народа.

## Раздел II

---

# ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

---

### Глава пятая ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Демократия — высшая ценность. Изменение приоритетов в жизненных целях. Появление концепции *майхомусюги*. Эгалитаризм — основа социальной стабильности общества. Образование — непреходящая традиционная ценность. Политический консерватизм. Высокая ориентация на труд. Возрастание значения досуга. Религия как традиционная ценность. Формирование стереотипов поведения. Изменение их на бытовом уровне. Существование японцев в двух культурах.

Спецификой развития японского общества на протяжении веков было широкое заимствование достижений других цивилизаций, адаптация их к местным условиям, органичное сосуществование культур. В течение последних ста с лишним лет страна дважды переживала коренную ломку, радикальные перемены в экономике и политике, которые затронули устойчивые и скрытые факторы социальной жизни. В результате сложились сегодняшние социопсихологические установки, общественные нормы и духовные ценности японцев.

Японское общество с его вертикальной структурой, проникнутое духом корпоративности, с ориентацией всех членов на солидарность внутри определенной группы, при умелой политике предпринимателей и правительства оказалось подготовленным не только к восприятию идей социального партнерства, но и успешной их реализации. Достаточно высокий уровень социального партнерства является совокупным результатом взаимодействия разнородных факторов, о чем уже шла речь. И они срабатывают именно в этой стране.

В отличие от социальных групп на Западе, где индивидуальные цели преобладают над общими, в японских доминантой являются интересы

группы. Это порождает групповое сознание, которое базируется на эмоциональном уровне и является традиционной ценностью японцев. Важно, что высокая социальная концентрация порождает высокий уровень сознательности населения, содействуя, как правило, нахождению правильных ответов на возникающие вопросы, о чем красноречиво говорят реалии послевоенного развития Японии.

Наиболее ярко это проявилось в том, что демократия стала главной ценностью в обществе. Хотя ее внешние атрибуты были привнесены еще в послемэйдзийский период, демократические принципы оставались в основном на бумаге. Но и в первое время после поражения японцам, воспитанным в условиях традиционных семейных и квазисемейных отношений, было достаточно сложно адаптироваться к ним. Этот процесс сопровождался стремительным усвоением достижений Запада. Отрицание ультра националистических принципов ассоциировалось с принятием всего западного. Оно представлялось новым, прогрессивным и демократическим, в то время как традиционное японское — реакционным и устаревшим. До некоторой степени это было повторением пути, пройденного во второй половине прошлого века. Однако в отличие от того времени население впервые столкнулось с представителями западной цивилизации у себя дома. Но нельзя забывать, что это была прежде всего американская оккупационная армия, контакты с иностранцами в таких условиях не могли не оказывать в известной степени угнетающего воздействия на сознание японцев.

Почти полный отказ от прежних духовных идеалов создал своеобразный идеологический вакуум. Чувство растерянности охватило в первую очередь интеллигенцию, которая старалась в острых дискуссиях о взаимоотношениях национального и западного найти выход из идейного тупика. Это было сделать достаточно сложно, ибо прежняя система ценностей была во многом утрачена, а новая еще не утвердилась. Шел весьма мучительный процесс формирования системы основных мировоззренческих установок. Несмотря на сохранение базисных социальных характеристик нации, различные поколения — те, чье мировоззрение формировалось в эпоху Мэйдзи, и между двумя мировыми войнами — по-разному восприняли послевоенную действительность. Согласно опросу общественного мнения в 1955 г., 45% опрошенных отдали приоритет довоенным социальным условиям в обществе и только 16% — новым. И это естественно, так как еще в 40-х годах каждые 8 из 10 японцев были рождены и выросли в деревне. В 1974 г. эти показатели были соответственно 20 и 51%<sup>1</sup>.

Все это привело к созданию довольно сложного социального портрета японцев и формированию нового общественного устройства с

<sup>1</sup> Fukutake Tadashi. The Japanese Social Structure. Its Evolution in Modern Century. Tokyo, 1989, с.213.

акцентом на повышение роли личности в нем, возможности обеспечения ее свободы и творческой индивидуальности, другими словами, речь шла об утверждении принципов гражданского общества с его социальной открытостью. В таком обществе все большую роль приобретает не классовая стратификация, а профессионально-экономическая, которая обеспечивает более высокую степень социальной мобильности.

До конца 70-х наблюдалось устойчивое падение престижа традиционных ценностей среди представителей практически всех поколений. Все более приоритетными становились такие жизненные цели, как «жить по собственному желанию», «жить одним днем», «жить весело», «обогащаться», что отражало внедрение в общественное сознание идей индивидуализма и потребительского общества. Таким образом старые жизненные принципы, базировавшиеся на общине, институте *из*, конфуцианских нормах морали, постепенно отступали. Вместе с тем нельзя сказать, что утверждение новых приоритетов приняло завершённую форму.

Свидетельством тому является соотношение традиционных и западных нравственных норм в сознании японцев. Согласно опросам общественного мнения, сохраняется устойчивая тенденция приверженности отечественным нормам (например, забота о родителях, чувство благодарности) и намечается снижение интереса к таким ценностям как права человека. Надо сказать, что в Японии вообще права человека в западном понимании не уделяется очень много внимания. Безусловно, при этом отношение к этой проблеме варьируется в зависимости от возраста.

В ходе процесса утверждения новых приоритетов наметились существенные изменения некоторых черт национального характера японцев, их поведенческих характеристик, появившихся у послевоенных поколений. Новые поколения совершали трудный переход от привычных стереотипов, единомыслия и унифицированности, которые вначале навязывались стране тоталитарным милитаристским государством, а затем стали проявлением концепции «единой национальной цели», сплотившей людей во имя построения экономического чуда.

Наиболее наглядно происходил отход от желания соответствовать группе и переход к утверждению индивидуальных жизненных принципов. Этому способствовала и демографическая ситуация в стране. В 60-е годы начинается дробление традиционной семьи и утверждение нуклеарной. Этот процесс, сопровождающийся размытием родственных связей, затронул и сельское население, наиболее консервативную часть общества. Такие перемены не могли не отразиться на образе жизни, духовных ценностях и мышлении японцев.

По свидетельству японского социолога Фукутакэ Тадаси, уже в конце 70-х годов около 80% населения отдавало приоритет концепции

*майхомусюги*<sup>1</sup> (досл.: «мой дом»), т.е. на первый план выходит понятие «я и моя семья». При этом благополучие семьи ставится выше личного счастья, что, безусловно, имеет исторические корни. Принцип *майхомусюги* одновременно порождает и чувство отчужденности в обществе. В то же время сохранялось убеждение о необходимости соблюдать общественную выгоду, ориентироваться на других. Двойственное отношение к положению личности вело к принижению прав человека в западном понимании, препятствовало формированию индивидуалистического сознания, но способствовало процветанию эгоизма.

При том, что молодое поколение отдает сейчас предпочтение правам индивидуума и уважению личного мнения, до сих пор большинство населения (71%) считает, что порядок в обществе, т.е. существующая корпоративная структура, важнее свободы и прав человека. Но нельзя не отметить, что в целом растет постепенно доля тех, кто высказывается за предпочтительность индивидуальной свободы — 34,8% в 1990 г. против 22,1% в 1978 г.<sup>2</sup>

В японском обществе с его конформизмом, боязнью «потери лица», «чувством стыда» (в противовес западному с горизонтальной структурой, директивным управлением, понятием греха) сложилось своеобразное восприятие индивидуализма и коллективизма. В отличие от понимания индивидуализма на Западе, в японском варианте он смягчается чувством солидарности и стремлением к гармонии, т.е. приобретает характер как бы взаимного индивидуализма, не свободного от традиционных ценностей. Коллективизм же не директивный, а конформистский. В некоторых случаях вся нация выступает как единица конформизма. Поэтому здесь структурной единицей является группа; именно она подчас и выступает как индивидуум в смысле единого целого. При этом личность рассматривается как органичная часть группы. Вышесказанное подтверждает тезис американского социолога П.Бергера о том, что в восточноазиатских государствах ценности индивидуальной автономии постепенно ослабляют действия общественных связей, и этот процесс будет развиваться<sup>3</sup>.

Интеграция конформизма и конкуренции, как уже говорилось, поддерживает стабильность в японском обществе и поэтому противоречия здесь проявляются менее резко, чем в других развитых странах. Такое взаимодействие можно определить как конструктивный компромисс. Безработица не является серьезной социальной проблемой, превышая лишь 2% численности самостоятельного населения. В стране один из

---

<sup>1</sup> Фукутакэ Тадаси. Нихон сякай-но кодзо (Структура японского общества). Токио, 1981, с.198.

<sup>2</sup> Кокумин-но иски то нидзу (Сознание и потребности населения). Токио, 1991, с.8,12.

<sup>3</sup> Приводится по «Вопросы философии». 1993, № 12, с.108.

самых низких уровней преступности и наркомании. Люди пожилого возраста чувствуют себя достаточно комфортно, хотя общество и переживает бурный процесс старения, связанный с высоким уровнем продолжительности жизни и падением рождаемости. До сих пор более 65% стариков живут с детьми или с другими родственниками, в то время как в развитых странах Западной Европы — лишь 20-30%<sup>1</sup>. Сохраняющиеся негативные стороны жизни — наибольшее количество отработанных часов (включая сверхурочные) среди развитых стран, недостаточный в сравнении с экономической мощью уровень социальной защищенности, жилищная проблема, дискриминация отдельных социальных групп, усиливающаяся социальная дифференциация и очаги нищеты, коррупция в высших эшелонах власти — не влекут пока за собой серьезного обострения социальной напряженности. Противоречия — не деструктивные. Бедность в целом имеет скорее относительный характер, и разрыв в доходах здесь гораздо меньше, чем в других странах. Хотя нельзя не отметить, что имущественное неравенство в настоящее время проявляется все более отчетливо. Можно сказать, что в целом материальное благосостояние является важной ценностью для японцев. Но, конечно, в условиях изменяющегося образа жизни проблема «новой бедности» и безработицы может встать весьма остро.

Современное японское общество основывается на эгалитаризме, сочетая стабильность и динамизм. Большинство населения причисляет себя к средним слоям (так считали в 1990 г. 78,8% мужчин и 77,3% женщин). И в целом более половины японцев удовлетворены своей жизнью и признают себя вполне счастливыми. Однако, несмотря на нынешнее комфортное состояние, примерно половина высказывает тревогу о будущем<sup>2</sup>.

Со своей стороны правительство предполагает усилить социальную ориентацию политики, обратив внимание прежде всего на интересы широких масс и сохранение окружающей среды. В своей программной речи на 127-й сессии парламента (23 августа 1993 г.) бывший в то время премьер-министр Хосокава Морихиро сказал: «До начала XXI века остается мало времени и нам необходимо использовать его для принятия смелых политических мер, направленных на улучшение системы социального благосостояния, создание такого общества, в котором городские рабочие и сельские жители в равной мере могли бы вести полноценный образ жизни в соответствии с их разнообразными запросами в условиях красивой и комфортабельной окружающей среды»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Fukutake Tadashi. The Japanese Social Structure... с.205.

<sup>2</sup> Кокумин-но исики то нидзу, с.4-9.

<sup>3</sup> Ежемесячная информация. № 5, авг.-сент. 1993. Информотдел посольства Японии, с.75.

Японцы всегда придавали большое значение просвещению. Здесь издавна существовала традиция экономить на самом необходимом в повседневной жизни, но дать детям образование, которое было одним из факторов вертикальной мобильности общества. Стремление к более высокому статусу — свойство японского менталитета. На протяжении всей истории страны образование — это непреходящая духовная ценность. Высокий уровень образованности общества и, что очень важно, всех его слоев, явился одной из важнейших причин быстрых темпов его модернизации как в середине XIX в., так и после второй мировой войны. Образование — один из приоритетов государственной политики и один из базовых компонентов «японского чуда», высокой социальной и политической активности населения.

Проведенная после войны реформа в сфере образования в значительной степени демократизировала содержание учебных программ, предоставила большую свободу преподавателям. Современная система образования состоит из дошкольного, начального, среднего и высшего обучения. Детские сады находятся в ведении министерства просвещения. Более половины из них — частные, остальные принадлежат органам местного самоуправления и лишь незначительное число государству. Для дошкольников существуют и дневные центры (60% из них — государственные). По закону эти центры не относятся к учебно-воспитательным учреждениям (курируются министерством здравоохранения и социального обеспечения), но дают аналогичную подготовку, что и детские сады. В целом свыше 90% дошкольников в настоящее время проходят через специализированные учреждения (срок пребывания там варьируется от полугода до трех лет).

Период обучения в начальной школе — 6 лет, в средней школе первой и второй ступени — по три года, в высших учебных заведениях, как правило, четыре года (шесть лет для подготовки врачей и ветеринаров). Большинство начальных, средних школ и школ для детей инвалидов находится в ведении органов местного самоуправления. Что касается средних школ второй ступени, то почти четверть их — частные. А колледжи и высшие учебные заведения — в основном частные.

В каждом микрорайоне имеется по одной государственной школе системы обязательного образования, которую должны посещать все проживающие здесь дети. Лишь незначительная часть учится в частных. В средних школах второй ступени, которых несколько в одном районе, дети занимаются по свободному выбору.

Министерство просвещения непосредственно не контролирует работу учебных заведений. Но совместно с Советом по программам обучения занимается выработкой основных положений учебных программ, обязательных для начальных и средних школ страны.

Согласно государственной политике в области образования каждый ребенок вправе рассчитывать на учителей равной квалификации в равноценно оснащенных школах. Государство поэтому финансирует не только находящиеся в его ведении учебные заведения, но и отчасти те, которые принадлежат местным органам власти, а также частные школы, оплачивая до 14% их расходов. Из центрального бюджета покрывается половина заработной платы учителей в системе обязательного образования и от 1/3 до 50% расходов на поддержание и оснащение школьных зданий. Таким образом роль государства в системе образования исключительно велика.

Для привлечения наиболее квалифицированных кадров и поддержания престижа профессии заработная плата учителям в государственных и муниципальных начальных и средних школах (по закону 1947 г.) должна быть выше, чем у других государственных служащих с аналогичным уровнем образования и стажем работы. В то же время к учителям предъявляются повышенные требования. Уровень их квалификации должен отвечать определенным нормам, установленным министерством просвещения. В начале 90-х годов примерно 85% учителей в детских садах имели дипломы колледжей, остальные — университетские; в начальной школе 60% имели ученые степени, 20% — дипломы колледжей; среди учителей средней школы первой ступени — соответственно 90 и 10%, второй — 97 и 2%.

Характерной чертой японской системы образования являются исключительно жесткие экзамены для поступления на более высокую ступень обучения, особенно после окончания обязательной школы. Отбор поступающих, как правило, ведется по результатам предыдущего уровня обучения. Уже упоминалось, что школьное образование чрезвычайно стандартизировано, но такая унификация имеет и сильные и слабые стороны. Подавляя инициативу, препятствуя проявлению индивидуальности и творчества, она одновременно дает прочные общие знания, вырабатывает привычку упорно трудиться и преодолевать трудности. Это служит базой для подготовки хорошей рабочей силы.

Весьма высокий показатель образования, который, как уже говорилось, — одна из причин обеспечения экономики страны квалифицированными кадрами, дает возможность называть японское общество «квалификационным», а Японию — «великой образованной державой».

Хотя система образования является в целом достаточно эгалитарной и жесткие вступительные экзамены, независимо от социального положения поступающих, отбирают наиболее достойных, все же существует престижность всех типов учебных заведений. Селекция идет не по качеству образования, а по престижности места обучения. Элитарный детский сад в значительной мере автоматически открывает двери в престижные школу и университет, что в свою очередь гарантирует

место в политической и экономической элите. Таким образом при всей эгалитарности остается иерархичность системы, и качество высшего образования зачастую не является критерием для занятия высших постов в административных органах. Тем не менее японская система образования содействует стиранию различий между социальными группами. Представитель любого социального слоя, окончивший, например Токийский университет, уже принадлежит к «клану» его выпускников. Таким образом сосуществуют прежние и новые факторы социальной мобильности.

В настоящее время в стране проводится очередная реформа системы образования. Узким местом в этой области считают высшее образование (прежде всего его недостаточную финансовую базу), отсутствие гибкости в разработке учебных программ, слабость пропаганды традиционных моральных ценностей, малую свободу выбора и самореализации, сдерживающие развитие интеллектуальных способностей школьников, и невозможность воспитания личности с независимым сильным характером. Главной ценностью в области образования теперь признается ориентация на формирование творческой личности, в большей степени, чем на воспитание прилежного работника. Иначе говоря, ставится цель формирования общества, ориентированного больше на культуру, чем на производство, более того, открытого общества с упором на интернационализацию.

В ходе проведения реформы образования большое внимание уделяется усовершенствованию работы административных органов в этой сфере. Прежде всего речь идет о существенных переменах в деятельности министерства просвещения в сторону усиления исследовательской и аналитической работы и совершенствования организационной структуры. Для того, чтобы «повернуть» его к насущным проблемам общества, создается специальное бюро по изучению проблем непрерывного обучения (в течение всей жизни), реорганизуется Национальный институт по проблемам образования, дается большая свобода частным школам в выработке программ обучения.

В настоящее время в условиях серьезных социально-экономических перемен правительство ставит перед образованием новые крупномасштабные задачи, которые должны сделать его адекватным современным потребностям общества, обеспечить сдвиг в приоритетах — с высоких экономических показателей в сторону культуры и более высокого качества жизни.

Высокий уровень образованности японцев делает их социально активными. Как свидетельствует опрос общественного мнения, более 60% населения проявляет повышенный интерес к положению в обществе и к политике правительства. Более того, на вопрос «необходимо ли интересоваться политикой, чтобы улучшить жизнь», 90% ответили положи-

тельно<sup>1</sup>. Это, несомненно, говорит о том, что активная жизненная позиция является важной ценностью для японцев, равно как и прагматизм, интерес к материальным благам и дисциплинированность, но при этом и способность к определенным лишениям ради достижения благополучия в будущем не только для индивидуума, но и для всего общества, что всегда было характерно для японцев. Это наиболее наглядно проявилось, как уже упоминалось, в тяжелые послевоенные годы и кризисные 70-е.

В ценностных ориентациях в политической сфере устойчиво сохраняется консерватизм. (Под консерватизмом понимается прежде всего сохранение высокой стабильности общества в условиях обеспечения динамизма его развития.) Этому способствуют как объективные — подъем экономики, так и субъективные — сложившаяся политическая система — факторы. В политической системе удачно соединились, пришедшие извне парламент, партии, принципы государственного устройства, с одной стороны, и традиционная политическая культура, с другой. Последняя основывается на национальных духовных ценностях, нормах поведения и структуре общества. Главными являются корпоративизм, свойственные группе нормы отношений и поведения, и связанный с ним эгалитаризм и гармония.

В политическом феномене, который состоял в однопартийном правлении либерал-демократов в течение нескольких десятилетий, уже в 70-е годы прозвучали первые тревожные сигналы — намечилось ослабление позиций правящей партии. Однако ввиду отсутствия классических форм межпартийной борьбы и заменой ее фракционной внутри ЛДП, последняя сумела вернуть к 80-м годам свои позиции.

Несмотря на однопартийное правление ЛДП, общество в целом выглядело плюралистически. Правда, его политическая стабильность в известной мере нарушается коррупцией правящей элиты, что подрывает доверие к ней населения. Результаты выборов в палату представителей парламента в 1993 году показали недостаточную гибкость сегодняшней политики консерваторов. Но хотя к власти и пришло коалиционное правительство, первое за последние почти 40 лет, ключевые посты все же были сохранены за бывшими либерал-демократами.

Другими словами, у власти осталась прежняя элита с консервативной идеологией, умело использующая ее для регулирования баланса сил. Как доказал Вильфредо Парето, именно у политических элит, владеющих определенной идеологией, и находится реальная власть. Перегруппировка сил в политическом истеблишменте современной Японии свидетельствует о стремлении элиты использовать все легитимные пути для ликвидации накопившихся негативных явлений (дисфункциональ-

---

<sup>1</sup> Кокумин-но исики то нидзю, с.8.

ный потенциал), открыть доступ в свои ряды для молодого поколения политиков, создать новые механизмы для разрешения внутренних конфликтов и не допустить прихода к власти, по определению Парето, контрэллиты.

Но эти политические игры затрагивают лишь самый верхний эшелон власти и не отражаются ни на динамичном развитии экономики, ни на стабильности в обществе. В целом в стране сохраняется политика консервативной ориентации, по сути неоконсервативной модели развития. Другими словами, как и прежде, в Японии происходит адаптация общества к изменившимся условиям. Так, очевидно, и должна действовать ответственная демократия.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что ученые, публицисты, обозреватели крупных газет начинают задумываться, не находится ли японская демократия в тупике. На это их наталкивают упомянутые политические баталии и усиливающийся абсентеизм населения: ведь на выборах в палату советников летом 1995 г. пришло лишь 44,5% избирателей. Таким образом более половины японцев не пожелали выразить свое мнение о положении дел в стране. В таких условиях можно ли говорить о полноценном представительстве в парламенте и соответственно о полнокровной демократии! По мнению обозревателя газеты «Нихон кэйдзай симбун» Итиока Ёитиро<sup>1</sup>, с самого начала японская демократия (которую он уподобил бекону из надежд и обещаний) действовала по большей части в интересах крупного капитала, а воля большинства в обществе ограничивалась определенными рамками, наличие которых объяснялось социопсихологическим типом поведения японцев, другими словами, группизмом и конформизмом. Люди не хотят потерять то, что имеют (а ведь терять в сегодняшнем японском обществе есть что!), поэтому они неохотно поддаются призывам политиков к переменам, и, несмотря на разочарование в деятельности того или иного правительства, население все-таки не идет на деструктивные действия.

Безусловно, пришло время, когда для дальнейшего динамичного развития общество не может больше оставаться закрытым, вещью в себе, ограничиваться только своим мирком, своим языком, а должно научиться контактировать с другими народами и больше задумываться о будущем Японии и всего мирового сообщества. Уже упоминавшийся Итиока Ёитиро сравнил Японию с автомобилем, застрявшим в огромной пробке при отсутствии патрульной службы для регулирования движения. Он предлагает своей стране выбраться из этой пробки и найти нужное направление.

Какие бы перемены ни происходили в мировоззренческих установках японцев, в обществе важной ценностью по-прежнему остается вы-

---

<sup>1</sup> The Niki Weekly, 21.08.1995, с.5.

сокая ориентация на труд. Она имеет глубокие исторические корни. В ее основе лежит самооценность самого труда, даже если он не ведет к материальному благополучию. Такое отношение было философски осмыслено еще во взглядах Исида Байгана (1685-1748), получивших название «мораль бережливости», который возводил ее в принцип. Он писал: «Бережливость распространяется не только на материальные блага, она учит ни в чем не поступать непорядочно, стремлению во всем исправлять свою душу»<sup>1</sup>. Эта мораль, придающая большое значение усердию и скромности (так называемой честной бедности), была антиподом веберовской характеристике труда на капиталистическом Западе. Идеи Исида Байгана, пропагандирующие усердие, были восприняты дзэн-буддизмом токугавского периода, который признавал достижение просветления в результате выполнения физической работы. Ранний дзэн-буддизм, который широко известен в Европе, отрицал любую производительную деятельность и признавал лишь духовное совершенствование. Поэтому на Западе часто неправильно полагают, что приверженность к труду нынешних японцев — результат давления предпринимателей и государства, а не дань Традиции.

Однако за последние 10 лет, согласно опросу общественного мнения, проведенному в 1992 г., на 13,2% возросла доля лиц, чьи интересы лежат вне работы, и в целом она составила примерно 30% занятых<sup>2</sup>.

В настоящее время корпоративизм в своем прежнем виде («корпорация — семья для рабочих», или точнее говоря, — «корпорация заменяет семью для рабочих») уже не имеет абсолютного значения. Но практически все существование работника, являющегося главным действующим лицом происходящих социально-экономических преобразований, связано с местом работы. Это диктуется логикой экономической эффективности и определяет характер трудовых отношений.

Постепенный, очень осторожный отход предпринимателей от системы пожизненного найма, бывшей одной из основ знаменитой триады трудовых отношений (включающих систему оплаты по старшинству и пофирменные профсоюзы), использование новой практики в этом вопросе объясняется стратегией корпораций, проявляющейся в политике снижения цен, увеличения конкурентоспособности товаров, диверсификации производственных связей.

Если раньше компании были ориентированы на расширение производства и экспорт, то теперь все большее значение приобретает качество продукции и увеличение внутреннего спроса. Переключение внимания на качество означает, что способности работника, его творческий потенциал становятся более важными чем просто опыт, т.е. менеджмент

---

<sup>1</sup> Цит. по Нагата Хироси. История философской мысли Японии. М., 1991, с.238.

<sup>2</sup> Япония. О себе и мире. Дайджест. № 16, дек.1993, с.54.

ставит вопрос не только о высоком качестве труда, но и требует от работника индивидуального подхода и творчества на рабочем месте.

К слову сказать, само понятие качества как ценности, в широком смысле этого слова — труда, товара, произведений народных промыслов — присуще японцам с давних пор. Первоначально это наиболее ярко прослеживалось в области культуры. Достаточно вспомнить полные совершенства предметы народных промыслов, японские сады, архитектурные ансамбли, чайную церемонию и икэбана. Неслучайно на всемирных выставках прошлого века, в которых впервые участвовала Япония, именно произведения искусства этой страны поразили европейцев своим качеством и мастерством. И сегодня марки японской продукции во многих случаях служат эталоном качества. Репутация Японии как производителя некачественных и дешевых товаров, которая сохранялась за ней с периода Мэйдзи вплоть до 60-х годов нашего века, во многом была обусловлена нетребовательным спросом их импортеров. Потакая вкусам иностранцев, поддерживая сложившийся у них имидж о своей стране как сплошной экзотике, японцы производили кимоно с драконами, которые сами никогда б не надели, и «традиционную» посуду, из которой сами б никогда не ели.

Молодые выпускники колледжей и университетов, т.е. лица с высоким уровнем подготовки, которые составляют персонал крупных фирм, все меньше удовлетворяются жесткими рамками системы пожизненного найма и считают более привлекательным статус работника, когда учитываются личные заслуги. Безусловно, это пока еще тенденция в системе найма, ибо, по свидетельству социолога Ямамото Ситихэй, опросы, проводимые сотрудниками телевидения, говорят о том, что значительное число молодежи сохраняет веру в систему пожизненного найма, несмотря на то, что средства массовой информации подвергают ее серьезной критике<sup>1</sup>.

Таким образом противоречивость настроений молодежи в отношении труда неслучайна. Данные на начало 90-х годов, приводимые по этой проблеме российским исследователем В.Б.Рамзесом, свидетельствуют, что тенденция мобильности трудового персонала набирает силу<sup>2</sup>.

В настоящее время до 80% всех занятых удовлетворены своей работой и готовы трудиться даже после достижения пенсионного возраста. Правда, доля тех, кто собирается работать «пока сможет», постепенно падает. Видимо, это связано с улучшением системы социального обеспечения и общим повышением уровня доходов.

В современных условиях структурных изменений в японской экономике, перемен в организации предприятий и системе управления наме-

---

<sup>1</sup> The Japan Times. 21.11.1987.

<sup>2</sup> Япония. Лики страны в разные времена. М., 1994, с.191-195.

чаются новые тенденции во взаимоотношениях между наемными работниками и менеджментом. Эти тенденции развиваются на фоне повышения роли индивидуалистических ценностных ориентаций, что, вероятно, в будущем может вытеснить понятие «человека компании» понятием «человека общества».

С ростом благосостояния у японцев все большую значимость приобретает досуг, особенно у молодого поколения, которое не спешит даже вступать в брак. Но и в этой сфере сохраняется дух корпоративизма. В частности, весьма популярным является проведение уикэндов и отпусков совместно с сослуживцами. При этом японцы воспринимают досуг не как праздность, а как своего рода деятельность, приобретение знаний. Для них отдых — это прежде всего спорт, путешествия, посещение музеев, театров и т.д. Постепенно досуг входит в систему приоритетов ценностных ориентаций. Хотя до сих пор, по данным опросов общественного мнения, больше половины занятых работают, «чтобы заработать деньги», свыше 20% видят в этом и «долг перед обществом» и около 20% трудятся для самореализации.

На социальное самочувствие общества большое влияние оказывает статус современной японки. Выход женщин на рынок труда, естественно, сопровождается отходом от традиционных ценностей и изменением привычного имиджа. В то же время, именно они в значительной мере обеспечивают стабильность общества и комфортность существования в нем (о чем будет сказано ниже).

Отношение японцев к религии как ценности неоднозначно. Согласно опросам общественного мнения, удельный вес верующих разных конфессий за 30 лет (с конца 50-х по конец 80-х годов) вырос с 25 до 35%. Большое число неверующих, однако, не означает, что японцам чужда религиозность. Такое впечатление создается, если подходить с европейскими нормами веры в единого бога, вечности души.

В Японии же никогда не существовало единой, централизованной религиозной организации, подчиняющей и контролирующей всю жизнь человека. Многие религиозные обряды совершались дома, в семье, без участия священнослужителей. Такое отношение было свойственно обеим главным религиям — *синто* и буддизму. С этим, очевидно, связана традиция устанавливать дома алтари — буддийский *буццудан* и синтоистский *камидана*, место которого всегда находилось выше.

Во многих случаях вера японцев базируется просто на обычаях и традициях. Они не могут назвать имена многих синтоистских богов, но знают, что эти боги существуют, ибо мифология известна всем. Если подходить с такой точки зрения, то практически все японцы религиозны. Даже те, кто считает себя неверующим, привычно исполняют различные религиозные обряды во время свадеб, похорон, национальных праздников.

Японцы не рассматривают какую-либо религию как абсолют. Они часто придают большее значение форме — обряду, ритуалу, — чем содержанию. Для них, например, христианство важно в целом, и они особо не различают католицизм, протестантизм, православие. Сейчас, по мнению настоятеля буддийского храма в г.Киото Фукиита Такамити, христианство в моде именно благодаря своей обрядовой стороне, близкой к обрядности национальных религий Востока. В Японии при гостиницах, где проводятся свадебные церемонии, специально строятся капеллы лишь для этого ритуала по христианскому обычаю. В Европе такое потребительское отношение к религии немыслимо. Один и тот же японец, по словам Т.Фукиита, идет, не мудрствуя лукаво, в синтоистское святилище, буддийский храм и христианскую церковь. И это имеет свои глубокие корни в истории, о чем уже говорилось. Все это свидетельствует, что религиозные институты продолжают существовать в жизни японцев. Как удачно подметил немецкий исследователь Юрген Берндт, японцам свойственна «нерелигиозная религиозность»<sup>1</sup>. Поэтому неудивительно, то при населении в 125,7 млн. человек приверженцев *синто* насчитывается 117 млн., а буддистов — 90 млн. человек.

Новые ценности внедряются путем формирования стереотипов — от наглядно-примитивной пропаганды американского образа жизни в первые послевоенные годы к воздействию на более высоком уровне. Речь идет о широком заимствовании американского опыта, в частности в области образования, средств массовой информации, в кино, индустрии развлечения. Поначалу американцы (имеются в виду оккупационные власти) подчас директивными указаниями прививали западные ценности, используя самые разнообразные средства.

Не без их влияния получили в стране широкий размах средства массовой информации, играющие важную роль в формировании общественного сознания, его стандартизации. Наряду с образованием, они, по выражению К.Вольферена, выполняют роль служанки существующей системы в обществе. Именно через телевидение, радио, кино, меньше прессу, идет потребление не только информации, но и всей духовной культуры, в которой достаточно заметно западное влияние. Прежде всего оно проявляется в подаче материала, носящего в большой степени потребительский характер. Основное внимание направлено на то, чтобы человек не сосредоточивался на общественно значимых проблемах, отдавал приоритет досугу, спорту, кулинарии, развлечениям, путешествиям. Однако нельзя не оговориться, что, например, телевидение, выполняет серьезную просветительскую функцию.

Безусловно, средства массовой информации нацелены на формирование стереотипов, отвечающих социополитическим установкам правя-

---

<sup>1</sup> Берндт Ю. Лики Японии. М., 1988, с.272.

щей элиты. В зависимости от политической конъюнктуры меняется набор стереотипов. Так, в годы борьбы против японо-американского договора безопасности пропагандировался стереотип «грубого американца», а в годы бурного экономического подъема — исключительности японской нации, умение адаптироваться к новой обстановке, особой моральной энергии японцев, самобытности их культуры, сплоченности нации.

Содержание стереотипов отчетливо отражает соотношение национальных и заимствованных элементов в сфере психологии, идеологии, социологии и политики, в целом в массовом сознании. Особенно это характерно для японцев с веками выпестованными стереотипами поведения, которые стали интегральной частью их сознания. Это то, что по определению Маруяма Масао, является «образами», которые создаются людьми в процессе их жизни и общения друг с другом и помогают их социальной ориентированности. Человек заранее создает те или иные образы явлений, событий и с их помощью адаптируется в обществе.

С детства каждый японский ребенок усваивает готовые схемы и модели поведения. В какой-то степени такие стереотипы действуют на уровне подсознания. Этот принцип не разрушили ни преобразования периода Мэйдзи, ни крушение империи в середине этого века, ибо они — часть духовной жизни общества, одна из форм его существования.

Более того, именно после реставрации Мэйдзи активно начали создаваться новые стереотипы с использованием всех нововведений. Конкретным проявлением может служить сфера образования, где все было подчинено единым строгим правилам — ношение формы, поведение, выполнение обязанностей в классах, поклонение императору, скорее, его обожествление.

Примерно та же политика проводилась в системе просвещения и с конца 50-х годов нашего века. Именно тогда началось движение за пересмотр школьных программ в сторону националистической интерпретации истории и политики страны, продолжающейся и по сей день, несмотря на противодействие прогрессивных сил. Но если раньше фальсификация истории в школьных учебниках осуществлялась большей частью цензурой, то теперь речь шла о коренном изменении их содержания. В 60-е годы активно разрабатывалась концепция формирования желательного образа человека (кампания «*хитодзукури*» — досл. «делать человека»), в которой наибольший акцент ставился на воспитание в духе патриотизма и единства нации. Использование глагола «делать» подтверждает живучесть традиции «катаизирования».

В последние два десятилетия националистическое воспитание ведется уже с начальной школы путем ненавязчивого возвращения к традиционным ритуалам (поднятия национального флага, исполнения гимна), что подспудно обеспечивает лояльность императору и государственным структурам вообще. По сути проводится целенаправленная политика сохранения в сознании японцев идеи того, что император является символом на-

ции, мерилом нравственных идеалов и хранителем преемственности поколений. Эта политика вызывает неоднозначную реакцию в обществе<sup>1</sup>.

На эту идею работают все средства массовой информации, постоянно поддерживая интерес к институту императора. Особенно это наглядно проявляется во время таких эпохальных событий в жизни императорской семьи, как, например, недавняя свадьба кронпринца, проведенная с соблюдением всех древних ритуалов. В то же время постоянно подчеркивается, что члены императорского дома живут той же жизнью, что и миллионы семей с их радостями и горестями. Тем не менее, в целом, пиетет по отношению к императору падает, особенно среди молодого поколения. Согласно опросу общественного мнения, проведенному NHK в 1988 г., около 50% респондентов проявили индифферентность в этом вопросе<sup>2</sup>.

Возрождение концепции «духа Ямато» ведется в плане пропаганды исключительности национальной идеологии и культурной традиции, несравненного довоенного государственного устройства, привнесения религиозно-мистических ритуалов. Это происходит в известной степени и без участия правящих кругов, что можно рассматривать как реакцию государства на размыв традиционных ценностей и формирование так называемого здорового национализма. В этой обстановке *синто* и буддизм предпринимают попытки модернизировать свои догматы, приспособиться к новой ситуации, не поступаясь при этом многовековыми принципами.

Несмотря на то, что в соответствии с директивой оккупационных властей от 15 декабря 1945 г. государственный *синто* был запрещен, народный продолжает существовать как духовная ценность. Используя это, синтоистские священники уже в 50-е годы начали движение за восстановление некоторых ритуалов государственного *синто*. Это проявилось, в частности, в попытках возродить общенациональный праздник День основания империи Кигэнсэцу (отмечавшийся 11 февраля, ибо согласно мифам, в этот день в 660 г. до н.э. взошел на престол первый японский император Дзимму). При поддержке различных правых группировок в 1957 г. в парламент был внесен проект об изменении закона о национальных праздниках, предусматривающий восстановление Кигэнсэцу. Впоследствии это предложение неоднократно повторялось, и в 1966 г. он наконец был возрожден, но под названием День основания государства (Кэнкоку кинэн-но хи).

Правительство, проводя политику укрепления традиционных ценностей и морального воспитания, вновь начинает оказывать поддержку некоторым синтоистским храмам, в прошлом оплотов государственно-го *синто*. Например, вновь обрел значение храм Ясукуни, где обожествлены души всех погибших за императора воинов. В течение многих

<sup>1</sup> Асахи симбун. 25.12.1992; 08.03.1993.

<sup>2</sup> Fukutake Tadashi. The Japanese Social Structure... с. 149.

лет предпринимались попытки узаконить участие главы правительства в праздничных церемониях в храме, которым придается значение государственных актов. Эти попытки вызвали определенное противодействие в обществе. Правительство поспешило выступить с разъяснениями, что посещение храма Ясукуни членами кабинета не противоречит конституции, признающей отделение религии от государства, поскольку это не участие в ритуале государственного *синто*, а лишь выражение общечеловеческих чувств»<sup>1</sup>.

В целом можно сказать, что постепенно возрождаются традиционные ценности и происходит их приспособление к условиям высокоразвитого массового общества, которое выходит на уровень информационного в социально-экономической сфере и более развитой демократии — в политической. Точнее говоря, одни ценности вообще не исчезали из жизни общества, другие вернулись довольно быстро, путь к возрождению третьих был медленным и трудным, а некоторые исчезли совсем.

Вот уже более ста лет в ценностных ориентациях повседневной жизни японцев сосуществуют два направления. В стране сложилась уникальная ситуация, когда ее население органично живет в двух различных культурах. Японец в зависимости от условий абсолютно одинаково использует палочки для еды или вилку с ножом; надевает европейскую одежду или кимоно, обувает ботинки или *гэта*; работает за письменным столом или занимается каллиграфией на *татами*; слушает симфонический оркестр или песнопения дзёрури в театре Бунраку; следит за изысканной игрой актеров в Кабуки или смотрит западные шоу; играет в го или часами просиживает перед игровыми автоматами. «Старое и новое, японское и европейское сосуществуют, словно отдельные комнаты в квартире — ступи в любую дверь, кому куда хочется»<sup>2</sup>. Но, безусловно, первые послевоенные поколения в большей степени открывали западную дверь. Это вело к отходу от прежних стереотипов, однообразия мышления и унифицированности к более индивидуалистическому восприятию мира.

Усиленное проникновение западной цивилизации в японское общество закономерно поднимает вопрос, не разрушает ли импорт иностранной культуры и образа жизни (американский гамбургер, немецкая симфония, французская кухня, итальянский дизайн) национальную культуру? Нет, это не так. По мере насыщения предметами материальной культуры магия американского образа жизни блекнет, а традиции как бы вновь утверждаются практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Это говорит о том, что их сохранение есть для японцев непреходящая ценность.

Можно сказать, что к концу 80-х годов идея американизации Японии практически себя изжила. И, наоборот, с 80-х годов вновь усилива-

---

<sup>1</sup> The Daily Yomiuri. 10.08.1985; 16.08.1985.

<sup>2</sup> Мори Рюкити. Икиру тамэ но буккё (Буддизм для жизни). Токио, 1966, с.22 (Цит. по: Козловский Ю.Б. Современная буржуазная философия в Японии. М., 1977, с.49).

ется интерес к национальным ценностям. Это находит отражение в сфере общественной морали (сыновья почтительность, оплата морального долга — нормы *гири*), межличностных отношений, укрепления существовавших социальных связей и обычаев, возрождение националистических взглядов и интереса к религии. Обращение к Традиции идет в русле повышения материального благосостояния, уверенности в завтрашнем дне японцев, их гордости за высокий престиж страны в мире. Это в первую очередь характерно для поколения, выросшего в период высоких темпов роста, в обстановке стабильной, мирной, богатой жизни. Ведь это был первый продолжительный мирный период развития в истории Японии после реставрации Мэйдзи. Ее грандиозные успехи в значительной степени ведут также к самоуспокоенности и самоуверенности, к утрате духа самокритики. Более того, как уже говорилось, идет усиленное распространение японской культуры, отдельных элементов образа жизни и духовных ценностей за границу, что зиждется на мощном экономическом потенциале страны.

\*\*\*

Изменение массового сознания японцев, как вытекает из вышесказанного, происходит по типу «u-образного развития», выражающегося в возврате к национальным ценностям, которые игнорировались в первые 10-15 лет после войны. Но не просто возрождения, а на новом качественном уровне. Сочетание западных и традиционных социокультурных установок и взглядов создает достаточно стабильный социальный климат, при котором каждая группа находит свою нишу.

Параллельное существование двух культур, поначалу весьма ярко выраженное, с течением времени смягчается под воздействием взаимопроникновения, органичного соединения разнородных элементов. И именно в настоящее время можно наблюдать довольно тесное переплетение, привычный для японцев сплав заимствованных и национальных ценностей. Для молодого поколения нет противостояния между традиционно японским и европейским. Многие молодые люди с рождения воспринимают элементы западной культуры как свои, отечественные.

Современный японец демонстрирует самостоятельное жизненное поведение (уважение личности) и принадлежность к социальной группе; признает железную логику дисциплины и творческий характер труда; отдает должное важности накопления и утверждению эстетических ценностей; твердо придерживается принципов демократии и плюрализма, гарантирующих стабильность в обществе, но не забывает оказывать уважение старшим по возрасту и положению.

Подытожив вышесказанное, можно отметить, что Япония умело сочетает западные и традиционные ценности и в эпоху интернационализации стремится распространить свою цивилизацию на другие народы.

## Глава шестая

# СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В СЕМЬЕ И НА ПРЕДПРИЯТИИ

Формальные и неформальные связи. Понятие института *из*. Появление нуклеарной семьи. Изменение статуса женщины. Государственная политика в отношении женщин и лиц пожилого возраста. Взаимоотношения поколений и воспитание. Семья — хранительница традиций. Принципы трудовых отношений. Роль пофирменных профсоюзов. Неопатернализм: от концепции «человека компании» к концепции «общество компании».

Социальную систему общества формируют взаимодействия людей, устоявшийся порядок в их отношениях, способность к согласованным, скоординированным действиям. В этом процессе взаимосвязи личности и общества формируется и изменяется человек и одновременно изменяются его социальные связи, т.е. все находится в постоянной динамике.

Одной из характерных черт социальных связей японцев является обостренное чувство принадлежности к определенной группе или объединению. Такое чувство общности, по определению американского социолога Т.С.Лебра, может распространяться на формальные или неформальные организации — домашний очаг, место жительства, деревню, город, фирму и т.д.<sup>1</sup>

Социальные связи каждого японца реализуются прежде всего в двух местах его притяжения — семье и месте работы. Кроме того японец обладает многочисленными неформальными связями, которые чрезвычайно важны. Группа живет по своим законам, а путь каждого индивидуума зависит уже от его собственных социальных связей (*connection*, или *конэ*, в японском звучании). Эти связи определяют взаимоотношения людей и во многом содействуют успеху в жизни. В принципе *конэ* идентично понятию *дзиммяку* (*дзин* — человек, *мяку* — жила). Это понятие Карел ван Вольферен уподобляет минералу с прожилками<sup>2</sup>, ибо эти связи пронизывают всю жизнь общества.

Отчасти они реализуются в виде существования *бацу* (досл. клан, фракция, клика) традиционно специфической формы отношений в японском обществе. Это — группы, которые объединяют людей, имеющих тесные связи и ориентированных на свои особые ценности. Как заме-

<sup>1</sup> Lebra T.C. The Japanese Pattern of Behavior. Honolulu, 1976, с.47.

<sup>2</sup> Volferen K.van. Цит. соч., с.110

чает Исида Такэси, *бацу* «характеризуется тесным и глубоким единством... часто включает в себя патерналистское отношение со стороны лидера и зависимое отношение от него рядовых членов. Часто эти отношения строятся по принципу *оябун-кобун*<sup>1</sup>.

В истории страны можно проследить возникновение и исчезновение нескольких типов подобных организаций. В свое время заметную роль играли *хамбацу* (клановые клики), *дзайбацу* (финансовые круги) и *гумбацу* (военщина). В современной Японии наиболее заметными являются *хабацу* (фракции политических партий), *гакубацу* (объединения выпускников одного высшего учебного заведения), *кэйбацу* (группы, связанные брачными и родственными отношениями).

Перед тем как перейти к проблемам семьи, несколько слов о *кэйбацу*, которые до сих пор помогают создавать семьи бюрократической и политической элиты. Примером *кэйбацу* может служить объединения женщин, окончивших самый элитарный университет Гакусюин, или клуб жен депутатов парламента, основанный супругой бывшего премьер-министра Икэда Хаято. Члены *кэйбацу* обмениваются информацией о возможных кандидатах для будущих бракосочетаний и устраивают встречи-знакомства на теннисных кортах, в гольф-клубах, в престижных местах отдыха — курортах Каруидзава или Атами. Наиболее элитарное — общество Каруидзава (создано в 1942 г.), член которого Сёда Митико стала императрицей.

Семья — это первичная группа, основная структурная ячейка общества. Исторически это был институт *из*. Он охватывает не только саму семью (в западном понимании этого слова), но и дом, и имеющееся в нем имущество, а также семейные узы, трудовую активность всех членов данной семьи, в том числе и боковых линий. Таким образом семья является единым организмом, действующим в полной физической, психологической и нравственной взаимосвязи.

Существование *из* зависело от деятельности всех участников, поэтому её можно рассматривать как семейное предприятие, т.е. скорее как социально-экономический институт, чем связанную кровными узами общность. Отсюда родственные связи в Японии значат меньше, чем на Западе.

В японской семье преобладали вертикальные связи. Собственность принадлежала всей семье. Она не делилась поровну между всеми братьями, а переходила лишь к старшему сыну, который считался продолжателем семейной линии. Остальные должны были либо начать свое дело, образуя боковые семьи (*бункэ*), либо уехать в город. За счет как раз «вторых и третьих сыновей» в Японии достаточно быстро пошел процесс урбанизации. При этом, мужчины, покинувшие родную семью, ско-

---

<sup>1</sup> Ishida Takeshi. Japanese Society. с.64.

рее могли рассчитывать на материальную поддержку родственников жены, чем на своих близких. Но главное — опираться на самих себя, обретая новые связи. По мнению Наканэ Тиз, именно этот фактор способствовал быстрому осуществлению модернизации и экономического развития страны<sup>1</sup>.

По традиции, в состав семьи входили родители и дети, при этом учитывались и умершие предки, и еще не родившиеся потомки, что подразумевало непрерывность семейной линии, преемственность поколений. Нормы, регулирующие поведение всех членов данной *из*, обеспечивали ее иерархическую структуру. Боковые семьи подчинялись главной *хонкэ*, дававшей им определенные социальные гарантии. Власть главы распространялась не только на бытовую и хозяйственную деятельность в пределах *из*, но и на образ мыслей. К примеру, взгляды членов семьи, идущие вразрез с мнением главы, рассматривались как недостойное поведение, разрушающее гармонию и установленный в группе порядок. «В японской системе *из* все члены представляют собой единую группу, подчиненную главе. Они не имеют специфических прав, соответствующих статусу личности в семье», — фиксирует Наканэ Тиз<sup>2</sup>. А в целом структура *из* имела патриархальный характер.

Отношения *хонкэ-бункэ* распространялись не только на семьи, связанные кровными узами, но охватывали и квазисемейную систему — *додзоку*. Ее основными параметрами были строгая иерархия, авторитарный контроль над всеми членами группы при отсутствии родственных связей. Примером *додзоку* на высшем социальном уровне может служить государственная система в эпоху Токугава, а перед второй мировой войной — «государство-семья». *Дзайбацу* тоже имели черты *додзоку*. Таким образом, принцип *из* — зерно всех социальных связей в японском обществе — экстраполировался вверх на уровень *додзоку*, а вниз — на *оябун-кобун*.

На протяжении веков система *из* служила социальной базой укоренения буддизма в стране. Каждая семья в целом принадлежала определенному буддийскому храму и являлась членом его общины. Отсюда привычное восприятие японцами этой религии не на индивидуальном уровне, а на семейном. Проявлением этого в религиозной практике буддизма является существование двух видов храмов — *бодайдзи* — для мемориальной службы (при нем находится кладбище) и *китодзи* (где совершаются моления о благополучии семьи и ее членов). Другими словами, буддизм обслуживает своих адептов в повседневной жизни. Примечательно, что в отличие от синтоистского святилища с его

---

<sup>1</sup> Наканэ Тиз. Нихондзин то Нихон сякай но токусюсэй ни цуйтэ (Специфические черты японцев и японского общества). Токио, 1972, с. 10

<sup>2</sup> Nakane Chie. Japanese Society, с. 14.

*удзигами*, которое объединяет всех живущих в данной деревне или квартале города (синтоистская община), буддийский храм дает возможность выбора, т.е. любая семья может стать адептом храма независимо от его местоположения. Таким образом, *синто* был организован по территориальному принципу, а буддизм — по семейному, но каждый японец одновременно может быть адептом обеих религий. Более того, для синтоизма характерно проведение многих религиозных обрядов не в святилище, а в семье, дома, где в основном и сосредоточена религиозная жизнь.

Социально-экономические перемены в послевоенной Японии (демократические преобразования, введение нового гражданского кодекса, уравнивающего в правах всех членов семьи, рост социальной мобильности в условиях индустриализации и урбанизации) разрушили многие компоненты института *иэ*, который в прошлом был центром семейной и производственной жизни. В соответствии с поправками, внесенными в гражданский кодекс в 1948 г., основой семейной системы признается уже нуклеарная семья. Пропаганда нового взгляда на семью среди молодежи активно проводится средствами массовой информации, осуществляется в ходе учебного процесса.

Постепенно нуклеарная семья получает все большее распространение. Этому способствует активизация экономической жизни, миграция рабочей силы, увеличение числа наемных работников, а также изменения в идеологии. Последние проявляются в отходе от групповой ориентации, принципа главенства мужа в семье, идей непрерывной семейной линии — к супружеской гармонии. Иначе говоря, происходит поворот от вертикально-родовой ориентации на горизонтально-индивидуалистическую. Укрепление нуклеарной семьи не могло не сказаться на отношении людей к религии. Одним из показателей этого, конечно не безусловным, может служить отсутствие в большинстве этих семей домашних буддийских алтарей. В 70-е годы их имели лишь 30% нуклеарных семей<sup>1</sup>, но многие религиозные праздники как синтоистские, так и буддийские (Новый год, Бон, Дни весеннего и осеннего равноденствия) отмечаются и сейчас в домашней обстановке.

С нуклеарной семьей японцы связывают англоязычное понятие *my home*, которое несет в себе любовь именно к своему дому, непосредственно к своей семье, как бы обрывая все побочные связи. Но концепция *иэ* все же продолжает существовать в деревне и городе в виде крестьянского хозяйства, ремесленных мастерских, магазинчиков, лавок, ресторанов, кафе.

Современная японская семья немногочисленна: в городе, как правило, в ней не более двух детей, родители и взрослые дети, даже несе-

---

<sup>1</sup> Morioka Kiyomi. Religion in Changing Japanese Society. Tokyo, 1975, с.106.

мейные, часто уже живут отдельно. Но до сих пор таких семей в Японии намного меньше, чем в западных странах. В 1990 г. типичная японская семья насчитывала в среднем 2,99 человек; в 1992 г. 59% всех семей состояли из супругов и одного ребенка, 21,8% — из одиночек (молодых людей и стариков).

Значение семьи для современных японцев серьезно изменилось. Для мужчин она все больше становится лишь местом отдыха, ибо производственная активность полностью сосредоточена для него теперь по месту работы. Более того, значительную часть и нерабочего времени он проводит не дома, а с сослуживцами, ибо это необходимое условие для поддержания хороших отношений на работе. Что же касается женщины, то ее положение изменилось не столь радикально, дом по-прежнему на ней, о чем речь ниже. Но современная семья, как и прежде, продолжает строиться скорее на отношениях между родителями и детьми, чем между мужем и женой, как это принято в нуклеарной. При этом ее основа в большей степени мать и дети. Но глава воспринимает их не каждого в отдельности, а в целом как дом, т.е. концепция *из* все же продолжает жить, хотя и в весьма обновленном виде.

Ослабление традиционных семейных уз происходит уже и в нуклеарной семье. Это обусловлено прежде всего социально-экономическими факторами, в частности, уходом жителей из сельских местностей, периодическими перемещениями по службе в различные районы страны мужчин, когда не учитываются интересы семьи и зачастую ее члены годами живут раздельно. Эта ситуация в известной мере напоминает практику служения феодалов военному правителю — сёгуну, когда семья оставалась постоянно при дворе, а феодал каждый второй год уезжал в свои владения.

Определенное влияние на ослабление семейных связей оказывает и изменение социального статуса японки, главным образом ее участие в трудовой и общественной деятельности. Это одно из главных направлений эволюции общества, ибо, по мнению социолога Ивао Сумико, именно женщине присущ в настоящее время динамизм и творческий дух, в то время как мужчина более пассивен и склонен к соблюдению иерархии. Но в силу своих социопсихологических особенностей и традиций японки, постепенно перемещаясь со второстепенного места в общественной жизни на авансцену, делают это подчас не лобовыми, а обходными путями.

Конституция 1947 г. уравнила в правах женщин и мужчин и признала это фундаментальным принципом демократического законодательства. Одновременно были внесены серьезные поправки в Гражданский кодекс (ГК) и законы, касающиеся избирательной системы, образования и найма. На основе равенства полов женщины де-юре получили право избирать и быть избранными, заниматься предпринимательской дея-

тельностью, учиться в высших учебных заведениях, получать равную оплату за равный труд с мужчинами, обрели равенство и в семье; были введены также статьи, связанные с физиологическими особенностями женщин. На этой основе произошли существенные перемены в их статусе. Однако многие положения на практике не были реализованы. Фактически до проведения международных мероприятий Года женщин (1975) и Десятилетия женщин (1975-1985) по инициативе ООН в стране не было четко разработанной государственной политики в этой области.

В середине 70-х годов назрела необходимость скорректировать некоторые положения ГК, касающиеся статуса женщин, они обрели право оставлять после развода фамилию мужа, которую получали при регистрации брака. Это было сделано, прежде всего, для того, чтобы у них была общая фамилия с детьми, которые, как правило, оставались с матерью. Это был существенный шаг на пути к достижению подлинного равноправия полов. Но на начало 90-х годов практически все вступающие в брак женщины меняли свою фамилию на фамилию мужа (традиция брала свое), хотя около 30% хотели бы сохранить девичью.

В 1980 г. была изменена система наследования в связи с увеличением количества нуклеарных семей, сокращением числа детей и повышением статуса женщины дома и на работе. В поправках к статьям 900 и 904 ГК была увеличена доля супругов в наследовании имущества, но фактически это касалось жены; устанавливался принцип деления имущества в соответствии с вкладом наследников по уходу за впоследствии умершим; изменялись критерии раздела имущества в пользу супругов перед детьми. Фактически признавался больший вклад женщины.

В 90-е годы женщины составляют более половины населения: доля работающих — 50,3%, из них замужних — свыше 52%. Они работают главным образом в третичных отраслях (почти 84%) и отдают предпочтение конторскому труду, работе в сфере услуг, где составляют больше половины всех занятых, овладевают такими, казалось бы, чуждыми для женщины, тем более японской, профессиями, как полицейские, таможенники, строители. На страницах газет все чаще встречаются заголовки: «Первая в Японии женщина — строитель тоннеля», хотя по традиции считается, что ее появление в строящемся тоннеле приносит несчастье. Отличительной чертой Японии в сравнении с развитыми странами, является большой процент (около 20%) экономически активных женщин, работающих на семейных предприятиях и не получающих оплату за свой труд, а также (12%) занятых надомной работой. Все большее число их трудится по временному найму, где во второй половине 80-х годов они составляли более 70%. Предпочтение такой работе отдается из-за возможности свободно располагать временем и рабочим днем в интересах семьи. Кроме того, оставляя постоянную работу на период рождения и воспитания детей, женщины возвращаются уже обыч-

но на временную. Примечательно, что они идут работать не только для того, чтобы пополнить семейный бюджет, но и удовлетворить личные потребности в более дорогих вещах, развлекаться, заниматься хобби. В прошлом же работали только до замужества, либо в случае развода или смерти мужа.

В последние годы немаловажной причиной трудовой активности женщин становятся психологические факторы, потребность и возможность раскрытия творческих способностей и самовыражения. Все большее число девочек после окончания средней школы поступает в колледжи (в 1989 г. — 22,1% против 8% в 1960 г.) и университеты (соответственно 14,7 и 2,5%). В первом случае они, по большей части, получают навыки «домашней экономики» и специальность учителя. Во втором — выбирают гуманитарные специальности. В нарушение, казалось бы, незыблемой традиции женщины активно вторгаются в сферу обучения, становясь преподавателями в начальной школе (58% всех учителей), в средней первой ступени (36%) и второй (20%). Увеличивается их число в медицине. В 1994 г. 24% новых докторов составили женщины, что на 1,4% больше, чем в прошлом году<sup>1</sup>. Правда, после окончания высших учебных заведений женщины далеко не всегда могут найти работу, но бывают и исключения. Например, в 1991 г. свыше 90% окончивших колледжи и университеты поступили на работу, превысив даже долю мужчин<sup>2</sup>. Но этот год был, похоже, очень благоприятным для женщин, ибо общая картина далеко не столь радужная, несмотря на существование Закона о равных возможностях найма мужчин и женщин (1985), который гарантировал одинаковые права с мужчинами при найме, непосредственно на предприятии, на рабочих местах, при подготовке и переподготовке кадров, получении льгот.

Кроме того внесены поправки, касающиеся условий женского труда, в Закон о трудовых стандартах (1947). С одной стороны, были ликвидированы или смягчены существовавшие ограничения на сверхурочные работы, в ночное время и праздничные дни (как символ равноправия), а с другой — расширена база защиты материнства (продлен отпуск до и после рождения ребенка, а использование беременных или кормящих матерей на вышеперечисленных работах могло быть только с их согласия).

С увеличением числа работающих замужних женщин появилась необходимость создать систему отпусков для воспитания детей с правом возвращения на прежнее место работы. Уже в середине 70-х годов был принят Закон об отпусках по уходу за детьми для женщин-учителей в системе обязательного школьного образования, для работников меди-

---

<sup>1</sup> The Japan Times, 23.04.1994.

<sup>2</sup> Асахи симбун, 29.10.1991.

цинских учреждений и сферы социального обеспечения. Такой отпуск предоставляется сроком до года.

Достаточно существенным изменениям подвергся Закон о национальных пенсиях (1986). Теперь базовую пенсию получают все без исключения. Ранее жены-домохозяйки наемных работников по их желанию включались или не включались в национальный пенсионный фонд, а мужья для их содержания получали на предприятиях надбавку к своей пенсии по страхованию по месту работы. В настоящее время жена в обязательном порядке получает национальную пенсию, а надбавка к пенсии мужа отменена. Неработающие женщины в таком случае имеют право самостоятельно распоряжаться пенсионными средствами, поскольку они переводятся на их счета. Это особенно важно в случае потери трудоспособности, смерти мужа или развода.

В настоящее время в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры и сложности создания новых рабочих мест, окончившим учебные заведения девушкам все сложнее устроиться. Например, по данным обследования министерства труда, в 1993 г. по сравнению с предыдущим годом, на 40% уменьшилось число женщин, получивших работу. В то время как для мужчин эта цифра не достигла и 30%. В том же 1993 г. около тысячи фирм вновь приняли на работу примерно 50 тыс. девушек, а в 1994 г. лишь 29 тысяч. При этом им приходится преодолевать разного рода препоны в поисках работы. Менеджеры по кадрам не спешат предоставлять им необходимую информацию или назначать время для беседы, тянут с окончательным ответом. Девушкам приходится обходить и обзванивать до полусотни компаний.

Во многом такая ситуация складывается из-за несовершенства самого закона, который, провозглашая равенство полов в вопросах найма, не предусматривает каких-либо санкций при его нарушениях<sup>1</sup>. Более того, положения закона часто имеют характер пожеланий. Например, нанимателям лишь рекомендуется «стремиться предоставить женщинам равные возможности с мужчинами» в той или иной сфере. Или оговорено, что компании не должны принимать только мужчин на определенные должности, в то же время не предусмотрено, что, скажем, в конторы следует нанимать только женщин. Но вряд ли какому-нибудь руководителю придет в голову взять на такое место мужчину.

Прошло слишком мало времени, чтобы со стороны менеджмента изменилось отношение к женщине на рабочем месте, чтобы они обрели подлинно равный с мужчинами статус. Они его не получают, даже будучи принятыми на работу. Несмотря на диплом, их рассматривают лишь как вспомогательные кадры. Стереотип взаимоотношения полов все еще очень силен (традиционно женщина считалась собственностью

---

<sup>1</sup> The Japan Times, 10.05.1994.

отца, мужа, старшего сына). Он не только препятствует их карьере, но и проявляется в уничижительном отношении на рабочем месте, даже если женщины занимают достаточно высокий пост. Сотрудница одной из крупных страховых компаний, которая ведет самостоятельный участок работы, рассказывала в интервью корреспонденту газеты «The Japan Times», что довольно часто клиенты отказываются говорить с ней и просят позвать мужчину, хотя их вопросы относятся непосредственно к ее компетенции.

По преимуществу женщин нанимают на должности клерков, если же они попадают в разряд управляющих, то могут подняться по служебной лестнице лишь до определенного уровня, в основном в среднем и мелком бизнесе. Например, весной 1994 г. одна из крупных страховых компаний приняла в управленческий аппарат 150 мужчин и только одну женщину. При этом им приходится работать больше, чем мужчинам, чтобы доказать свое право занимать подобную должность. Иногда это идет даже за счет их личной жизни и потери женственности. По данным министерства труда, в 1994 г. в стране лишь 4,1% должностей управляющих и 1,7% директоров были предоставлены женщинам. Их по-прежнему стараются использовать на подхвате. Даже если женщина выполняет одинаковую с мужчиной работу у нее непременно есть дополнительные обязанности подавать чай, ксерокопировать и никто не попросит об этом мужчину. Кроме того, она имеет меньше привилегий и разного рода льгот. Менеджмент все еще отдает предпочтение мужчине, а если и нанимают женщину, то делают это часто в рекламных целях, чтобы показать обществу свою прогрессивную ориентированность.

Такая политика зачастую объясняется, а многими и оправдывается тем, что женщины должны заниматься семьей и воспитанием детей. Но в настоящее время они не всегда жертвуют карьерой ради этого и продолжают работать, имея малолетних. В таком случае фирма обязана содействовать им, разрабатывая специальные программы отпусков по уходу за детьми. Однако по данным министерства труда, в период с апреля 1993 г. по май 1994 г. лишь 30% из 8 тыс. обследованных компаний предоставляли такие отпуска<sup>1</sup>. По свидетельству сотрудницы одной из крупных железнодорожных компаний, ни одна женщина, занятая на конторской и даже управленческой работе, никогда не пользовалась такой привилегией.

Продолжает существовать дискриминация в оплате женского труда. Во-первых, изначально их принимают на менее оплачиваемые должности, во-вторых, их заработная плата растет медленнее, чем у мужчин, и в результате средний заработок занятого полный рабочий день мужчины почти в два раза выше, чем у женщины (453 тыс. иен против 220 тыс. иен)<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> The Japan Times, 11.05.1994.

<sup>2</sup> The Japan Times, 12.05.1994

Переломить такое отношение к женщине на рабочем месте поможет создание новой концепции воспитания в семье и в школе. Безусловно, для того, чтобы чувство равенства стало имманентно присуще представителям обоих полов, должно смениться не одно поколение. Уже сейчас в семьях стараются приобщать с детских лет мальчиков к домашней работе так, чтобы, например, сервировка чая стала для них привычным делом, не унижающим мужского достоинства. Но главная тяжесть решения этой проблемы ложится на систему обязательного образования.

В настоящее время министерство просвещения работает над подготовкой специальных программ для школ всех ступеней, задача которых создать новую социальную инфраструктуру во главе с семьей. Речь идет о воспитании чувства равенства мужчин и женщин с детского возраста. В дополнение к семейному воспитанию в некоторые школьные дисциплины (домашняя экономика, домоводство, уроки труда) вносятся изменения с тем, чтобы мальчики и девочки получали одинаковые навыки для будущей семейной жизни. Это относится к средней школе первой ступени, а во второй — введены новые предметы, расширяющие кругозор о повседневной жизни. Необходимость этого подтверждают результаты опросов общественного мнения: в 1992 г. из 100 тыс. молодых респондентов 40% на словах высказали несогласие с традиционным делением домашнего труда, но лишь около 4% женатых заявили, что реально помогают женам в домашнем хозяйстве. Помимо школы в этом процессе участвуют органы местного самоуправления и женские организации. Частично их деятельность субсидируется государством. Важную часть такого социального воспитания составляет пропаганда защиты материнства, которая проводится и в школах, и среди родителей. Это достаточно эффективная мера для предотвращения проституции и половых преступлений.

Сдержанность и скромность, привычка быть на втором плане, как бы выглядывая из-за плеча мужчины-хозяина, тем не менее не мешает современной японке быть чрезвычайно активным членом общества, участвовать в различных гражданских движениях как по месту жительства, так и в общенациональном масштабе.

Женщины, особенно домохозяйки, — та часть электората, которая привлекает наибольшее внимание всех политических партий и независимых кандидатов. В силу особенностей структуры общества — существование в городе и деревне локальных обществ и соседских общин — именно они являются связующим звеном между жителями и кандидатами в депутаты. Домохозяйки в повседневной жизни общаются с большим числом людей — лавочниками, ремесленниками, владельцами предприятий бытового обслуживания, учителями. От них кандидаты в депутаты получают информацию о положении дел в избирательном

округе и именно через них ведут свою пропаганду среди избирателей. Женщины - активные добровольные сотрудники обществ поддержки кандидатов в депутаты (одна из основных форм подготовки и проведения избирательных кампаний). Они ведут большую рутинную работу — составляют списки избирателей, рассылают пригласительные открытки на встречи с кандидатом, распространяют пропагандистскую литературу, обзванивают потенциальных избирателей с просьбой голосовать за своего кандидата. И именно на домохозяйек во время избирательных кампаний обрушивается буквально лавина звонков в дверь распространителей литературы и разного рода агитаторов. В результате женщины очень часто «навязывают» своим мужчинам выбор кандидата. Во многом именно их усилиями и обеспечивается консервативная ориентация и политическая стабильность в обществе. Однако роль женщины в избирательных кампаниях велика лишь при выполнении черновой работы. По сравнению с другими развитыми странами их очень мало в высших органах представительной власти. По числу женщин-депутатов в парламенте Японии занимает 110-е место среди 131 страны (например, 2,3% против 38,1% в Швеции)<sup>1</sup>. Сейчас в парламенте 52 женщины и только 14 в основной — палате представителей. Зато реванш здесь взяла бывший председатель Социал-демократической партии Японии Дои Такако, впервые в истории страны ставшая 68-м спикером нижней палаты.

Очень медленно, но все же растёт число женщин, участвующих в процессе принятия политических решений. Лишь в 1991 г. впервые были избраны женщины на посты вице-губернаторов в Токио, префектурах Окинава и Исикава, а также на пост мэра в г.Асия. К 1995 г. добавилось еще 3 мэра-женщины (и это на 3437 городов, городков и деревень!). Периодически они занимают посты министров в правительстве, но министр по делам женщин — все-таки мужчина.

Более благоприятно выглядит положение японок на международной арене. Япония представлена четырьмя женщинами-послами, одна из которых возглавляла делегацию страны на конференции по разоружению в январе 1995 г. Пятеро занимают весьма высокие посты в Организации Объединенных Наций, одна из них — Огата Садако — впервые была назначена верховным комиссаром ООН по делам беженцев. Наиболее заметна роль женщин в органах местного самоуправления, где в 1993 г. они составляли 3,3% депутатского корпуса, больше всего их в мегаполисах — Токио, Осака, Киото.

Несмотря на благоприятные перемены в положении женщин, продолжает бытовать мнение, что они находятся полностью в подчиненном положении в семье и обществе в целом. Однако большинство их,

---

<sup>1</sup> Асахи симбун, 16.01.1992.

согласно опросу общественного мнения, в целом удовлетворены своим положением и постоянно растет число довольных тем, что родились женщинами.

На них ложится основная тяжесть воспитания детей, и во многих случаях они не желают ради работы пренебрегать семейными обязанностями. В результате они зачастую приносят в жертву свои общественные амбиции и оставляют работу на довольно длительный срок, теряя иногда свою специальность. Но воспитание подрастающего поколения — одно из важных предназначений общества, стремящегося сохранить свою самобытность. Именно женщины в семье являются хранительницами традиций, которыми и живо общество. Без преувеличения можно сказать, что и настоящее находится в их руках, так как они «отвечают» за половину экономики, контролируя до 60% потребительских расходов. Ведь именно жены ведут семейный бюджет и распоряжаются заработной платой мужей, которая переводится на банковские счета женщин<sup>1</sup>.

Учитывая все возрастающую роль женщины, правительство создало в июле 1994г. специальный орган — Штаб содействия достижению равенства полов во главе с премьер-министром. В его составе заинтересованные высшие должностные лица, задача — координировать политику правительства, министерств и ведомств, в той или иной мере занимающихся решением этой проблемы. Штаб разработал новый национальный план действий, рассчитанный до 2000 г.<sup>2</sup>

Разрушает семейные связи, как это ни звучит парадоксально, бурное развитие разных источников информации. В городе во многом сходят на нет личные контакты между членами семьи. Их заменяют большое число телевизионных каналов, видеомэгнитофоны, уокманы, аппаратура караокэ, компьютеры, поэтому не только утрачивается потребность общения, но и исчезает время для него. Достаточно типичная ситуация в семье: мать приходит с работы, заглядывает в комнату детей, которые даже не слышат и не замечают ее прихода, так как слушающая через наушники музыку, одновременно листают иллюстрированные молодежные журналы. Это вполне устоявшийся штамп японских кино- и телефильмов о семейной жизни.

Современные условия и ритм жизни (отсутствие главы семьи с раннего утра до позднего вечера, занятия детей в школе и на репетиторских курсах) еще одна причина, скорее уже психологическая, ослабления внутрисемейных связей. Ведь даже трапеза, которая раньше была ритуалом, редко собирает за столом всю семью, разве что по воскресеньям и праздникам. Хозяйка практически целый день находится дома

---

<sup>1</sup> Journal of Japanese Trade and Industry, 1991, № 2, с.29.

<sup>2</sup> Woman in Japan To-day. January, 1995, с.5.

одна. В последние годы около 60% глав семей не завтракают дома и более 30% — не ужинают, не говоря уже об обедах. Дети обычно лишь обедают. Все больше в семейную практику входит обычай питаться вне дома и по выходным дням, освобождая женщину от кухни. И если лет десять тому назад это относилось к обеду, то сейчас по воскресеньям можно достаточно часто встретить в ресторанах и кафе семьи за завтраком, во время которого зачастую встречаются родители, дети, внуки. Особенно любит так завтракать молодежь во время уикендов, лишь бы не заниматься домашними делами. Все большее число ресторанов готовят комплексные завтраки.

Таким образом происходит как бы восстановление семейных связей, но на другом уровне. Может быть, возрождению и укреплению семьи будет также способствовать расширяющееся строительство так называемых домов для двух поколений, в которых независимо друг от друга живут «отцы и дети». Такой тип жилищного строительства, новая для Японии архитектурная концепция, служит своего рода материальным воплощением «компромисса» между поколениями, которые живут рядом, но не вместе, сохраняя свой собственный уклад жизни. Нередко такие дома строятся на земельных участках, принадлежащих родителям, взамен их старых. Таким образом решается обоюдоострая проблема — молодое поколение получает жилье, не тратя баснословные суммы на землю, а старшее — заботу о себе в старости. Статистики строительства таких домов пока еще нет. Но в качестве примера может служить размах деятельности на этом поприще компании «Asahi Chemical Industry», у которой в 1990/91 фин. году примерно 1/3 объема строительных работ составили так называемые двойные дома<sup>1</sup>.

Однако это не снимает многих противоречий между поколениями. Совместную жизнь затрудняют разность привычек, ценностных ориентаций, взглядов на ведение домашнего хозяйства и бизнеса. Живущие вместе с детьми старики нередко подвергаются грубому обращению собственных детей и внуков, что усугубляет чувство их одиночества. И, как это ни странно, видимо, поэтому чаще самоубийства тех стариков, которые живут в семьях.

Жизнь рядом («новые соседи») также не лишена осложнений. Старшие и в этом случае полагают, что они с детьми по-прежнему единая семья, в то время как последние считают себя полностью независимыми и предпочитают общаться с родителями лишь по праздникам или когда тем нужно оказать какую-нибудь помощь. Тем не менее при всех сложностях жизни по соседству двух поколений, это, пожалуй, наилучший вариант семейных отношений. Об этом свидетельствует мудрость старой японской поговорки, смысл которой сводится к тому, что надо

---

<sup>1</sup> Asahi Evening News, 16.02.1992.

жить настолько близко друг от друга, чтобы суп не успел остыть, пока несешь его из одного дома в другой.

Проблема заботы о старшем поколении — не только семейная, но и социальная. В связи с процессом старения населения она приобретает все большую остроту. Речь идет не только о разработке и осуществлении специальных правительственных программ по совершенствованию системы социальной защиты, но и об обеспечении оптимальных условий существования стариков, создания микроклимата для них.

В первую очередь стараются обеспечить их посильной работой не только для получения дополнительного дохода, но и для поддержания социальных связей. С этой целью в 1986 г. был введен в действие Закон о стабилизации найма для лиц пожилого возраста. Поскольку им часто приходится менять профессию, то созданы специальные центры переподготовки. Многие находят работу на мелких предприятиях, в ремонтных мастерских, в сфере общественного питания, розничной торговли<sup>1</sup>.

Для тех, кто не может жить с детьми или отдельно (по состоянию здоровья, из-за отсутствия финансовых средств, небольшой жилой площади и т.п.) строят дома-интернаты. Правда, пока что число их явно недостаточно. В соответствии с законодательством, имеются государственные и частные дома для престарелых. В 1989 г. правительство приняло так называемый Золотой план — Десятилетняя стратегия улучшения медицинского обслуживания и повышения благосостояния лиц пожилого возраста. Согласно этому плану создавалась система обслуживания стариков на дому, строительство домов-пансионатов с полным набором услуг. Предполагается, что в государственных интернатах будет проживать 240 тыс. человек. С 1993 г. к его реализации подключились органы местного самоуправления. Уже в 1994 г. на местах завершена разработка конкретных программ. В частности, созданы специальные станции по оказанию медицинской помощи престарелым на дому. Этой деятельностью занимаются и благотворительные организации, члены которых (в большинстве домохозяйки) помогают старикам в повседневной жизни. При этом они не только обслуживают, но и по возможности приносят ощущение семейного уюта. Уточненный в 1994 г. Золотой план предусматривает расширение набора оказываемых пожилым людям услуг (в частности, к 1999г. предполагается увеличить число лиц, занятых обслуживанием стариков на дому, до 170 тыс. человек против 31,5 тыс. человек в 1989 г.). В соответствии с ним при министерстве здравоохранения и социального обеспечения создан Исследовательский центр по выработке комплексной системы оказания помощи лицам пожилого возраста. Как первый этап реализации скор-

---

<sup>1</sup> Асахи симбун, 07.05.1992.

ректированного плана правительство намеревается ввести уже в 1997 г. так называемую систему общественного страхования здоровья.

В этой сфере, наряду с государством, действует и частный бизнес: в 1992 г. было 228 интернатов с 20 тыс.комнат<sup>1</sup>. Однако, справедливости ради, следует сказать, что фирмы не так уж активны и не спешат откликнуться на постоянные к ним обращения благотворительных организаций. Последние стараются выступать посредниками между органами местного самоуправления и компаниями.

Проблема стариков решается с разных сторон. Например, в 1993 г. в Токио была создана информационная система связи для семей, в которых родители и дети живут в разных городах. Сверхзадача этой организации — сохранить единую семью, даже если ее члены разделены расстоянием. Она собирает и предоставляет информацию о различных службах по оказанию помощи на дому, дает консультации. Бюджет формируется из вступительных и ежегодных взносов. Члены организации встречаются раз в квартал для обсуждения наболевших вопросов, которые постоянно задает жизнь.

Комфортному существованию стариков и инвалидов помогает самое разнообразное, постоянно совершенствуемое специальное оборудование для дома и улицы. Речь идет об инвалидных колясках, новых типах кроватей, устройствах для ванн, подъема и спуска по лестницам в частных домах. В общественных зданиях имеется специальное оборудование в лифтах и туалетах, в автобусах — подъемные площадки для входа на колясках. На улицах для стариков и инвалидов (в частности, для слепых) включение зеленого света светофора сопровождается музыкой, а пешеходные дорожки имеют специальное покрытие. Более подробный рассказ об этом уже другой сюжет.

Любопытно, что из всех возрастных категорий, как свидетельствуют опросы общественного мнения, на тяготы жизни гораздо больше, чем старики, сетуют люди в возрасте до 50 лет. В результате улучшения системы социального обеспечения, роста стоимости недвижимости, увеличивается число пожилых, экономически более состоятельных, чем молодые.

Несмотря на все новации, семья остается одной из главных ценностей, которые легко не меняются. И сегодня она является тем компонентом общества, который предохраняет его от сплошной европеизации, поскольку именно семья — хранительница национального духа. Проявлением этого может служить «воссоединение» поколений во время праздника Бон (День поминовения усопших) или Нового года. Меняется образ жизни, средства передвижения, моды, но неизменны толпы

---

<sup>1</sup> Там же. Нихон ногё нэнкан (Японский сельскохозяйственный ежегодник). Токио, 1994 с.500-504.

людей, возвращающихся к местам своего рождения или «обитания» своих предков. В целом семейные отношения японцев достаточно гибкие.

Во многом этому способствует система воспитания, основная цель которого — подготовить ребенка к жизни в обществе, выработать у него способность чувствовать себя комфортно на всех этапах его нелегкого жизненного пути. В процессе социализации ребенок усваивает духовные ценности, стереотипы поведения, приспосабливается к структуре общества. Поскольку воспитание в любой стране идет в системе координат национальных традиций, то неудивительно зачастую непонимание поступков представителей других народов. На Западе, например, существует устойчивое мнение что японские избалованные и неуправляемые дети дошкольного возраста после окончания школы превращаются в послушных, безликих, застандартизированных молодых людей, пополняющих армию роботоподобных служащих и домохозяек<sup>1</sup>. Но это не вполне соответствует действительности, ибо к японским детям в данном случае подходят с мерками и стандартами западных стереотипов, без учета национального характера японцев и их традиций.

В семье воспитание младенца ведется в соответствии с принципами *амаэ* и *омотэ-ура* (вне — внутри: *омотэ* — внешняя сторона «я», которую показывают вне своей группы (семьи), *ура* — внутренняя, которую видят только близкие люди). Крупнейший социолог Дои Такэо, много сделавший для разъяснения японского «я», полагает, что в первые годы жизни ребенка мать прививает ему чувство, что он любим и является личностью. Воспитанные в соответствии с этим принципом японские дети кажутся иностранцам чрезмерно избалованными снисходительными родителями. На самом же деле это — основа формирования японского «я», которое затем подчинится правилам поведения в группе. Именно в семье ребенок впервые ощущает чувство защищенности, принадлежа к группе, и опасности вне ее<sup>2</sup>.

В последующие 2-3 года он уже усваивает различие между *омотэ* и *ура*, *татаэмаэ* и *хоннэ*, *ути* и *сото*. Именно дома с родителями дети постигают искусство общения с людьми, т.е. здесь закладывается первый уровень межличностных отношений. Для их формирования чрезвычайно важны разного рода символика, устоявшиеся выражения форм вежливости в языке, ритуалы. Они же поддерживают и иерархию в семье, в которой стараются создать атмосферу гармонии и сотрудничества. Гармония для японцев на бытовом уровне проявляется в следовании принципу «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали

---

<sup>1</sup> Josef Tobin. Japanese Presschools and Pedagogy of Selfhood. - in: Japanese Sense of Self. Cambridge, 1990, с.21.

<sup>2</sup> См. подробнее: Doi Takeo. The Anatomy of Self. Tokyo, 1986.

с тобой». В межличностных отношениях очень важны стереотипы. Для японцев все, что выходит за их рамки — странно, даже неприлично — *окасий*.

Практически все дети хотя бы в течение года посещают дошкольные учреждения — детские сады (*ётиэн*) или дневные детские центры (*хо-икуэн*). Именно здесь, в обществе сверстников, существует возможность впервые осознать себя как личность, утвердить свое «я». То, что закладывается в малой группе дошкольного учреждения, получает дальнейшее развитие в системе школьного образования. Постепенно дети учатся контролировать свои поступки в интересах группы, т.е. в интересах гармонизации социальных отношений. Индивидуальные интересы ниже интересов группы, но они, как уже говорилось, не вступают в противоречие.

Более высокий уровень развития межличностных отношений связан с выходом ребенка за пределы семьи и переходом в новые, более широкие социальные группы, где он формируется как член общества. Именно на этом уровне воспитывается способность чувствовать комфортно, приживаться в каждой последующей группе (детский сад, школа, университет, предприятие).

Вторым важным местом реализации социальных связей является предприятие. Сложившиеся к настоящему времени трудовые отношения следует рассматривать в свете грандиозных экономических успехов, поскольку стабильная экономика благоприятно влияет как на наемных работников, так и на предпринимателей. В определенном смысле эти отношения можно оценить как один из успешных результатов функционирования именно японской социально-экономической системы.

Специфика процесса демократизации страны в условиях американской оккупации привела к тому, что в формировании трудовых отношений, принятии трудового законодательства, в деятельности профсоюзов достаточно удачно соединились две, во многом противоположные модели — привнесенная американская и специфическая японская. Такое сочетание позволило создать систему трудовых отношений на основе консенсуса и компромисса, в которой достаточно прочными и устойчивыми были позиции наемных работников и их организаций.

Трудовые отношения в данной работе рассматриваются не только и не столько как институционализируемая форма регулирования труда в целом, но как система альтернативных решений в отношениях между работниками, их организациями, предпринимателями и государством. Речь идет об отношениях наемных работников, в первую очередь организованных в профсоюзы, и предпринимателей. Безусловно, постоянно идет процесс трансформации и модернизации этих отношений в целом и их отдельных компонентов. Происходит логическое развитие и углубляется взаимозависимость всех составляющих. Достаточно нагляд-

но, в частности, осуществляется интеграция профсоюзов в структуру предприятия. Это влечет за собой существенное изменение места этих организаций в системе трудовых отношений, а также самого их характера.

Как уже упоминалось, базисной триадой развития и регулирования трудовых отношений являются система «пожизненного найма», принцип «оплаты по старшинству» и пофирменные профсоюзы. Каждый компонент выполняет определенную функцию. Система «пожизненного найма», защищающая наемного работника от увольнения на всем протяжении его трудовой деятельности, а взамен требующая от него безграничной преданности своему предпринимателю и предприятию, была введена с целью обеспечения рабочей силой крупных предприятий. В известной степени она зиждилась на принципах *из*.

Форма заработной платы, предусматривающая зависимость денежного вознаграждения от стажа работы на данном предприятии и заслуг перед предпринимателем, предполагает периодическое, автоматическое повышение заработка наемного работника на протяжении всей его трудовой деятельности. Именно такая система оплаты гарантировала труженику и его семье сравнительно благоприятные условия существования. Таким образом и «пожизненный найм» и оплата по старшинству привязывают работника к предприятию.

Большинство западных исследователей рассматривают эти компоненты как специфику рынка труда в Японии, полагая, что они имеют глубокие корни среди японских духовных и культурных ценностей. Однако система «пожизненного найма» имеет сравнительно короткую историю в стране, ибо еще на рубеже XIX-XX вв. текучесть рабочей силы была очень высока, выше, чем в западных странах. Предприниматели пытались ослабить этот процесс и взять его под контроль, но безуспешно. Лишь к концу первой мировой войны они начали поощрять и активизировать введение системы «пожизненного найма» и принципа «оплаты по старшинству». Отдельные параметры системы «пожизненного найма» были введены впервые лишь в 1942 г. специальным указом об управлении трудом в основных отраслях промышленности.

Функционирование этих систем, охватывающих практически все категории работников крупных предприятий, приводит работников к идентификации с последними. Такая идентификация связана с социопсихологическими особенностями японцев, их групповой психологией. Отсюда — основная черта японских трудовых отношений: ориентация на предприятие, на сотрудничество партнеров ради достижения главной цели — повышения производительности. (Концепция компромисс-конкуренция в действии.)

Отождествление работников с компанией лежит и в основе создания пофирменных профсоюзов. Они организуют эти объединения, стре-

мясь найти свое место в определенной функциональной группе. Ряд японских социологов (Ханами Тадаси, Фудзита Вакао, Ито Итиро) связывает существование таких профсоюзов именно с групповым сознанием, с вертикальной системой патерналистских отношений. В частности, по мнению Ито Итиро, Западная Европа и Япония пошли по разным путям индустриализации — первая, исходя из принципа индивидуализма, вторая — общности.

В силу такого психологического настроя, нанятые на предприятия считают само собой разумеющимся вступление в профсоюз, ибо так делают все. Став его членом, работник, взаимодействуя с ним непосредственно на рабочем месте, отождествляет себя с этой организацией и через нее с компанией, поскольку их структуры тождественны. Так рассуждая, Фудзита Вакао приходит к выводу, что «нанимаемые присоединяются к своим организациям (профсоюзам) только потому, что работают на одном предприятии. Они вступают в них не добровольно и не принудительно, а становятся членами организаций без предварительного осознания»<sup>1</sup>. Таким образом, отношение работников к участию в профсоюзах диктуется прежде всего групповым сознанием. Это положение подчеркивает и Наканэ Тиз, приводя в своих исследованиях по фирменным профсоюзам как пример функционирования группы.

Японская система трудовых отношений прошла путь от острых конфликтов 50-х годов к модели сотрудничества в последние десятилетия. Это был результат сознательных усилий предпринимателей модифицировать старую систему, основанную на конфронтации, и создать новую, опирающуюся на доверие и партнерство в целях более успешного экономического развития. Руководство Федерации предпринимательских организаций Японии (Никкэйрэн) признает доминантой развития экономики своей страны стабильность и мирный характер трудовых отношений, ибо «без хороших человеческих отношений на предприятии... абсолютно невозможно поступательное развитие экономики»<sup>2</sup>. Японские предприниматели называют кадровую политику управлением с опорой на человеческий фактор. Главным в ней являются гарантия найма, обучение персонала, формирование деятельности предприятия. Следует отметить, что распространение такого типа управления, стабильность трудовых отношений, низкий уровень конфликтов — результат изменения соотношения сил партнеров по трудовым отношениям, в первую очередь профсоюзов и предпринимателей, которое менялось на протяжении послевоенных лет и шло не всегда гладко, о чем свидетельствовали всемирно известные «весенние наступления» японских трудящихся.

---

<sup>1</sup> Фудзита Вакао. Родо кумий ундо но тэнкай (Изменения в профсоюзном движении). Токио, 1967, с.267.

<sup>2</sup> Нихон родо кёкай дзасси. 1989, № 1, с.36.

В настоящее время происходит переход от так называемых формальных трудовых отношений, узаконенной формой регулирования которых являются коллективные переговоры, к неформальным, когда большинство вопросов решается путем совместных консультаций труда и капитала. В настоящее время свыше 80% профсоюзов и около 90% предприятий проводят совместные консультации на постоянной основе. Главная их цель — достижение взаимопонимания и координации действий. Если коллективные переговоры — процедура улаживания противостоящих, подчас конфликтующих интересов, то совместные консультации — процедура достижения взаимопонимания партнеров. Если конфликтная ситуация на коллективных переговорах ведет к забастовкам, то отсутствие согласия во время совместных консультаций просто означает, что нет возможности достигнуть согласия. Другими словами, осуществляется переход от конфронтационной модели к согласительной. Помимо экономических факторов этому благоприятствуют и социопсихологические особенности японцев, их ценностные ориентации.

Именно эти особенности помогают достичь высокого уровня равенства всех занятых на одном предприятии. По мнению крупнейшего японского предпринимателя, главы всемирно известной корпорации «Сони» Морита Акио, такого уровня нет ни в одной другой стране. В частности, он отмечает одинаковое отношение руководства компании к синим и белым воротничкам, что помогает сплочению коллектива. В свою очередь профсоюзы также стараются отражать интересы всех групп наемных работников, даже не входящих в эти организации (например, временно или частично занятых). «Такая унификация работников была одним из важнейших направлений развития трудовых отношений в послевоенной Японии. И этот процесс шел с огромной скоростью»<sup>1</sup>, — отмечал специалист по трудовым отношениям Нагая Тацухито.

Трудовые отношения в Японии обладают высокой адаптивной способностью, проявляя гибкость, эластичность, согласованность действий. Например, с середины 70-х годов в условиях определенного ухудшения экономической ситуации в стране и проведения в связи с этим политики экономии ресурсов и сдерживания роста заработной платы со стороны предпринимателей, профсоюзы проявили определенное «понимание». Они выдвинули теорию «приспособливания к трудностям экономики» и согласились на добровольное ограничение своих требований в пределах, предлагаемых организациями предпринимателей.

Руководители Никкэйрэн по достоинству оценили их теорию: «Профсоюзные лидеры в нашей стране, кожей чувствуя благоприятна или нет обстановка на их предприятиях, могут найти взаимопонимание с предпринимателями. Это создает базу для осознания общности судеб, от-

---

<sup>1</sup> Nagaya Tatsuhito. Labour - Management Relations. Tokyo, 1986, с.3.

ношений доверия между трудом и капиталом»<sup>1</sup>. Японское предприятие представляет собой довольно однородную общность и здесь никогда не акцентируется классовое сознание. Японские наемные работники всегда отдают предпочтение стабильной занятости перед повышением заработной платы и весьма восприимчивы к политике своих предпринимателей. Последние, в свою очередь, рассматривают наемных работников не только как рабочую силу, но и как фактор производства.

Подобная политика вела к ослаблению и даже исчезновению отношений противостояния. Свидетельством этого служит значительное сокращение числа трудовых конфликтов и потерянных в результате их рабочих часов. Эти показатели с некоторыми колебаниями росли из года в год до первого нефтяного кризиса. При этом до середины 60-х годов имели место достаточно серьезные конфликты, когда интересы сторон вступали в глубокое противоречие. Нефтяной кризис послужил как бы «поворотным пунктом», ибо, достигнув пика в 1974 г., число трудовых конфликтов и потерянных рабочих дней начало постоянно уменьшаться. Только за 1980-1990 гг. число последних сократилось в 7 раз, составив в 1990 г. 140 тыс. человекодней. Эта цифра во много раз меньше, чем в большинстве других развитых стран<sup>2</sup>.

Именно в Японии трудовые отношения оказались наиболее приспособленными к условиям, когда постоянно возрастает роль бизнеса и осуществляется «демократия собственника», о чем уже говорилось. Эти условия способствуют укреплению индивидуальных трудовых отношений за счет коллективных. Иначе говоря, упор делается на связку работники и предприниматели, а не профсоюзы и предприниматели при многовариантности форм участия трудящихся в управлении производством и сближения тем самым интересов наемных работников, собственников и управляющих. Такое участие предполагает не противостояние сторон, а отношения тождественности интересов. Следовательно, трудовые отношения переходят на новую, неопатерналистскую основу.

Неопатернализм предполагает уже не столько социальное партнерство, призванное смягчить противоречия труда и капитала, сколько социальную гармонию, опирающуюся на сближение и даже совмещение ролей партнеров. Подобные процессы идут и в развитых демократических странах Запада, но в Японии они достигли более высокого уровня зрелости. Поэтому многие западные специалисты оценивают японский опыт в развитии трудовых отношений как модель заимствования.

Именно предприятие является тем местом, где работники объединены общими целями и интересами и где они ощущают себя членами одной общности. Это чувство отнюдь не распространяется на рабочих

---

<sup>1</sup> Сякайсюги. 1986, № 12, с.38.

<sup>2</sup> Japan. An International Comparison. 1994. Tokyo, 1994, с.69.

другой компании той же отрасли на таком же рабочем месте. Другими словами, лояльность японцев направлена не на абстрактную идею, а на конкретного человека или определенную группу, в данном случае на предприятие. Опираясь на конфуцианский догмат сыновней почтительности, такая лояльность помогает сохранять сравнительно благоприятный социальный климат в компании, обеспечивать более высокий, чем в других развитых странах, уровень социального партнерства, что, безусловно, благоприятно отражается на производстве. Работа на предприятии воспринимается в контексте групповой психологии не как работа на нанимателя, а как работа на всех, в том числе на самого себя. Поэтому часто японский работник представляется сначала по названию своей фирмы, а затем уже по фамилии. Такая идентификация сродни корпоративному духу, понятие которого было введено немецким теоретиком военного искусства Карлом Клаузевицем. Он видел этот дух в воинской доблести: «В том, что мы называем воинской доблестью армии, корпоративный дух представляет связующее средство, спаивающее образующие ее природные силы. На корпоративном духе легче нарастают кристаллы воинской доблести»<sup>1</sup>. Это положение, безусловно, может быть отнесено к характеристике взаимоотношений работающих на японском предприятии. На культивирование корпоративного духа нацелены усилия как предпринимателей, так и организаций трудящихся.

В целях сохранения существующей на предприятиях общности администрация предпочитает набирать работников непосредственно из учебных заведений, не имеющих специальной подготовки. На тех, кто раньше работал в других компаниях, смотрят с некоторым подозрением, рассматривая как чужаков. Нанимаемые в раннем возрасте лучше воспринимают все, что компания хочет в них вложить. По мнению проф. Урабэ Киёси, они представляют собой «идеальный материал, чтобы стать идеальным «человеком компании»<sup>1</sup>. Концепция «человека компании» предполагает, что найм это не просто отношения в процессе труда, а комплекс социальных связей, поэтому, если человек меняет нанимателя, то он может ощутить неудобство и дискомфорт на новом месте, ибо попадает в определенную социальную среду, сложившуюся без его участия.

Отождествление работника с предприятием объясняется по-разному. Одни связывают его с традициями *изэ*. Другие находят сходные черты в деревенской общине или даже в бюрократической структуре феодального государства. Безусловно, глава *изэ* в силу обладания очень широкими правами в отношении любого его члена ассоциировался, как уже говорилось, скорее не с родным отцом, а с хозяином предприятия.

---

<sup>1</sup> Клаузевиц. О войне. М., 1934, с.129.

<sup>1</sup> Урабэ Киёси. Нихонтэки кэйэй о кангаэру (Размышление о японском менеджменте). Токио, 1978, с.222.

Очевидно, такой характер и давал возможность в последний период Токугава и первые годы Мэйдзи перенести эту систему производственных отношений в компанию, поэтому в определенном смысле ее можно рассматривать как современный эквивалент *из*. Характерно, что сейчас на предприятиях горизонтальные связи между рабочими слабее (как и в семье между братьями), чем у начальника и подчиненного. Это касается также и отношений между головными и дочерними фирмами. В этом — своеобразное проявление связки *оябун-кобун*.

Предприятие интегрирует не только самого работника, но и его семью. Делается это путем строительства жилых домов, организацией отдыха в санаториях или в зонах отдыха, оборудованных для занятий спортом, созданием дошкольных учреждений, организацией путешествий и развлечений, предоставлением кредитов под низкий процент, выплатой выходных пособий по достижении определенного возраста. Квартирная плата в домах, принадлежащих компании, значительно ниже рыночной. Процент, под который получают ссуды — льготный. Например, в конце 1990 г. по кредитам на жилищное строительство он составлял у компаний в среднем 4,8%, в то время как банковский — 8,3%<sup>1</sup>. Иначе говоря, предприятие стремится к тому, чтобы работники прониклись ощущением «моя компания — мой дом». Семья в этой связи начинает больше ориентироваться на компанию, чем на родственников. К такой деятельности подключаются и пофирменные профсоюзы, которые в 80-е годы по мере сокращения рабочей недели все больше переключаются на организацию досуга не только своих членов, но и их семей. Девизом работы в этой сфере является «мой профсоюз — мой курорт или центр отдыха».

Абсолютное большинство крупных фирм (до 90%) предоставляет жилье своим сотрудникам. Поэтому получается, что работник с семьей круглосуточно находится в поле зрения компании. Подобно старой семье *из* крупная корпорация чтит предков фирмы, создает определенный кодекс поведения для последующих поколений. В последнее время рождается традиция «оставлять» работников корпорации и после смерти, устанавливая ему памятник как «человеку компании».

Кроме того имеется много других приемов и средств для воспитания чувства общности работника с фирмой. Многие из них описаны в работе советских исследователей В.А.Пронникова и И.Д.Ладанова «Управление персоналом в Японии. Очерки». Возьмем лишь несколько примеров. Значительное число компаний, по большей части крупные, имеют свою символику. Это может быть эмблема, торговая марка, многие из которых ведут свое происхождение от прежних семейных гербов. Некоторые фирмы, подобно старым купеческим семьям, имеют свои уставы, определяющие нормы поведения. До сих пор жива традиция созда-

---

<sup>1</sup> Япония о себе и мире. Дайджест, № 5, апрель 1994, с.39.

ния гимнов компании, которые обычно исполняются всеми работниками или перед началом работы, или во время торжественных ритуалов. Их содержание по большей части сводится к прославлению основателей компании, ее деятельности, призывам к гармонии в отношениях всех работников и процветанию в будущем. В гимнах непременно упоминается, что компания — это большая семья.

Обычно незамысловатые слова этих гимнов по силе воздействия можно уподобить капле воды, которая точит камень. Вот, например, что ежедневно повторяют работники автомобильной компании «Тоёта»:

За немеркнущий солнечный свет и зелень вокруг!  
Мы мужественно открываем новую эру  
и постоянно расширяем связи людей...  
Мы едины в своих усилиях ради нашего завтра...  
Наша, наша, наша Тоёта!  
Мы творим нашу историю с мирскими мечтами,  
мудростью и высокой технологией,  
Едиными усилиями и новыми успехами  
творим светлое будущее...  
Наша, наша, наша Тоёта!

Широкое использование форменной одежды также помогает работникам ощутить себя частью компании. Облачившись в нее, человек проникается определенным чувством долга перед работодателем. К тому же в большинстве случаев форменная одежда сделана с большим вкусом. Для воспитания духа лояльности компании прибегают и к использованию религиозных, в частности буддийских, ритуалов, которые отвечают интересам различных возрастных групп.

Неудивительно, что в таких условиях, несмотря на нарастающую тенденцию роста мобильности наемных работников, половина их все же предпочитает оставаться в компании или на одном рабочем месте, даже если чем-то и не довольны, а 44% считают смену работы приемлемой лишь при возможности найти лучшее применение своим способностям<sup>1</sup>. Правда это довольно сложно делать на своеобразном рынке труда в стране. Тем не менее, в связи с тем, что труд приобретает все более творческий характер, человек уже легче идет на перемену места работы.

В условиях острой конкурентной борьбы, ускорения научно-технического прогресса и углубления процесса интернационализации компании со своей стороны все в большей степени нуждаются в привлечении творческих работников. Эта проблема стояла уже в начале 80-х годов. Японский исследователь Моритани Масанори писал в то время: «Сейчас Япония остро нуждается не в одноликой массе просто способных студентов, а в людях необычайно одаренных, неортодоксальных, в людях, располагаю-

---

<sup>1</sup> Япония. О себе и мире. Дайджест, № 16, дек.1993, с.55.

щих потенциалом для решения самых сложных задач. Способности японцев высоки и хорошо развиты, однако оценка их редкости — нулевая. Даже промышленность может без малейшего труда нанять способных специалистов. Но теперь страна вступает в период, когда необходимо приложить максимальные усилия, чтобы найти среди японцев и потом уже не потерять из виду исключительно одаренных, оригинально мыслящих»<sup>1</sup>.

Именно за такой наемной рабочей силой будущее страны. Ориентированные на творческий труд и индивидуальные ценности молодые люди отнюдь не склонны подчинять свою личную жизнь интересам компании. Они стараются найти приемлемый баланс между личными интересами и интересами компании. Пока такие еще в меньшинстве, но по мере роста их числа японское общество будет становится все более открытым и свободным.

\*\*\*

Переход на принципиально новые технологии производства в последние десятилетия требует новых форм организации труда и соответственно его оплаты. Это сопровождается не только модификацией системы пожизненного найма и оплаты по старшинству, но и постепенным введением гибких форм занятости (пожизненный наем с переходом на различные предприятия в пределах одной компании, временный наем, наем частично занятых) и к оплате по результатам труда. Но, несмотря на экономически невыгодное использование старых форм, предприниматели подчас идут на их сохранение ради поддержания социально-политической стабильности на микро- и макроуровнях. Эти системы все-таки выгодны предпринимателям и государству в целом. Они гарантируют мирные условия развития промышленности и социальную стабильность. Введение всего нового в трудовых отношениях делается весьма острожно и аккуратно.

Поэтому пока что с полным правом можно говорить о японском обществе, как об обществе, где доминирует компания. Она фактически охватывает весь жизненный цикл своего работника от свадьбы до похорон через систему собственного социального обеспечения, о чем шла речь выше. Зависимость работника от своего предприятия в таких условиях настолько велика, что он не в состоянии подчас разорвать отношения с фирмой, хотя она уже стала путями в его личной судьбе. Но и фирме нередко бывает уже экономически невыгодно сохранять прежние отношения со своими работниками, особенно во время неблагоприятной конъюнктуры. Таким образом, в японском обществе назревает необходимость изменений существующих отношений на производстве. Нелегко будет преобразовать укоренившуюся систему «общество компании», но такие перемены неизбежны, так же, как в свое время неизбежным оказалась замена системы ИЭ.

---

<sup>1</sup> Моритани М. Современная технология и экономическое развитие Японии. М., 1986, с. 139.

## Глава седьмая

# ДЕРЕВЕНСКИЕ И ГОРОДСКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

Понятие локального общества. Ретроспектива деревенского общества. Коренные изменения в послевоенный период и сохранение традиционного имиджа деревни. Кампания комплексного развития сельских районов. Поселок Мияма — сельское локальное общество. Миграционные потоки и урбанизация. Разные типы городских локальных обществ. Межличностные отношения в них. Жизнь в локальном обществе г.Тоёта. Полицейские в локальном обществе.

Локальное общество является базовым элементом для анализа жизнедеятельности всего общества. Эти понятия соотносятся друг с другом как микро- и макросистемы. Связи между индивидуумами, семьями и соответствующими институтами отражают микросистемы. На их уровне конкретно проявляются те же социальные принципы, что и в обществе в целом. В англоязычной литературе локальное общество называют комьюнити (community), а в японской — *миики сякай*, хотя в научных изданиях последних десятилетий широко используется и термин комьюнити.

Четкого определения этого понятия до сих пор не существует, что, очевидно, связано с его многомерностью. Социологи определяют его с разных позиций. В общем виде оно было разработано уже упоминавшимся немецким социологом Ф.Теннисом, чьи труды широко используют японские и американские исследователи проблем общества. Теннис ввел в научный обиход пару терминов — община-общество (*gemeinschaft — gessellschaft*, что в английском языке соответствует community — society). По его определению община — это традиционный тип коллектива, основанного на родстве и связях всех его членов между собой. Прототипом общины, по его мнению, является семья, представляющая единый организм. На более высоком уровне это может быть селение, род, племя. В отличие от общины, общество, по мнению Тенниса, базируется на принципе коллективного договора, регулирующего совместное существование. Общество не предполагает однородности членов, ибо возникает из любого сочетания индивидуумов. Последние для сосуществования создают искусственные «связи» (*gesellen*), составляющие основу социальных норм.

Теннис считает, что община является наиболее естественным и нормальным типом человеческого общежития, а общество возникает на

более поздних этапах развития истории в результате разложения взаимосвязей. Социальную историю человечества он представляет как постоянное движение от общины к обществу. Первое вытесняется на периферию цивилизации<sup>1</sup>. Со времени создания теории Тенниса появилось достаточно много новых сведений, дающих возможность по-разному интерпретировать эти понятия.

Одним из первых, кто попытался дать более конкретное определение локального общества, был американский социолог Роберт Парк. В 1936 г. он выделил три его типа — территориальная организация, объединение по профессии, группа людей, связанных друг с другом в повседневной жизни. Другой американский ученый Джордж Хиллари в середине 50-х годов насчитал 94 дефиниции, в том числе социальная система, географическое место, родина, общий уклад жизни. Еще один американский социолог Ларри Лайон в своем капитальном исследовании этой проблемы кратко определил комьюнити как «сосредоточение теории и реальной жизни»<sup>2</sup>.

В принципе все многообразие можно свести к трем базовым признакам — общность территории, общественные связи и социальное взаимодействие. Их наличие и создает локальное общество. Под это определение подпадают деревня, маленький городок, квартал большого города, микрорайон, возникший вокруг крупного предприятия. На эмоциональном уровне достаточно часто это понятие у людей ассоциируется с малой родиной (*фурусато*), вызывая ностальгию по замкнутому локальному обществу.

В городах и деревнях Японии бесчисленное множество локальных обществ, где и реализуются социальные связи, выросшие из групповой системы. В одном лишь Токио их многие тысячи. Об одном из них рассказал в капитальном труде, выполненном на базе полевых исследований, американский ученый Теодор С.Бестор<sup>3</sup>. Это, пожалуй, первая такого рода работа со времени классического труда Р.Дора, «Городская жизнь в Японии» (1958). Понять суть этих обществ помогает применяемый в ней системный подход.

Жизнь любого локального общества, функционирующего в определенных границах (территориальных, психологических, социальных), хотя подчас и размытых, определяется повторением и переплетением устойчивых ассоциаций, институтов, стереотипов. Именно они и создают рамку для местной жизни, где люди, даже будучи не знакомы друг с другом, взаимосвязаны через социальные, экономические и политические отношения.

---

<sup>1</sup> Подробно см. Элементы. 1993, № 4, с.11-13.

<sup>2</sup> Lyon L. The Community in Urban Society. Philadelphia, 1987, с.XI.

<sup>3</sup> Bestor T. Neighbourhood. Tokyo, 1989.

Внешнее обрамление локального общества в сельской местности — это своеобразная смесь жилых и хозяйственных построек, микроскопических полей, межей, проселочных дорог, теплиц, храмов, водоемов для орошения. В городе — это поистине калейдоскоп домов, многоквартирных апартаментов, школ, зданий официальных учреждений, детских площадок и станций метро, линий электропоездов, торговых улиц, супермаркетов, культурных центров, кафе, непреходящих кумирен, храмов, патинок. Такое общество определяет все аспекты жизни тех, у кого здесь дом и работа.

Локальные общества существовали испокон веку, задолго до появления этого термина. В токугавский период в целях упорядочения сбора налогов и надзора за населением была введена мелкая административная единица — *пятидворка (гонингуми)*. В сельской местности локальное общество было представлено деревней. В каждой функционировали свои деревенские собрания — *буракукай*, на которых решались все насущные проблемы. Основой городского локального общества служил квартал — *тё* или *мати*. Образ жизни и деятельности его обитателей практически был однотипен деревенскому обществу. Все решения принимались на общем собрании жителей — *тёнайкай* или *тёкай*. И в деревне, и в городе действовали соседские общины — *тонаригуми*. В довоенной Японии правительство широко использовало эти структуры для мобилизации нации.

В послевоенные годы эти организации были распущены как антидемократические, но достаточно быстро вновь возродились, ибо отвечали духу и чувству причастности каждого японца к определенной общности. По данным, приводимым в книге Дж.Куртиса, соседские объединения, несмотря на запрет оккупационной администрации, продолжали функционировать в 86% городов и деревень. А после его снятия они восстановились практически повсюду<sup>1</sup>.

В послевоенный период в условиях индустриализации и урбанизации социальные связи претерпели серьезные перемены. Они затронули оба ареала обитания японцев — деревню и город. Прежде всего это выразилось в резком сокращении сельского населения, что вызвало наиболее кардинальные перемены именно в деревне, которую проф. Кида Минору охарактеризовал как «субстрат японской культуры»<sup>2</sup>.

В исторической ретроспективе японская деревня представляла собой иерархическую структуру *додзоку*, опирающуюся на систему *из*. В нее, как известно, входили основные и боковые семьи, а также те, кто не был занят в сельском хозяйстве (учителя, врачи, торговцы, ремес-

---

<sup>1</sup> Curtis G.L. Election Campaigning Japanese Style. New York, 1971, с. 100.

<sup>2</sup> Кида Минору. Нихон бунка-но контэй ни хисому моно (Что скрыто в японской культуре). Токио, 1956, с.5.

ленники). *Додзоку* — базовая единица сельского общества, экономическая, социальная и культурная; унитарная организация, нацеленная на производство и обустроенность повседневной жизни. Каждая *додзоку*, имея свой храм и кладбище, играла важную роль в отправлении религиозных обрядов. С богами японцы общались по традиции, в первую очередь семьями, а уж затем как отдельные личности. Хотя сельское общество и не было полностью однородным, все его члены держались вместе. Оно аккумулировало историческое единство людей, которые знали все друг о друге не только в настоящем, но и в прошлом. Лидерами были, конечно, помещики, или зажиточные крестьяне.

В отличие от ряда азиатских стран, например Индии и Китая, каждая японская деревня имела четко определенную территорию. Обособленности деревень способствовал и ландшафт, в котором долины рек отделены друг от друга горными хребтами. Межличностные отношения имели общинный характер. Он был обусловлен необходимостью организации совместных работ в земледелии, при строительстве ирригационных сооружений и контроле над ними, проведении дорог, т.е. экономической целесообразностью.

Духовным стержнем каждой общности был местный синтоистский храм, посвященный *удзугами*. Он был как бы символом единства людей, проживающих здесь, укрепляя у них чувство принадлежности к своей деревне. Уже сам праздничный календарь синтоистского святилища, отражающий события социальной значимости для данного локального общества, свидетельствует об объединительной роли *синто*. Синтоистские ритуалы проводятся для всех членов общины, в то время как буддийские службы, в принципе, для каждой отдельной семьи.

Для деревни характерно вообще наложение символических отношений на реальные. В повседневной жизни люди руководствовались более всего обычаями и традициями, хотя, конечно, под все действия была подведена юридическая база. В целом доминирующим в жизни деревни был конформизм.

Деревенское общество с его корпоративно-коллективистским сознанием и иерархической структурой легло в основу современного. Несмотря на модернизацию страны именно деревня, представляющая собой социокультурное объединение, сохраняла атмосферу гармонии, солидарности, дисциплинированности. Другими словами, способствовала поддержанию и упрочению неформальных связей. В то же время создаваемые заново формальные организации и институты опирались на старые принципы деревенского общества. К концу XIX в. в деревне появились разного рода новые организации — кооперативы, женские союзы, молодежные объединения, но все они действовали по традиционному принципу. В частности, каждый житель деревни становился автоматически членом той или иной организации. Все решения в них

требовали единогласного одобрения, как и на прежних деревенских собраниях.

Мэйдзийское правительство принимало меры по распространению деревенского внутригруппового конформизма на общенациональный уровень. Оно создало систему местного самоуправления даже до введения парламентаризма. Это было сделано с целью не допустить эскалации конфликтов между нарождающимися новыми политическими силами. Распространению конформизма в общенациональном масштабе, укоренению концепции «государство-семья» способствовали традиционная идея «императорская семья — главная семья», этническая однородность нации и стремление отстоять независимость страны.

Иерархические отношения в сельском обществе и система семейного патернализма начали активно размываться в результате проведения послевоенной земельной реформы, ликвидировавшей класс помещиков. Конечно, в первое время после реформы помещики все еще сохраняли свое влияние и авторитет среди жителей деревни, их выбирали на руководящие посты различных сельских организаций, но экономической власти у них уже не было.

Разрушению сельского локального общества способствовало и изменение системы административного деления еще в конце XIX века: ранее самостоятельные небольшие деревни были объединены в более крупные административные единицы, а многие поселки стали пригородами больших городов, подпав в значительной степени под их влияние. Этот процесс в дальнейшем усиливало и размещение промышленных предприятий в сельской местности с ее дешевой рабочей силой и сравнительно низкими ценами на землю. К 90-м годам нашего столетия резко возросла разнородность сельского общества. Почти в одной трети деревень крестьяне оказались в меньшинстве. Хотя общая картина варьируется в зависимости от регионов, в чистом виде прежнее сельское единение практически нигде не сохранилось и, естественно, постепенно утрачиваются старые социальные связи.

За последние годы значительно сократилась численность крестьянской семьи из-за падения рождаемости и за счет ухода молодых людей в город. Их исход не мог не отразиться на возрастном составе сельских жителей: если в среднем в стране в 1990 г. лица старше 65 лет составляли 12%, то в крестьянских семьях их было 20%<sup>1</sup>. Молодежь либо навсегда уезжает, ибо продолжает жить с родителями, но работает в городе. Это — серьезный деструктивный элемент в прежде едином сельском обществе, ибо оно утрачивает социально-замкнутый характер.

---

<sup>1</sup> Нихон кокусэй дзуэ (Япония в диаграммах и цифрах). 1992, с.66; Ногё хакусё фудзоку токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по сельскому хозяйству). Токио.1993, с.171.

Вместе с тем деревня продолжает сохранять многие черты прежней общественной жизни и традиций. Несмотря на то, что внедрение технических новшеств позволяет осуществлять сельские работы только членами одной семьи, некоторые мероприятия по-прежнему требуют согласованных действий и взаимопомощи. Хозяйства объединяются для совместного использования оборудования и машин, выполнения отдельных видов сельскохозяйственных работ и даже для коллективного ведения хозяйства. Это в основном достаточно мелкие образования, в некоторые из них входят лишь три-четыре двора. В то же время есть и крупные — до 400 дворов. В известной мере такие объединения можно рассматривать как альтернативу прежним формам взаимопомощи, но только, конечно, на другой основе.

Как правило, все эти мелкие крестьянские организации действуют в рамках местного сельскохозяйственного кооператива, в который входят как крестьяне (практические все дворы), так и просто жители данного локального общества. Кооперативы осуществляют сбыт сельскохозяйственной продукции, закупку товаров для ее производства, кредитные и страховые операции и играют важную роль в бытовом обслуживании местных жителей. Многие из них имеют библиотеки, парикмахерские, общественные кухни, дома отдыха, поликлиники и даже больницы. При них функционируют разнообразные кружки по интересам. По всем сельским районам раскинулась сеть кооперативных магазинов. Другими словами, эти организации — одна из форм сплочения сельского общества. Во многих местах они поистине центры притяжения местных жителей.

Хотя больших семей осталось не так много, имидж *из* все же сохраняется. Связи по-прежнему осуществляются на уровне семей, а не индивидуумов. На деревенских сборах, собраниях в кооперативах человек выступает, как правило, не от себя лично, а от крестьянского двора — семьи. В отношениях с местной администрацией деревню представляет староста, ответственный за всю внутридеревенскую общественную жизнь (сбор и выплата налогов, ремонт дорог, улаживание конфликтов и пр.).

Сохранению конформизма в деревне, ее сплоченности способствуют не только экономические факторы, но и взаимопомощь в повседневной жизни — во время свадеб, похорон, стихийных бедствий, пожаров. Поддержание социальной стабильности обеспечивается прежней практикой очередности выполнения общественных обязанностей каждой семьей, своего рода ротацией. Примером может служить традиционно значимое для сельской общности соблюдение религиозных ритуалов, забота о местном храме, проведение праздников.

И в целом можно с уверенностью сказать, что сельское общество продолжает играть организующую роль, хотя в последние годы акцен-

ты смещаются. Характерно в этой связи высказывание Исида Такэси. В конце 60-х годов он писал, что «эта ситуация, несмотря на влияние урбанизации на сельское общество, будет сохраняться до тех пор, пока повседневные контакты среди жителей деревни будут столь же тесными, как и сейчас, хотя их интересы, конечно, будут направлены скорее на потребление, чем на производство»<sup>1</sup>.

Деревня по-прежнему является хранительницей культурной традиции, остается близкой сердцу ее бывших жителей и их детей. Достаточно упомянуть о числе перемещающихся из больших городов на малую родину в дни Нового года или Бон. В Токио, например, в дни Бон (в середине года) пустуют не только деловые кварталы, но почти безлюдны и жилые районы. На работу в эти дни (Бон не является государственным праздником, но очень многие берут отпуск) можно доехать в два раза быстрее, чем обычно. В сельской же местности наоборот население резко увеличивается: например, в одной из горных деревень в преф.Ниигата, где обычно очень тихо и безлюдно, в дни Бон оно удваивается<sup>2</sup>.

Социальную роль деревни, видимо, в перспективе повысит проводимая в настоящее время кампания за комплексное развитие сельских районов. Она связана с тем, что быстрый подъем экономики привел к различного рода диспропорциям в развитии народного хозяйства, в том числе к несбалансированности регионального развития, перенаселенности городов, обезлюдению деревень, ухудшению экологической ситуации, разрыву в уровнях развития центральных и периферийных районов. Не случайно, начиная с 70-х годов, и особенно в 80-е годы, неизменно ставится задача совершенствования региональной структуры, разгрузки районов сверхконцентрации производства, стимулирования хозяйственной деятельности на периферии. Решение этой задачи осуществляется по трем направлениям: создание в слаборазвитых районах наукоемких производств, стимулирование развития сельского хозяйства, восстановление традиционных промыслов. При этом большая роль отводится местным органам самоуправления и бизнесу. Возрождение сельской местности с включением ее в экономическое пространство, оживление неповторимых локальных производств, воспитание местного патриотизма с опорой на все богатство духовных ценностей народа, спасение прекрасных и чистых родников народной культуры — суть политики возрождения малой родины. Это понятие охватывает все, что есть уникального, своеобразного, притягательного в каждом районе, городе, деревне, оно имеет как материальный, так и духовный аспекты.

---

<sup>1</sup> Ishida Takeshi. Japanese Society, с.57.

<sup>2</sup> Норин токэй тэса. 1986, № 8, с.64.

Для реализации программы малой родины были приняты соответствующие законы о специальных мероприятиях по возрождению деревень в заброшенных и горнолесных районах, развитие промышленности в сельской местности. Они предусматривают выдачу субсидий и льготных кредитов на развитие производственной и социальной инфраструктуры (строительство основных дорог, здравоохранение, помощь лицам престарелого возраста и пр.); создание промышленных предприятий для обеспечения занятости жителей вне сезона; льготное налогообложение. В частности, закон 1990 г. об организации садово-огородных хозяйств городских жителей помогает благоустроить пустоши и заброшенные земли, улучшить экологию природных зон (что особенно важно для Японии, где деревни являются непосредственным продолжением города), наладить связи между городскими и деревенскими жителями, активизировать жизнь сельского общества.

В соответствии с законами уже на местах разрабатываются конкретные проекты. Для их реализации формируются различные фонды для выдачи льготных и даже беспроцентных ссуд, в том числе частным компаниям. На ряд проектов центральное правительство предоставляет кредиты или выдает дотации для покрытия соответствующих займов. Определенное содействие в их осуществлении оказывают предпринимательские организации. В частности, при Никкэйрэн организован специальный комитет регионального экономического развития, координирующий работу на местах.

По данным министерства по делам местной администрации на 1990 г., по всей стране осуществлялось более 7 тыс. различных проектов, в том числе направленных главным образом на изменение обликов малых городов, на развитие сельского, лесного, рыбного хозяйства, туризма, возрождение традиционных промыслов. При этом особое внимание обращается на поддержание и сохранение окружающей среды. Главной движущей силой всех проектов является инициатива и самостоятельность масс.

Кампанию за возрождение малой родины вполне можно рассматривать как разновидность гражданских движений, сыгравших не последнюю роль в жизни японского общества в 70-е годы. Примечательна активная роль в этом движении молодежи, участие которой в оживлении производства в своих городах и деревнях рождает гордость за свою *фурусато*. Все это помогает сплочению сельского общества, поддержанию традиционных социальных связей.

Конкретным примером возрождения малой родины является, в частности, движение «одна деревня — один товар». Его основная цель — реорганизация сельской экономики, ее обновление. Речь идет не только о производстве, но и об оживлении ремесел, пропаганде местных достопримечательностей, культурных ценностей, т.е. о комплексном раз-

витии сельских районов, об их экономической самокупаемости. В основе этого движения лежит идея создания продукции местной марки, которая бы пользовалась спросом по всей стране, и даже за рубежом, зарекомендовав себя как товар высокого качества.

Движение «одна деревня — один товар» началось лет десять назад в преф.Оита и распространилось по всей стране. Успех его связан, в частности, с тем, что потребители все больше ориентируются не на количество товаров, а на их качество. Например, сейчас появилась марка «Кёсай», что означает овощи из Киото. В пригороде древней столицы возделывают до сорока видов различных овощей. Культура питания здесь имеет свою давнюю историю, связанную как с очищающей пищей (*харэ*), появившейся под влиянием буддизма, так и с повседневной (*кэ*). В условиях сегодняшнего бума «здорового питания» эти традиции возрождаются. Одновременно создаются общества любителей киотосской культуры питания, совет производителей овощей, ассоциация их потребителей, возрождается система продажи овощей уличными торговцами.

Туризм, а также известные национальные праздники — один из животворных источников развития малой родины. Прежде всего речь идет о районах с горячими источниками, где с давних пор строили традиционные *рёканы* (гостиницы). Одно время с появлением новых многообразных видов отдыха популярность поездок на горячие источники упала, что плачевно сказывалось на местных бюджетах. В настоящее время *рёканы*, похоже, переживают второе рождение, возможно, это связано с тем, что в условиях индустриализированного общества людям хочется прикоснуться к вечной природе и незыблемым традициям прошлого. Тем более в них национальный колорит соседствует с современными удобствами. В целом вполне можно согласиться с мнением проф. Йельского университета У.Келли, считающего, что Япония в настоящее время переживает «бум сельской родины».

Весь комплекс проблем сельского локального общества можно проследить на жизни людей в поселке Мияма (Мияматё, досл. поселок у прекрасной горы) преф.Киото. Он вполне соответствует своему названию, ибо расположен в удивительно красивом ущелье, на дне которого протекает довольно широкая река Юра, вбирающая в себя много горных речушек.

Поселок Мияма состоит из 57 больших и малых деревень, расположенных на площади 34 тыс. га (лишь 575 га занимают сельскохозяйственные угодья, остальная территория — горы и леса). Число жителей поселка не превышает 6 тыс. человек. Каждая большая деревня служит административным центром для нескольких небольших. В ней есть школа, отделение почты, храм, супермаркет. Одна из таких деревень — административный центр всего поселка. Здесь располагается местная

администрация, автовокзал, почта, телеграф, телефон, полицейский участок, две средние школы первой ступени, средняя школа второй ступени, которая готовит в основном специалистов для занятия местными традиционными промыслами (керамика, обработка дерева, столярные работы), большой торговый центр и квартал мелких лавочек, сувенирные магазинчики, рестораны. В одной из деревень создан музей деревенского быта. Он располагается в старинном крестьянском доме с хозяйственными постройками. Помимо всевозможной домашней утвари, в нем представлены уникальные письменные документы — разного рода расписки крестьян, ведомости, относящиеся еще к XVII в. Особенность именно этого поселка — полное отсутствие так называемой современной городской цивилизации с ее дискотеками, игральными автоматами, патинок.

Администрация и сами жители стремятся сохранить типично деревенский уклад жизни на фоне прекрасной природы, но, безусловно, не отказываясь, а, наоборот, широко используя в работе, хозяйстве и быте все, что дает цивилизация. Мияматё сумел не только сохранить себя как типичная японская деревня, но и обрести новую жизнь, несмотря на то, что в свое время он разделил судьбу многих деревень — уход молодежи, сокращение, а подчас и ликвидацию производства, запустение. И вот тогда-то жители одной из деревушек — Асю (18 дворов) занялись разведением грибов, чтобы как-то выжить и сохранить свою малую родину. Они прежде всего создали кооператив, который помогает решать все проблемы производства и повседневной жизни. Постепенно к выращиванию грибов добавились их переработка и изготовление столь любимых японцами солений и приправ, для чего был быстро построен перерабатывающий завод. Сейчас он и приносит основной доход. Торговая марка завода «Миямасигурэ» известна уже всей стране.

Кооператив по производству грибов в деревне Асю входит в сельскохозяйственный кооператив поселка Мияма и пользуется его услугами для продажи своей продукции. Кроме того, у него имеются и непосредственные связи с потребительскими кооперативами близлежащих городов. В других деревнях поселка Мияма жители специализируются или на выращивании мясного скота и птицы, или на деревообработке и производстве дорогой штучной мебели, или на приготовлении экологически чистых кондитерских изделий.

Используя уникальные природные условия поселка, администрация создала в одной из деревень своеобразную зону отдыха. Прежде всего построили *рёкан*, для желающих имеются отдельные маленькие домики и палатки. Разбит прекрасный яблоневый сад, отведены места для рыбной ловли, оборудованы спортивные площадки, где одинаково интересно и удобно отдыхать взрослым и детям.

Администрация поселка, достаточно немногочисленная, уделяет большое внимание не только чисто местным заботам, но и чрезвычайно активно пропагандирует через средства массовой информации, в первую очередь телевидение, природные и рукотворные достопримечательности Мияматё. Благодаря хорошо поставленной рекламе, он привлекает значительное число туристов, приносящих дополнительный доход.

Однако, несмотря на отдельные положительные сдвиги в ряде сельских районах, в целом ослабление прежних социальных связей продолжается. Еще более отчетливо этот процесс проявляется в городе. Быстрый экономический рост и урбанизация изменили структуру городов и повлекли за собой рождение значительного числа новых образований. Они создавались как за счет включения близлежащих деревень в городскую черту, так и освоения ранее необжитых районов, в том числе путем намывания новых земель, а также за счет появления городов вокруг крупных предприятий.

На жизнь городов в целом огромное влияние оказали миграционные процессы. Они особенно усилились в 60-е годы в условиях быстрого экономического роста и увеличения спроса на рабочую силу. Об этом красноречиво говорят следующие данные. Если в начале 30-х годов в городах проживало немногим более 20% населения, то в начале 60-х уже почти 40, а через десять лет более 70%. В 1985 г. эта цифра превысила 80%.

Процесс миграции сопровождался неравномерным ростом городов. 60% населения сосредоточено вокруг таких крупных центров, как Токио, Осака, Нагоя, Китаюсю. Чрезмерная концентрация населения в них вызвала ряд отрицательных последствий — перегрузку транспорта, жилищную проблему, недостаток подходящих строительных площадок, трудности водоснабжения и загрязнение окружающей среды. Принятие правительством необходимых мер по разрешению этих проблем несколько изменило направленность миграционных потоков. В частности, начался процесс переселения жителей из крупнейших и даже крупных городов в средние и мелкие.

Основой городского локального общества, как и раньше, является квартал. В большинстве случаев в настоящее время его границы не совпадают с административным делением. Как и прежде, локальное общество здесь обладает определенной автономией в организации повседневной жизни его населения. Работу ведут советы жителей квартала, которые называются *комьюнити кайги*.

В настоящее время эти комьюнити играют важную роль в избирательных кампаниях. Поэтому политики всех уровней проявляют к ним повышенный интерес. Депутат — выходец из какого-либо локального общества — в районном, городском, префектурном собраниях или в

парламенте невероятно поднимает престиж *буракукай* или *тёкай*. Особенно это сказывается при выборах в местные органы власти. Интерес взаимный — политик получает депутатское место, а жители — его поддержку в решении насущных вопросов. В городах и деревнях создаются общества поддержки кандидатов — *коэнкай*, которые должны бы действовать лишь во время избирательных кампаний, но практически функционируют постоянно. Это дает возможность политикам избираться по несколько раз. Использование политическими партиями *буракукай* или *тёкай* порождает, подчас, представление о них, только как об орудиях в руках политиков. Конечно, не без этого, но деятельность этих организаций достаточна многогранна и полезна для жителей. В противном случае организации не были бы столь жизнестойчивы.

Точно так же нельзя их рассматривать только как часть административной системы или, как их иногда называют, подрядными организациями правительства, хотя связь здесь очень тесная. Нередко лидеры *тёкай* — не только депутаты, но и чиновники в местной администрации. В большинстве случаев *тёкай* формально стремится отгородиться от нее и подчеркивает свою автономию. Они являются своего рода связующим звеном между жителями квартала и местной администрацией. Сотрудничество идет по линии реализации правительственных программ, связанных с социальным обеспечением, здравоохранением, образованием, проведением общественных работ, жилищным строительством, защитой окружающей среды. Часто административные органы имеют дело не с отдельными *тёкай*, а с их ассоциациями. Создание их диктуется, в частности, тем, что жители разных кварталов связаны одним храмом, школой, объединением предпринимателей. При этом, как и везде, не обходится дело без лоббирования, отстаивания интересов своего локального общества. Администрация не только использует *тёкай* для проведения государственной политики, но и помогает им спланировать местное население, создавать благоприятные условия для адаптации вновь прибывающих жителей.

Членство в *тёкай*, как и в *буракукай* не индивидуальное, а семейное. Официально добровольное, а фактически всеобщее, ибо срабатывает групповое сознание. Все участники платят членские взносы, которые весьма невелики. В своей деятельности *тёнакай* опираются на разного рода предписания типа уставов, которые определяют круг забот этих организаций. Это прежде всего контроль за соблюдением правил противопожарной безопасности, порядка на дорогах и транспорте, в коммунальных службах, предупреждение преступности. Конечно, это не означает, например, их непосредственного участия в тушении пожаров. Но с их помощью проводится широкая пропагандистско-просветительская работа соответствующих инстанций. *Тёнаикай* распространяют

необходимую литературу, организуют просмотры фильмов, проводят практические занятия.

В сотрудничестве с низшими звеньями административных органов *тёнайкай* решают массу конкретных вопросов повседневной жизни. Т.Бестор, в частности, приводит такой пример. Детский садик был расположен неподалеку от синтоистского святилища, и матери, поджидая детей, невольно шумели и нарушали его покой. Администрация и *тё-кай* сообща решили эту проблему. Через *тёнайкай* жители идентифицируют себя с окружающими и через них же администрация может действовать эффективно, добиваясь своих целей. Как это ни звучит парадоксально, до сих пор в локальных обществах достаточно важен религиозный аспект. Конечно, в послевоенные годы в религиозной жизни японцев произошли серьезные перемены, в первую очередь связанные с потерей храмами их материальной базы. Наиболее чувствительный удар был нанесен синтоистской общине. Решением оккупационной администрации местным организациям жителей было запрещено поддерживать синтоистские святилища. Положение буддийских храмов было серьезно подорвано аграрной реформой, которая лишила их земельной собственности. Но самым главным, что ослабило прежние позиции храмов в локальных обществах, была урбанизация. Именно она вызвала к жизни огромные миграционные потоки, которые рвали прежние социальные связи.

Приехавшие в город по большей части не включались в деятельность ни синтоистских, ни буддийских общин. У настоятелей не было никаких действенных рычагов для вовлечения их в свою орбиту. В лучшем случае они могли рассчитывать на пожертвования. Разрушение территориального принципа организации синтоистской общины побуждало священнослужителей переходить на индивидуальное общение со своими адептами. Такое положение вело к ослаблению значимости местных святилищ и возвышению крупных, общенациональных, таких как Мэйдзи-дзингу или Ясукуни-дзиндзя в Токио, или Ясака-дзиндзя в Киото. Именно сюда устремляются сотни тысяч людей во время, например, новогодних празднеств. Относительное ослабление в городах позиций традиционных религий в послевоенный период вызвало к жизни новые социально-религиозные движения. Это, главным образом, обновленческие буддистские секты, которые сумели приспособиться к изменившимся социально-экономическим условиям.

С сегодняшней деятельности синтоистского святилища можно составить представление на примере Нэдзу-дзиндзя (район Бункё, г.Токио). Это довольно крупный храм, бывшее родовое святилище Токугава Изнобу (шестой сёгун этой династии, 1662-1712), основанное еще в XVII в. Некоторые здания храмового комплекса являются важной культурной ценностью. Настоятель этого храма в личной беседе рассказал

о повседневной жизни Нэдзу-дзиндзя. Небольшое число священнослужителей отправляют все религиозные службы и проводят праздники данного храма. Общение с адептами осуществляется через Совет связи с прихожанами (*удзико*), который проводит свои встречи раз в месяц. Представители жителей района участвуют в Совете на добровольной основе. Совет обсуждает различные текущие вопросы. Для проведения больших праздников подключается много активистов. Однако, по словам настоятеля, в настоящее время храм, конечно, не является центром духовной жизни локального общества. *Удзико* активны лишь в праздники.

Те же самые процессы переживают и буддийские храмы. Чтобы выстоять в условиях урбанизации, они прежде всего ведут активную пропаганду для привлечения новых адептов и упрочения связей в своей общине. Известные буддийские храмы, которые являются сокровищницами национальной культуры, пополняют доходы за счет огромного числа туристов, неизменно посещающих эти достопримечательности. Многие другие для получения дополнительных средств сдают часть помещений для проведения выставок, чайных церемоний, занятий икэбана. Подчас отправление религиозных служб, за исключением похоронных и мемориальных, отходит на второй план.

В локальных обществах, городских и деревенских, борются две тенденции. Одна — это сохранение традиционного уклада бытования с его праздниками, посещениями храмов, общественных бань, *рёканов*, а другая — внедрение так называемых культурных центров, уже не имеющих национальной специфики. В конечном итоге в большинстве случаев рождается столь характерный для этой страны синтез.

Городские локальные общества разнятся по своему характеру. Те, что находятся в старых городских районах или образуются за счет деревень, больше тяготеют к сельскому типу. Здесь жителям присуще традиционное общинное сознание. Становясь автоматически членами городских обществ, они, как и прежде, представляют не себя лично, а семью. Население таких кварталов по большей части ремесленники, торговцы, владельцы ресторанчиков, мелких мастерских. По свидетельству известного японского социолога Фукутакэ Тадаси, еще к началу 80-х годов в старых кварталах городов встречалась система пятидворок. Такие локальные общества сохраняют по большей части свою суть, даже если район застраивается домами для работников вновь созданных промышленных предприятий. Коренные жители здесь являются носителями консервативного сознания и, несмотря на сравнительно небольшой удельный вес, их влияние в общественной жизни достаточно велико: они абсорбируют вновь поселившихся в свою среду, как бы консервируя атмосферу сельского общества.

В кварталах индивидуальных домов сохраняются соседские общины (*тонаригуми*), которые сообща решают насущные вопросы здесь живущих. В частности, домохозяйки по очереди следят за поддержанием порядка на улице около своей группы домов. В таких кварталах до сих пор очень живуча традиция проведения разнообразных праздников-ярмарок (*эннити*). Они устраиваются довольно часто и служат средством социализации местных жителей, становясь частью повседневной жизни людей, приучая их с детского возраста к данной традиции, исподволь прививая привычку соблюдения определенного религиозного ритуала. Средства для их проведения по большей части дают местные торговцы. Всего этого уже почти нет в так называемых городах-спальнях.

В новых городских образованиях межличностные связи формируются уже в значительной степени на творческой основе, хотя, конечно, и не без влияния традиций деревенской жизни. Наиболее рельефно они просматриваются в локальных обществах, которые складываются вокруг крупных предприятий. Три их основные составляющие — предприятие, жители и органы местной администрации — создают единое целое, вступая в формальные и неформальные связи. Ритм жизни здесь определяется ритмом жизни предприятия, поскольку большинство населения в той или иной степени связано с ним.

Местные жители создают разнообразные организации с тем, чтобы иметь возможность формулировать, выдвигать и добиваться разрешения своих требований. Предприятия и администрация со своей стороны также располагают подобными организациями, которые перехватывают инициативу у жителей. Организациям это делать довольно легко, ибо у них значительные материальные средства и организационные возможности. Созданные снизу, формально независимые объединения жителей попадают, как правило, в сферу влияния руководства предприятия и местной администрации, которые, оказывая им определенную помощь, зачастую определяют и содержание их работы. Практически все организации местных жителей — молодежные, женские, спортивные, потребительские и другие — поставлены под контроль. Следует заметить, что такого рода объединения имманентно были присущи деревенскому обществу, обеспечивая его устойчивость.

Органы местной администрации и предприятия, используя все эти организации, стараются достигать согласия в локальном обществе, примирять интересы коренных обитателей и вновь приезжающих, людей разных поколений, воспитывать молодежь на местных традициях, создавать тем самым благоприятный общественный климат. Все типы объединений связаны между собой системой координационных советов. Кроме того, здесь же имеются отделения общенациональных ассо-

циаций, например, Ассоциации родителей и учителей, Федерации организаций домохозяек.

Органы местного самоуправления, объединения жителей и организации, созданные предприятием, чрезвычайно большое внимание уделяют проблемам молодежи с целью включения ее в жизнь локального общества. Большую роль в этом плане играют женские организации, помогая сближению родителей и детей, предотвращению подростковой преступности и в целом сплочению общества.

В последние годы, в связи с постепенным сокращением рабочего времени, серьезное значение в локальных обществах приобретает организация досуга. Исследователи из университета Рицумэйкан (Киото) вполне справедливо отмечают, что организация отдыха жителей здесь «важна не только для воспроизводства рабочей силы... но и для обеспечения человеческих и общественных отношений среди жителей. Это служит одним из средств формирования локального общества и местной культуры»<sup>1</sup>. Наиболее популярна культурно-просветительская и спортивная деятельность, в которую в первую очередь и вовлекается молодежь.

Все возрастающую роль в жизни населения городских кварталов приобретает потребительская кооперация. Несмотря на давнюю историю существования (первые такого рода организации появились еще в 1879 г.), развитие она получила лишь в 70-е годы нашего столетия. Толчком послужила неблагоприятная ситуация с окружающей средой, появление значительного количества сельскохозяйственных продуктов, перенасыщенных химикатами, вообще сбыт недоброкачественных товаров, а также разного рода махинации пищевых компаний.

Потребительские кооперативы создаются для облегчения повседневной жизни. Они организуются либо по территориальному принципу — в них вступают жители определенного квартала, по большей части домохозяйки, либо по месту работы или учебы — на предприятиях, в университетах, школах. Как пример территориального — можно привести потребительский кооператив в новом районе г.Кобэ, созданный на намытых в море землях. Он обслуживает около 1 млн. жителей. Кооператив располагает 137 магазинами, 19 филиалами и 1914 транспортными средствами. Товарооборот его, например, за 1989/90 фин. год составил 280 млрд. иен. Работает в нем более 5 тыс. человек<sup>2</sup>.

Деятельность потребительских кооперативов многообразна — создание магазинов, страхование имущества и жизни от транспортных происшествий или пожаров, ведение жилищного строительства, оказа-

---

<sup>1</sup> Кёдай кигё тайсэй то симин сэйкацу (Крупное предприятие и жизнь населения). Киото, 1992, с.84,85.

<sup>2</sup> Кёдокумиай кэйэй кэнкю гэппо, 1990, № 1, с.39.

ние финансовой помощи, предоставление в льготное пользование разного рода оборудования, оказание медицинской помощи, забота о престарелых, проведение товарной инспекции. В большинстве случаев принадлежащие кооперативам магазины по своему техническому оснащению, качеству товаров и обслуживанию покупателей несколько не уступают обычным супермаркетам. Более того, они непосредственно связываются с производителями сельскохозяйственных товаров, получая экологически чистые продукты. В настоящее время на первый план в деятельности потребительской кооперации выходит проблема качества предлагаемых товаров, а цена отступает на второй план, ибо сегодня японское общество уже достаточно богато.

Активность жителей в старых и новых городских кварталах — различна. В старых, в силу традиции, они более коммуникабельны и подвижны, а в новых, особенно в кварталах многоквартирных домов, сказывается отчужденность современного общества. Более того, здесь они активны лишь при предъявлении местной администрации требований общего характера, а в повседневной жизни пассивны в силу преобладания индивидуалистических настроений.

Локальные общества, где преобладают многоквартирные дома (которые не располагают к общению соседей между собой), по своему характеру больше похожи на объединения, которые передаются понятием *community* в западных странах. Под ним подразумеваются более гибкие социальные связи, без жесткой подчиненности. Но и они все больше ослабевают: соседи не знают друг друга, домохозяйки не общаются в повседневной жизни, лишь здороваются на улице; все меньше народа участвует в общественных мероприятиях, праздниках, устраиваемых в блок-кварталах<sup>1</sup>.

С целью воспрепятствовать этому процессу и оживить отношения, свойственные традиционному обществу, в градостроительной практике, наряду с микрорайонами свободной планировки, появляются компактные жилые блоки из 5-6 двух-трехэтажных коттеджей, которые образуют замкнутую систему. Это, очевидно, будет способствовать возрождению утерянных соседских связей на новой основе, созданию локального общества западного типа. Необходимость их возрождения диктуется, как уже отмечалось, проблемой воспитания, предотвращения детской преступности, обеспечения досуга, ухода за инвалидами и стариками.

Жизнь городского локального общества можно рассмотреть на примере квартала г.Тоёты (преф.Киото)<sup>2</sup>. Он возник на базе деревенского

---

<sup>1</sup> Asahi Evening News. 17.12.1991.

<sup>2</sup> Кёдай кигё тайсэй то симин сэйкацу, 1992, с. 1-27.

локального общества в связи со строительством автомобильного завода «Тоёта» в 50-е годы. Местные жители начали продавать свои земли под промышленную и жилищную застройку. В подавляющем большинстве они стали работать на заводе или его субподрядных предприятиях, а также в сфере услуг. Бурный рост производства вызвал приток новых жителей. Достаточно сказать, что число семей в середине 60-х годов увеличилось в 4 раза по сравнению с серединой 40-х годов, а численность населения за последующие двадцать лет возросла в полтора раза. В квартале сохраняются мельчайшие крестьянские хозяйства, доход от которых не дает возможности прокормиться их владельцам, поэтому они так или иначе связаны с заводом. С притоком новой рабочей силы органы местного самоуправления совместно с администрацией «Тоёта» решают жилищную проблему: постепенно складывается современный облик этого нового квартала — построены блоки домов, принадлежащие префектурным и муниципальным органам власти (где квартиры сдаются в аренду) и заводской администрации (которая предоставляет их своим работникам на льготных условиях). С середины 80-х годов оживилось частное строительство. Весьма популярными стали коттеджи на две семьи. В квартале создан комплекс для детей, разбит парк, вырыт пруд, построен стадион, имеется кладбище.

Рост г.Тоёты вызвал к жизни проблему адаптации вновь приехавших и обеспечения бесконфликтного существования локального общества. С этой целью местные органы власти и администрация завода, с одной стороны, и жители квартала, с другой, создавали разного рода организации, подобные тем, о которых уже шла речь. Так живет типичный новый городской квартал.

Характерной приметой любого локального общества являются полицейские будки. Обычно это небольшие, совершенно невыразительные двухэтажные домики из металлоконструкций и бетона с большими окнами. Нередко довольно обшарпанные и непрезентабельные. Однако в центре городов, особенно в наиболее престижных и людных районах Токио, это часто произведения искусства. Но и они сохраняют характерные особенности такого рода зданий — это отдельные строения, которые имеют обязательно не менее двух этажей.

В городах — это *кобаны*. В сельской местности их заменяют так называемые полицейские посты с аналогичными функциями. Разница только в том, что в каждом городском *кобане* на дежурстве одновременно находятся как минимум два, а то и три полицейских: один дежурит в будке, а другой обходит приписанную к ней территорию. А полицейский пост обслуживает один человек, кроме того, *кобан* — это только служебное помещение, а здание полицейского поста разделено на служебную и бытовую часть, где проживает полицейский с семьей.

В Японии насчитывается шесть тысяч будок и около пятнадцати тысяч постов. Занято в них в общей сложности около 40% личного состава полиции. Полицейские из будок патрулируют прилегающую территорию, знают в лицо едва ли не все ее население (почти как наши легендарные участковые 50-х — 60-х годов). Полицейский из *кобана* в жилом районе в идеале должен быть своим человеком в доме, как, скажем, почтальон или врач. Он ненавязчиво дает понять, что вам не о чем беспокоиться — дети, дом, имущество, машина, все под присмотром и защитой. Но еще более ненавязчиво он напоминает и о том, что любое нарушение закона не пройдет незамеченным. На самом деле не всегда, конечно, бывает так. Но создание подобного морального микроклимата на уровне дома, улицы, квартала исключительно важно. И японская полиция не случайно считает это одной из своих главных задач, равно как и завоевание доверия населения.

Полицейских из *кобанов* называют о-мавари-сан, что один отечественный журналист удачно перевел как «господин туда-сюда». Это внимательный и заботливый друг и советчик. Своим постоянным подопечным, т.е. жителям приписанной к *кобану* территории, он рассказывает о состоянии преступности в районе или городе, дает советы по защите от возможных посягательств и преступлений, расспрашивает о здоровье, семье, детях. Очень много, естественно, зависит от личности полицейского — его воспитания, чувства меры и такта, умения индивидуально подойти к собеседнику. В прямой связи с этим находится и результативность повседневной работы. Зависит от этого, конечно, и имидж полиции в обществе.

Естественно, полицейским из *кобанов* приходится общаться не только с теми, кто постоянно живет на территории, но и со случайными прохожими. Те, как правило, обращаются в будки с просьбой указать дорогу к тому или иному месту, помочь найти дом по адресу (а в Японии сделать это в незнакомом месте весьма нелегко). В *кобанах* обязательно имеются подробнейшие карты ближайших районов, где указан каждый дом. Обращаются в будки и с заявлениями о потерянных или забытых вещах. Естественно, что прямо, непосредственно и как можно быстрее надо обращаться в *кобан*, если с вами случилась какая-то неприятность: вы потеряли документы, на вас напали, попытались ограбить, разбили стекло у вашей машины. В будке всегда дадут насос, чтобы подкачать колесо велосипеда. В Японии этот вид транспорта до сих пор настолько важен, что без него страну просто трудно себе представить. Велосипед является основным транспортным средством полицейских будок и постов. Мотоциклы ими используются редко.

Многообразие обязанностей полицейских стимулирует обращение к ним жителей локальных обществ. Последние в свою очередь оказывают полиции посильную помощь. Традиционно сильное групповое созна-

ние, дух коллективизма помогли создать такую форму сотрудничества полиции с местным населением.

\*\*\*

Безусловно, развитие послевоенного общества (модернизация, урбанизация, усовершенствование средств коммуникаций, информатизация бизнеса, семьи, интернационализация хозяйственной деятельности) привело к определенному раскрытию прежде замкнутого локального общества как в городе, так и в деревне. В ходе этого процесса обозначился резкий разрыв в уровне развития отдельных регионов, что зачастую вело к застою, развалу некоторых локальных обществ. Такая тенденция наметилась в Японии уже с конца 60-х — начала 70-х годов. Но в то же время все районы постепенно вовлекаются в единое информационное пространство путем создания так называемой системы местных коммуникационных связей. Она представляет собой «социальные отношения которые устанавливаются в определенном районе передачей и восприятием информации»<sup>1</sup>. Через эту систему поддерживаются связи с другими локальными обществами и со всем обществом в целом.

Несмотря на огромные перемены, которые пережила страна, до сих пор для японцев ценностью остаются общественные связи и социальные взаимодействия в рамках определенной группы, микросистемы, т.е. локального общества. Как и другие развитые страны, Япония прошла путь от индустриального общества — через общество потребления — к информационному. Но это был собственный путь, который авторы новейшей монографии, посвященной проблемам коммуникации — связям человека, общества и техники, удачно определили как «послевоенное издание принципа *вакон-ёсай*»<sup>2</sup>. Он совместил функциональную рациональность с традициями, национальными духовными ценностями. Именно такое сочетание (переплетение истории, культуры и современности) придает устойчивость японскому обществу, создает стабильный социальный климат, в котором каждая группа находит свою нишу.

---

<sup>1</sup> Коммюникэснён но кодзо (Структура связей). Токио, 1993, с.84.

<sup>2</sup> Там же, с.82.

## Глава восьмая

# СРЕДА ОБИТАНИЯ

Своеобразие ландшафта. Строительство дорог — приоритет национальной политики на протяжении веков. Железнодорожные и шоссейные магистрали. Мосты и тоннели — основа формирования единого географического пространства. Урбанизация и проблемы экологии. Изменение облика городов. Новые тенденции градостроительства. Международный аэропорт Кансай — символ XXI века в Осака. Мираи-минато — островок будущего в современной Иокогаме. Токио — средоточие всех проблем современного города. Создание парков-заповедников — средство сохранения природной среды.

Особенность географического положения Японии — протяженность с севера на юг около 4 тыс. км и расположенность на четырех тысячах островов — издревле диктовала стране необходимость создания единого территориального пространства. Основную часть государства составляют, как известно, четыре крупных — Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Сикоку. Своеобразие ландшафта — изрезанная береговая линия (длиной около 30 тыс. км) и глыбы горных массивов (площадью до 75% территории) делали эту задачу довольно сложной. Требовалось не просто прокладывать дороги, но и преодолевать горные перевалы, пробивать многочисленные тоннели, строить мосты и развивать каботажное плавание. Такая грандиозная задача была под силу лишь централизованному государству.

На протяжении веков развитию дорог придавалось большое значение. Их направления определялись политико-военно-экономическими потребностями. Так, до XII в. основной была Санъёдо, дорога, соединявшая Киото с северными районами Кюсю. С конца XII в. с установлением первого сёгуната на все последующие века главный тракт ведет на восток. По нему в резиденцию военных правителей устремились многочисленные армии самураев, торговцев, монахов-паломников и простого люда. Но это еще не была транспортная магистраль. Её жизнь началась со строительством новых и реконструкцией старых дорог по всей стране, став приоритетом национальной политики. Это был период сёгуната Токугава. На месте старого тракта была сооружена 488-километровая знаменитая дорога Токайдо — «главная улица» Японии. Она соединила бывшую в то время столицу Киото с официальной резиденцией правительства — Эдо (ныне Токио).

Токайдо была построена по последнему слову дорожного строительства того времени. В основе ее покрытия была смесь гравия с

песком, а на горных склонах, во избежание эрозии, ее выкладывали камнями. На всем протяжении пути существовала довольно сложная дренажная система. Ради удобства путешественников было изменено и направление течение некоторых рек. Они были пущены вдоль дороги. По обеим сторонам тракта были высажены сосны и криптомерии, в тени которых отдыхали путники. Через каждый ри (около 4 км) стояли своего рода верстовые столбы — небольшие насыпи, засаженные кустарником, а на перекрестках устанавливались каменные указатели. Во многих местах Токайдо можно было встретить изваяния Будды и других божеств — покровителей путешественников. Их присутствие было явно не лишним, ибо дорога пролегла по очень труднодоступной местности: преодолевалось много рек, через некоторые из которых были перекинuty мосты, а на других — организованы лодочные переправы. Во время разлива, например реки Абэкава в районе современного города Сидзуока, путешественникам приходилось сворачивать на менее удобные горные дороги. И вообще значительная часть Токайдо пролегла в горах.

Правительство держало под неусыпным контролем состояние дороги и соблюдение порядка на ней. С этой целью были построены 53 станции, которые увековечил выдающийся мастер японской гравюры Хиросигэ (1797-1858). Практически каждая станция превращалась в небольшой городок, живший обслуживанием путешествующих. Между этими 53 станциями были устроены еще промежуточные с гостиницами, рестораниками, чайными домиками, магазинами. Этот широчайший для того времени тракт (5,5 м, а на отдельных отрезках и шире) поражал редких европейских путешественников качеством покрытия, чистотой и общей ухоженностью. Современная скоростная автострада частично проходит по старой Токайдо.

Также издавна под контролем государства было и строительство мостов. «Нихон сёки» — источник по мифологизированной истории страны — упоминает, что первый мост был построен в 326 г. до н.э. И достоверно известно, что первым на каменных опорах был известнейший мост Сандзё в Киото, от которого исчислялись все расстояния в стране. Его соорудили по приказу одного из крупнейших военных и политических деятелей Тоётоми Хидэёси в конце XVI в. Одновременно началось широкое строительство мостов в Осака, который впоследствии вполне справедливо стали называть японской Венецией. Мосты старой постройки были исключительно деревянными.

Решая проблему модернизации и продолжая традицию, мэйдзэйское правительство одним из приоритетов своей политики выбрало сооружение железных дорог. Начав в 1872 г. с 29-километрового отрезка между Токио и Иокогама, к 1890 г. оно построило уже 1600 км путей. К 1955 г. эта цифра достигла 2 тыс. км. Протяженность железных до-

рог росла не столь быстро, ибо периодически закрывались убыточные местные линии. Своеобразие железнодорожной сети Японии связано с особенностями ее ландшафта — преобладанием гор, большим количеством малых рек, узостью прибрежной полосы, небольшой площадью равнин. Поэтому на железных дорогах насчитывается почти 4 тыс. тоннелей, более 50 тыс. мостов.

Поистине новую эру развития железнодорожного транспорта открыла Япония в 1964 г., закончив строительство первого отрезка высокоскоростной магистрали Токио — Осака протяженностью 515 км. Она была названа в память прошлого — Токайдо. Первоначально это расстояние преодолевалось за 4 часа, затем — за 3 часа 10 минут. На пути было возведено 56 км мостов и пробито 68 км тоннелей. Это был всемирно известный Синкансэн (Новая колея), ставший в стране нарицательным именем для такого типа дорог. Это название связано с переходом железнодорожного транспорта на широкую колею. До 60-х годов железнодорожное полотно было исключительно узкоколейным. Ширина новой колеи составила 1435 мм. Специалисты стали задумываться о переходе на такую колею еще в довоенные годы. Реализация подобного проекта в 60-е годы (к летним Олимпийским играм в Токио в 1964 г.) была вызвана не только экономической необходимостью, но и стремлением поднять престиж страны.

По новой колее движутся суперэкспрессы характерной ракетобразной формы, развивающие сейчас скорость до 270 км в час, сокращая время в пути до 2,5 часов. На этом маршруте курсирует 122 экспресса — уже ставшие привычными не только японцам и иностранцам «Кодама» (Эхо) и «Хикари» (Свет), но и появившиеся в последние годы «Нодзоми» (Надежда). По частоте отправок и времени стоянок, они напоминают привычные нам электрички, а в часы пик — метро. В Японии синкансэн — обычное средство для деловых поездок и часто на работу. В экспрессах имеются вагоны-рестораны и буфеты. Пассажиры могут также получить горячую еду на местах. Такое обслуживание все больше распространяется по мере увеличения скорости движения, чтобы сократить до минимума перемещение пассажиров в вагоне. В поездах оборудовано большое число туалетных комнат, установлен междугородный и международный телефон-автомат. В суперэкспрессе, особенно на дальних маршрутах, устраиваются спальные купе, столь непривычные в общем-то для японских железных дорог. Сейчас входит в эксплуатацию новое поколение синкансэнов, которые на отдельных линиях развивают скорость до 300 км в час. Таким образом они приблизились к французским и испанским экспрессам, удерживающим лидерство в этом виде транспорта. К 2000 г. планируется закончить основные испытания принципиально нового типа поездов, которые будут преодолевать расстояние от Токио до Осака за 1 час.

Синкансэн постепенно завоевывает страну. Его нет пока на Хоккайдо и Сикоку. Построены линии, охватившие Хонсю и связавшие Токио с Ниигата на северо-западе (линия Дзэёцу), с Мориока на северо-востоке (линия Тохоку), с Осака (линия Токай) и с Фукуока на Кюсю (линия Саньё). Строятся и более короткие участки, например линия Ямагата, являющаяся ответвлением магистрали Тохоку.

Почти одновременно со строительством синкансэна началось сооружение скоростных автострад. А за десять лет до этого крупнейший экономический журнал «Даямондо» под заголовком «Безрассудный проект» опубликовал программу поэтапного строительства автострადы через всю страну, единодушно одобренную парламентом и поддержанную министерством строительства. Проект был рассчитан на тридцать лет. «Безрассудность», по мнению автора, состояла в том, что его нельзя было выполнить ни с технической, ни с экономической точек зрения. Ведь нужно было пробить огромное количество тоннелей, предотвратить возможности обвалов, на значительной высоте над уровнем моря проложить многие тысячи километров высококачественных дорог, соорудить большое число мостов<sup>1</sup>. На деле этот проект оказался далеко не безрассудным, а весьма точно рассчитанным.

Первое сверхскоростное шоссе (хайвэй) без светофоров и перекрестков, протяженностью 189 км, под названием Мэйсин связало в 1965 г. Нагоя с Кобэ. В 1969 г. было открыто движение по линии Томэй: Токио — Нагоя (347 км). Фактически был создан грандиозный мегаполис, охвативший огромную территорию между Токио и Осака. На линии Томэй — Мэйсин было сооружено 21 въездная-выездная развязка, 6 станций обслуживания, 16 стоянок, 15 автобусных остановок. Автострада проходит через 12 тоннелей, оборудованных вентиляционными и противопожарными системами, телефонными аппаратами и телекамерами, и пересекает 401 мост. Шестирядное шоссе (на отдельных участках четырехрядное) разделено живой изгородью из кустарников и специальными проволоочными сетками. В районах населенных пунктов по обеим сторонам дороги установлены протившумовые щиты. Стоимость строительства магистрали была чрезвычайно велика — в 2,5-5 раз выше, чем в США и Европе. Это связано не только со сложными географическими условиями, но с высокими ценами на земельные участки. Можно сказать, что это было начало новой эры развития автомобильного транспорта в стране. Сейчас такие автострады (более тридцати) соединили практически воедино все главные острова. В начале 90-х годов их протяженность превышала 5,5 тыс. км. Проезд на хайвэях платный, в зависимости от габаритов транспорта, ежедневно через их пропускные пункты проходит до 3,5 млн. машин, в том числе

---

<sup>1</sup> Даямондо. 1956, № 44, с.18,31-33.

рейсовые автобусы. В настоящее время на остановках хайвэя предоставляются самые разнообразные услуги — от чашки чая до факсимильной связи.

Такие скоростные магистрали уже связали все основные промышленные центры и города с населением свыше 0,5 млн. человек. К 2000 году намечено увеличить протяженность хайвэев до 8 тыс. км с тем, чтобы каждый японец, где бы он ни жил, мог бы добраться до него в пределах часа. Однако несмотря на все достижения и перспективы на будущее, Японии еще многое предстоит в этой сфере сделать.

На начало 30-х годов общий километраж всех видов дорог составил 1,1 млн. км. По их протяженности Япония обогнала многие страны со значительно большей территорией, но уступала по качеству их обустройства. В частности, дороги с твердым покрытием составляли 70%, против 100% в европейских странах.

Железные дороги и автомагистрали как бы сеткой покрыли каждый остров, но впереди была новая грандиозная задача — соединить четыре основные. Для этого был реализован план строительства мостов и тоннелей между ними. Многие проекты осуществлялись одновременно.

Впервые идея связать острова воплотилась в проекте строительства моста между Хонсю и Кюсю в начале 30-х годов, но материализовалась лишь в начале 70-х. Следует сказать, что эти два острова уже были соединены тоннелем Каммон, названным так по имени пролива между ними. В 1942 г. по нему было открыто железнодорожное, а в 1958 г. — автомобильное сообщение. Но в условиях бурного экономического развития уже в 60-е годы этот тоннель, пропущавший в то время ежедневно 20 тыс. автомашин, не соответствовал новым реалиям.

Мост Каммон — один из крупнейших подвесных мостов на Дальнем Востоке, входит в десятку такого типа мостов в мире. Красиво изогнутой дугой он соединяет города Симоносэки на Хонсю и Модзи — на Кюсю. Мост повис над самым узким местом пролива, где его ширина всего 712 м. Со всеми необходимыми техническими сооружениями длина его 1618 м. 29-метровая шестирядная автострада пропускает до 60 тыс. автомашин в день.

До сих пор мост Каммон поражает своей монументальностью, грандиозностью и необыкновенной архитектурной легкостью. При его строительстве впервые было применено много технологических новинок. Опорные башни моста вознеслись на 141 м над уровнем моря, чтобы не нарушить судоходство по важнейшей международной морской артерии. Трос, который его удерживает, собран из 14 тыс. тонких (0,5 см) проволок, которые увязаны в отдельные пучки толщиной в 66 см. О строительстве Каммон напоминают огромные катушки такого троса, которые сохраняются, как реликвия у основания моста в г. Симоносэки.

На очереди дня стояло строительство тоннеля под Сангарским проливом, чтобы соединить Хонсю и Хоккайдо. Реализация этого проекта началась в 1972 г. и завершилась в 1983 г. Прокладку вели с обеих сторон. Двухпутный железнодорожный тоннель Сэйкан является уникальным сооружением. Его длина почти 54 км, только подводная часть превышает 23 км. Максимальная глубина пролива 140 м, минимальная глубина заложения тоннеля — 100 м. Затраты на строительство составили свыше 530 млрд. иен. Сооружение тоннеля сократило время пути от Токио до Саппоро до 6 часов вместо 17 с использованием паромной переправы.

Со строительством системы мостов между Хонсю и Сикоку завершится объединение японского архипелага. Осуществление этого грандиознейшего проекта XX в. знаменует превращение японских островов в единое географическое пространство. Трудно переоценить социально-экономическую и культурную значимость этого свершения для японского общества. Если о соединении Хонсю и Кюсю задумались в 30-е годы, то патриоты Сикоку еще в начале века выдвигали подобный проект для этого края, правда, откладывая его реализацию до того момента, когда появятся технические возможности. Строительство тоннеля исключалось из-за топографических сложностей дна Внутреннего Японского моря. Оставалась единственная возможность — перекинуть «мостик».

Строительство началось в середине 70-х годов и будет завершено к концу века. Оно предусматривает сооружение транспортных магистралей в трех местах. Каждая из них состоит из нескольких мостов, переброшенных от одного небольшого острова к другому. Эти мосты как серебряные нити ожерелья соединяют острова-бусинки. Первой была построена система между Кодзима (Хонсю) и Сакайдэ (Сикоку) в 1988 г. Это сооружение называется Сэто-охаси (Большой мост через Внутреннее Японское море). Шесть, входящих в него мостов (три висячие, два вантовые и один со сквозными фермами), общей протяженностью свыше 13 км соединяют пять небольших островков. Таким образом, преодолевается расстояние в 37,5 км между Хонсю и Сикоку. Двухъярусный Сэто-охаси предназначен для автомобильного и железнодорожного сообщения. Крупнейший из шести мостов — Минами бисан — длиной 1723 м считается пятым по величине в мире (среди висячих) и самым длинным из двухъярусных. Его башенные опоры возвышаются уже на 194 м над уровнем моря, а сам мост повис на высоте 93 м над его поверхностью. Сооружение сделано с учетом землетрясений (до 8,5 баллов по шкале Рихтера), тайфунов, ураганов (скоростью до 80 м/сек), нередко посещающих эти места. Сэто-охаси позволяет добраться с одного острова на другой за 15 минут, вместо одного часа, требовавшегося для переправы на пароме.

Две другие магистрали: Ономити — Имабари и Кобэ — Наруто еще полностью не завершены. В первой достопримечательностью является мост Омисима — самый большой арочный мост на Востоке. Во второй — мост Онаруто (1629 м), соединяющий Сикоку с достаточно большим во Внутреннем Японском море островом Авадзи. Мост, который соединяет Авадзи с Хонсю станет рекордсменом. Он называется Акасибаси, как и пролив. Его длина определена в 3910 м, и это будет самый большой висячий мост в мире. Только центральный пролет составит 1900 м, высота опор — 297 м, что сравнимо с Токийской телебашней. Тросы, удерживающие этот мост, почти в 2,5 раза мощнее тех, что применялись при строительстве Каммон. Под аркой моста, который висит на 96-метровой отметке, как и сейчас, ежедневно будет проходить до полутора тысяч судов. Самое современное техническое оборудование обезопасит судоходство. По шестиполосной магистрали (шириной 30 м) за пять минут (при скорости в 80 км/час) автомашина пересечет пролив Акаси. Сейчас паромная переправа занимает по меньшей мере полчаса. С постройкой Акасибаси будет завершено сооружение 80-километровой скоростной автостреды между двумя островами. Рукотворное чудо техники гармонично впишется в живописный природный ландшафт этого уголка Японии, который является одним из крупных парков-заповедников. Сооружение этих мостов, так же как и Каммон в свое время, выполнено на самом современном техническом уровне. Поистине Япония вступила в эру мостов.

Однако природа по-прежнему преподносит людям свои сюрпризы. Великое Хансинское землетрясение (январь 1995 г., Хансин — название района Осака — Кобэ) по силе разрушения можно сравнить лишь с Токийским 1923 г. Мощные толчки, потрясшие юго-западную часть острова Хонсю (эпицентр был на о.Авадзи, расположенном во Внутреннем Японском море напротив одного из крупнейших портов и промышленных центров Кобэ) ощущались и в его восточной части. Шестибалльное землетрясение (по шкале Рихтера) унесло 5,5 тыс. человеческих жизней, причинило увечья почти 42 тыс. человек, оставило без крова примерно 300 тыс. человек. Огромных сумм достиг материальный ущерб: было уничтожено и повреждено почти 400 тыс. жилых домов и более 4 тыс. других построек, сломаны портовые сооружения, железные дороги и хайвэи, промышленные предприятия, выведены из строя системы электро-, газо- и водоснабжения, что оценивалось в 9,5 трлн. иен.

Строительство скоростных автостред, железных дорог, мостов и тоннелей позволит практически каждому японцу добраться до крупных городов всего за три часа. Можно сказать, что постепенно вся страна превращается в один большой город. Особенно это свойственно районам тихоокеанского побережья. Такое впечатление создается, если

смотреть на них из окна суперэкспресса, следующего маршрутом Токио — Осака.

Развитие транспортных коммуникаций ведет к постепенному разрешению серьезных проблем несбалансированного регионального развития. В период быстрых темпов экономического роста формирование крупных промышленных центров в тех местах, где была наиболее высокая эффективность производства, естественно, порождало диспропорцию развития отдельных районов, различный уровень концентрации населения, промышленной сети и транспорта. Это привело к ухудшению экологической ситуации, серьезному загрязнению окружающей среды — прежде всего земли, водоемов, атмосферы — производственными и бытовыми отходами. Подобные явления приобрели поистине масштаб экологической катастрофы. Все это самым непосредственным образом сказывалось на жизни общества, которое и поставило перед правительством задачу быстрее решения проблемы защиты окружающей среды.

В начале 70-х годов это стало приоритетом в национальной политике, неотъемлемой частью государственного регулирования народного хозяйства. Как и всегда, для решения важных проблем, была разработана четкая юридическая база. Среди послевоенных законодательных актов по защите окружающей среды следует отметить Закон об уничтожении и коммунальной очистке отходов (1954), нацеленный на предотвращение загрязнения окружающей среды; Закон об обработке и очистке отходов (1970), предусматривающий ответственность предприятий, центральных и местных органов власти, общественных организаций за ликвидацию промышленных отходов, а коммунальных служб муниципалитетов — за ликвидацию бытовых; Закон о содействии утилизации рециклируемых ресурсов (или сокращенно Закон о рециклировании (1991)).

Концепция закона 1970 г. относилась к отходам все, что выбрасывается — отбросы или ненужные вещи. Впервые в этом Законе было введено понятие производственных отходов, что было вызвано бурным ростом японской экономики в 60-е годы. К ним были отнесены отходы от деятельности в промышленности и сельском хозяйстве: шлаки, отработавшие масла, пластмассы, металлическая и древесная стружка, упаковочные материалы, навоз, зола и пр. Все другие отходы на предприятиях и в компаниях (тара, бумага) попадали под категорию общих. Многие из них смыкаются с теми, что относятся к бытовым (кухонные отходы, макулатура, устаревшие предметы длительного пользования). Закон 1970 г. обязывал предприятия утилизировать только свои производственные отходы. Ликвидация же общих отходов ложилась дополнительным бременем на муниципальные органы, которые отвечали за утилизацию бытовых. Поэтому органы местного самоуправления посто-

янно требовали принятия дополнительных нормативных актов, предусматривающих определенные отчисления компаниям денежных средств в местные бюджеты для оплаты строительства предприятий по переработке отходов и их утилизации, а также расширение их собственной деятельности в этой сфере. Однако даже последние изменения закона не улучшили положение префектуральных органов власти в области финансирования, поскольку им по-прежнему вменяется в обязанность самостоятельно решать проблемы утилизации токсичных и других отходов. Таким образом, налогоплательщики продолжают оплачивать то, что предприятия должны делать за свой счет.

Непомерный рост всех видов отходов (в середине 80-х годов только на свалке скопилось 16,5 млн. т общих отходов и 91 млн. т промышленных, и эти показатели продолжали расти) требовал постоянного усовершенствования Закона 1970 г. В основном поправки касались ужесточения ответственности предприятий за переработку отходов, уменьшения их количества, вторичного использования и усиления контроля государственных органов. Упор на ответственность предприятий за переработку был связан с политикой защиты окружающей среды. Один из недостатков этого закона — слабая дифференцированность методов утилизации — вел к тому, что многие вредные вещества попадали на свалку или закапывались. Часто получалось, что органические отходы, уличающие земли, сжигались, а, например, пластик закапывался.

Однако вносимые в Закон 1970 г. поправки не решали многих проблем, которые были вызваны коренными переменами в производстве, качестве и образе жизни японцев. Софтизация принесла с собой огромное количество отходов в виде макулатуры от использования компьютеров, факсов, ксероксов; сервисация — горы одноразовой посуды (раньше на службе чай подавали девушки, а сейчас каждый подходит к автомату с бумажным стаканчиком), пластиковой упаковки от продуктов быстрого приготовления, стеклянных и алюминиевых банок от напитков. В то же время количество кухонных отходов не возросло. По подсчетам японских экспертов, 60% бытовых отходов приходится как раз на новые виды. Этому содействует также увеличение числа нуклеарных семей и одиноких. Например, семья из пяти человек читает одну газету, а пятеро одиноких — пять. Большая семья покупает вилоч капусты, а одинокие по четвертушке, и то и другое, естественно, в упаковке. Это очень удобно, однако приходится расплачиваться горами мусора.

Изменение образа жизни и значительное повышение ее качества вызвали появление множества несанкционированных свалок для предметов длительного пользования вдоль автомобильных трасс и в полосе отчуждения железных дорог. Это было связано с нехваткой мест для них. Такое положение являлось не только головной болью органов

местной власти, но и вызывало многочисленные протесты жителей. Хотя справедливости ради следует сказать, что многие японцы, особенно молодые пары, находили там много полезного. Ведь туда свозились не только отслужившие свой срок, но и вполне пригодные для дальнейшего использования вещи.

Хозяева морально устаревшей техники оставляют на шнурах штепсели как знак того, что она исправна. В 1989 г. только в Токио на свалки было вывезено свыше 124 тыс. работающих телевизоров, около 100 тыс. холодильников, 54 тыс. стиральных машин. Особого внимания заслуживает утилизация подержанных машин. Японцы меняют их каждые 5-10 лет. Большую помощь в ликвидации этих отходов им оказывают наши соотечественники. Ко многим характеристикам японского общества можно сделать добавление — «общество выбрасывающих».

Естественно, что такая ситуация поставила на повестку дня решение проблемы рециклирования. Этой теме и был посвящен принятый в 1991 г. Закон о рециклировании ресурсов. В подготовке нового законопроекта приняли участие заинтересованные министерства: здравоохранения и социального обеспечения, отвечающие за переработку бытовых отходов, внешней торговли и промышленности, в ведении которого находятся вопросы утилизации промышленных отходов, а также Агентство по охране окружающей среды, Федерация экономических организаций Японии, токийский и другие муниципалитеты.

Закон 1991 г. устанавливает параметры процесса рециклирования, определяет отрасли, которым надлежит увеличить использование рециклированных ресурсов, номенклатуру изделий для рециклирования по трем категориям и пр. Во исполнение закона соответствующие министерства издают распоряжения и нормативные акты. Например, правительственные органы разрабатывают реквизиты, которые должны быть указаны на этикетках металлических банок (состав стали или алюминия). В случае невыполнения предусматривается штраф. Размеры его невелики — около 5 тыс. долл. с производителя. Компании боятся не самого штрафа, а огласки и потери лица в обществе. По мнению многих японских экспертов, только наложения штрафов недостаточно, необходима система административных санкций типа приостановки вредного производства. Закон имеет скорее рекомендательный, чем регулирующий характер.

Принятие закона вынуждает промышленные предприятия обращать самое серьезное внимание на используемое сырье с точки зрения его безопасности для окружающей среды, а также на производимую продукцию с точки зрения возможности рециклирования отходов. Им надлежит изыскивать новые безотходные технологии и системы рециклирования. Список указанных в законе отраслей будет постоянно расширяться. Совет по промышленной структуре при министерстве внешней

торговли и промышленности обратился с призывом ко всем промышленным предприятиям проявлять большую заинтересованность в расширении рамок рециклирования (в начале 90-х годов рециклированию подвергалось лишь 8% общего количества потребляемых ресурсов). Агентство по охране окружающей среды в свою очередь создало экспертную комиссию по разработке мер, направленных на создание общества, ориентированного на рециклирование. Практически впервые в истории законодательства, касающегося в широком смысле защиты окружающей среды, закон был принят при консенсусе производителей и потребителей. Еще два десятилетия назад они стояли по разные стороны баррикад.

Японское законодательство, связанное с защитой окружающей среды и переработкой отходов, предусматривает создание организованной системы контроля финансирования, льготного кредитования и налогообложения. Это касается центральных и местных финансовых органов. В целом все законы адекватно отражают изменение экономической ситуации в стране.

Во исполнение этих законов была создана система природоохранных органов, подготовлено научно-техническое обеспечение и начато производство необходимого оборудования. Это дало возможность запустить в действие достаточно эффективный механизм природоохранной политики. Ему были свойственны хорошая организация, гибкое использование административно-нормативных и финансово-экономических мер регулирования. В результате правительство сумело мобилизовать материальные, финансовые и научно-технические ресурсы на решение серьезных проблем и добилось определенных позитивных сдвигов.

На большинстве предприятий было установлено необходимое очистное оборудование, осуществлены крупные лесовосстановительные работы, проведены мероприятия по сохранению флоры, фауны и естественных экосистем, организованы новые национальные парки и заповедники, увеличены зеленые зоны в городах. Все это привело к значительному улучшению состояния атмосферного воздуха, стабилизации показателей качества земли и воды<sup>1</sup>. Принятые по предотвращению экологических загрязнений меры — одни из наиболее жестких в мире и строго соблюдаются.

Решение наиболее насущных проблем защиты окружающей среды, можно сказать наиболее болевых точек, сняло накал борьбы ответственности и заметно смягчило социальную напряженность. Однако на этом этапе были по большей части решены проблемы, которые легче всего поддавались разрешению и контролю. Однако продолжают оставаться и нерешенные глубинные и возникают новые, связанные уже с

---

<sup>1</sup> См. подробно Тимонина И.Л. Япония. Экономика и окружающая среда. М, 1988.

современными технологиями и углублением процесса урбанизации. Кроме того, по мере повышения качества жизни растут и требования к состоянию окружающей среды.

В 80-е годы с выходом урбанизации на новый уровень в городах уже проживало более половины населения, и этот процесс набирает силу. Предполагается, что к концу века 25% жителей будут обитать в радиусе 50 км от Токио, а в трех мегаполисах (Токио, Осака, Нагоя) — около 45%. Таким образом в XXI в. процесс урбанизации приобретет для Японии глобальный характер — четверо японцев из пяти будут жить в городах. Растущие средние и мелкие города (прежде всего за счет миграции из крупных) неизбежно столкнутся со старыми бедами мегаполисов. Поэтому общество не может позволить себе ослабить внимание к экологическим проблемам.

Проблема урбанизации была актуальна еще в мэйдзийский период, когда формировалась сохранявшаяся затем многие десятилетия политика и практика японского градостроения. Поначалу европейского типа кирпичные многоэтажные здания были лишь отдельными вкраплениями и смотрелись как чужеродные элементы на фоне старых деревянных кварталов. Существовали как бы два параллельных мира — все расширяющиеся деловые и торговые центры с многоэтажными зданиями и одно-двухэтажная деревянная застройка, лишенная современных удобств.

Коренное изменение облика японских городов началось с конца 50-х — начала 60-х годов нашего века, когда впервые не только в крупных, но и небольших городах в гуще деревянной застройки началось возведение зданий общественных учреждений с использованием современных материалов и техники. Тогда же появляются микрорайоны «данти» (состоящие из панельно-блоковых домов западного стиля), принадлежащие муниципалитетам и частным фирмам. Интерьеры в таких домах были в основном тоже европейские, но с японской спецификой. Развивающаяся урбанизация требовала создания городов с крупными жилыми массивами и широкой транспортной сетью. С середины 70-х годов начинается создание городов-спутников и реконструкция таких гигантов как Токио, Осака, Нагоя.

Не в малой степени реконструкция была вызвана необходимостью решения транспортных проблем. Администрация крупных городов стала задумываться об этом еще в конце 50-х годов. Одним из вариантов такого решения было создание так называемых подземных городов. Первоначально это были своего рода подземные переходы и тоннели. Постепенно обустраиваясь, они превратились в кварталы с площадями, фонтанами, многочисленными магазинами, ресторанами, зонами отдыха. Первый такой город был построен в Осака. Подобные сооружения, которые являются экономически весьма выгодными предприятиями, в

настоящее время имеются в более чем 30 крупных городах, от Саппоро до Фукуока.

Другим вариантом разрешения транспортной проблемы в первую очередь вокруг крупных городов было строительство рокад, которые, например в Токио, соединяют около десятка веером расходящихся от столицы хайвэев.

Однако в Японии не произошла тотальная замена традиционной модели градостроения на западную. Местные архитекторы органично вплетали новые здания из стекла и бетона в ткань старой деревянной застройки. Градостроительство, как и в старые времена, находилось под правительственным контролем. В общенациональных планах социально-экономического развития всегда учитывались проблемы урбанизации. Они увязывались с региональными программами, которые в основном касались мелких и средних городов.

Примером благотворного влияния государственного контроля может служить преодоллимпийское (1964 г.) строительство в Токио, во многом изменившее облик ряда районов столицы. Одновременно рождался и новый архитектурный стиль, связанный с именем выдающегося архитектора Тангэ Кэндзо, получившего мировое признание. Символом нового стиля стал, в частности, гимнастический зал, поражающий своими изящными линиями и грандиозностью инженерного замысла — опорные конструкции огромной крыши заменены массивными висячими троссами. Сверху этот зал напоминает ракушку.

Одним из направлений новых тенденций градостроения является создание технополисов (80-е годы), стержнем которых часто являются научно-исследовательские институты и уникальные высокотехнологичные производства. Располагаются они в относительно менее развитых районах, на периферии. Для них характерна максимальная компактность застройки, объединяющая жилье и производственную сферу. Технополисы выгодно отличаются от городов-спутников или районов старых городов. Они формируют новую среду обитания, которая коренным образом отличается от обновленной в больших городах. Массовая реконструкция этих городов с 80-х годов стала приоритетным направлением градостроительной политики. Она ведет за собой разрушение привычной деревянной среды и замену ее западной. Все большее распространение приобретает строительство индивидуальных коттеджей европейского типа, которые стоят в 15-16 раз дороже, чем обычное среднее жилье.<sup>1</sup> Как правило, такие виллы для богатых клиентов возводятся в рамках компактного микрорайона, где рядом с домами располагаются бассейны, корты, беговые дорожки, проложены аллеи, разбиты газоны. По сути такой жилой массив внешне отличается от японской среды обитания и производит впечатление средневропейского города.

Примером может служить расположенный в 30 км от Токио городок Токио Мидзукигаока. Стоимость домов здесь колеблется от полумиллиона до миллиона долларов. Они построены в соответствии с европейскими стандартами. Это относится в первую очередь к жилой площади, которая составляет в среднем 240 кв. м. Так называемая американская деревня из 55 домов в преф.Хёго воссоздает обычную американскую среду обитания. Типично японская атмосфера сохраняется в сельской местности, но и там по большей части деревни оказываются зажатыми между городами.

Процесс урбанизации вызвал к жизни разного рода градостроительные проекты. В частности, предполагалось слияние множества мелких и средних городов от Токио до Осака в мегаполис Токайдо. В нем синкансэн превращался в своего рода пригородную электричку и проживало бы здесь около 90 млн. человек. Градостроительство пошло, с одной стороны, по пути создания технополисов, а с другой — агломераций типа Токио, Осака, Иокогама.

При всей схожести этих суперсовременных городов, каждый реализует уникальные проекты, которые станут их символами XXI века. В Осака — это строительство международного аэропорта Кансай на насыпном острове в заливе в 5 км от берега (40 км от центра города). Проект этого новейшего технического сооружения был разработан итальянским архитектором Ренцо Пиано. Пока введена в эксплуатацию первая очередь. Площадь аэропорта составляет 511 га, а по завершении строительства увеличится более, чем в 2 раза. К нему подведены все необходимые коммуникации: построен мост, автомобильная и железная дорога, действует система скоростных паромов. Несмотря на наличие пока лишь одной взлетно-посадочной полосы (длиной 3,5 км), здесь обслуживается свыше 450 рейсов за счет круглосуточной работы. В год через него проходит около 30 млн. пассажиров и 1,4 млн. т грузов. После завершения строительства еще двух полос мощность аэропорта Кансай увеличится в 1,5 раза. Все предусмотрено для удобства пассажиров. В настоящее время это самый дорогой по обслуживанию аэропорт в мире. Он держит первенство и по затратам на его сооружение: обошелся в три раза дороже Токийского международного аэропорта Нарита, открытого в 1978 г.

Строительство аэропорта Кансай повлекло за собой создание абсолютно новой среды обитания для тех, кто так или иначе связан с его обслуживанием. По соседству, тоже на рукотворной земле, создается целый город, ритм жизни которого подчинен ритму аэропорта. Другими словами, он бодрствует и днем и ночью. На территории 318 га расположены многоэтажные отели, офисы, другие административные здания, предприятия по оказанию всевозможных услуг, по доставке и отправке грузов и, конечно, кварталы жилых домов. Здесь же открыты

музеи, выставочные залы, рестораны, увеселительные заведения. Все это размещено среди парков, скверов, которые прорезаны каналами и речками. Набережная одета в мрамор. В целом город производит впечатление пока еще не очень привычное для нашего времени — он уже принадлежит XXI веку. Называется это чудо Ринку — город-спутник.

Уже сейчас городские власти задумываются о среде обитания все увеличивающегося населения Осака. Примером может служить проект «Технопорт Осака». Этот фактически новый город строится на акватории в заливе, где будет проживать 60 тыс. жителей и работать 200 тыс. На площади в 775 гектаров постепенно размещаются Международный торговый центр, Центр торговли со странами Азиатско-тихоокеанского региона, терминалы и другие службы. Предусматривается строительство океанографического музея, спортивных и рекреационных зон, культурных центров и, конечно, современного жилья. Окончательно проект будет завершен к 2010 году. Подобных программ много, но их роднит одно — все они открывают Японии дорогу в эпоху интернационализации, создают благоприятные условия жизни открытого общества.

Другой крупнейший город-порт Иокогама начал готовить свой бросок в XXI век еще в 60-е годы. Планировалось создать город в городе на берегу залива, то есть превратить центральный район в модель будущего, суперсовременного города, где людям одинаково удобно жить и трудиться. Одновременно предусматривалось сохранение национальной специфики.

Со времени открытия Японии в середине прошлого века небольшая деревушка на побережье быстро превращается в форпост и начинает играть ведущую роль в модернизации. В течение многих лет именно через Иокогаму широким потоком вливалось все новое, современное, иностранное. Здесь японцы встретились и с самими иностранцами, с их обычаями, кухней, культурой, а они — с японской экзотикой. Война внесла серьезные коррективы — наполовину был разрушен центр города, реквизирована большая часть портового оборудования. Новая жизнь города началась лишь с 60-х годов, когда создается индустриальная зона Кэйхин (Токио-Иокогама) вдоль побережья. Здесь расположены крупные промышленные центры, включающие судостроительные и ремонтные заводы, нефтехимические предприятия, выпускающие электрическое и электронное оборудование, бытовую технику. Под новое промышленное и жилое строительство земля отвоевывается у Токийского залива. Продолжая традицию связи с зарубежными странами, Иокогама в настоящее время становится своеобразным полигоном включения Японии в процесс интернационализации. Именно здесь наиболее отчетливо проявляются свойственные западному плюралистическому обществу черты и втягивание иностранцев в японское замкнутое общество.

Проект создания города в городе получил название Минато-мираи-21, т.е. Порт будущего XXI века. К его реализации сумели приступить лишь в 1983 г., ибо следовало провести трудоемкие подготовительные работы, в частности, передвинуть док «Мицубиси дзюкогё», подготовить площадки под застройку. В этом новом «городе в городе» к 2000 году (сроку завершения проекта) будет жить 10 тыс. человек и трудиться 190 тыс. Для них создаются не только благоприятные условия жизни, но и все для творческого труда. Минато-мираи поднимет роль Иокогамы как интернационального информационного центра, где будут осуществляться международные контакты. Под стать этим глобальным задачам и суперсовременная архитектура нового города. В центре его поднялось самое высокое в Японии здание-башня (295 м, или 70 этажей), в котором расположены отель и офисы фирм, где работает 10 тыс. человек. У основания этой башни расположились по старинной традиции торговые аркады. Как и в любом городе, в Минато-мираи много фешенебельных магазинов, ресторанов, кафе, театров, музеев. Очарование ему придают прекрасные парки и скверы, занимающие около 46 гектаров, что составляет примерно 1/4 всей городской площади.

В Японии каждая префектура имеет свои символы, отражающие специфику ее природной среды. Для Иокогамы, крупнейшего порта, это — чайка. Минато-мираи использовал этот символ для создания своей эмблемы. Она представляет собой голубой круг (круг — земной шар и космос, а голубой цвет — океан), на котором распластались две чайки, символизирующие полет в будущее.

Иокогама расположена в 30 минутах езды на автомобиле от основных деловых районов Токио, и в 70 — от международного аэропорта Нарита. Специальная железнодорожная ветка соединит Минато-мираи с аэропортом, как это уже сделано в Токио. Будет введена в эксплуатацию и вертолетная линия. Строительство моста через Токийский залив (между г. Кавасаки в преф. Канагава и г. Кисарадзу в преф. Тиба) значительно сократило путь в аэропорт. Залив можно пересечь на машине за 15 минут. Минато-мираи — сердцевина всех коммуникационных путей, проходящих через Иокогаму и преф. Канагава.

Близость Иокогамы к столице и поистине уникальная роль в модернизации страны экономически привязывает ее к Токио. Это особенно заметно в настоящее время, когда общество становится все более информационно-ориентированным и интернационализированным. Токио-Иокогама — практически единое целое, но, безусловно, главенствующая роль принадлежит столице. Медленно, но неуклонно идет процесс разгрузки Токио за счет развития всей преф. Канагава, а не только ее центра — Иокогамы.

Кроме этой префектуры, Большой Токио захватил и значительные территории других префектур — Тиба и Сайтама. Он раскинулся на

площади почти в 13,5 кв. км (3,6% площади страны). В нем проживает 33 млн. человек, практически каждый четвертый японец (в собственно Токио — 11 млн.). В столице производится почти треть национального продукта, здесь представлены свыше половины всех компаний, культурных и общественных организаций и, конечно, все центральные правительственные и административные органы и средства массовой информации. В Токио можно увидеть все достоинства и слабые места современной урбанизированной среды обитания, но именно он является моделью японского города XXI века.

Этот путь Эдо-Токио был непростой, и годы бурного развития, а также природные и «рукотворные» катаклизмы оставили на его облике свой след. Город традиционно делился на две части: роскошные районы поместий *даймё* (крупные феодалы) — Яманотэ и *ситамати* (нижний город), где жил простой люд. Центром не только Токио, но и всей страны, от которого шло исчисление расстояний, был мост — Нихонбаси. Между этими частями города и проходила знаменитая дорога Токайдо. История продолжает жить и в современном Токио. Там, где раньше обитали феодалы, раскинулись деловые кварталы, островком среди которых остается императорский дворец.

Облик современного Токио сформировала процветающая уже несколько десятилетий японская экономика. Сосредоточение крупного бизнеса в столице привело к концентрации здесь огромных людских масс, что повлекло за собой изменение градостроительной политики, развитие транспортной системы, отвоевывание земель у моря и «уход» под землю. Период бурного экономического роста сказался не самым благоприятным образом на жизни людей в городе. Наверное, многие помнят Токио тех лет — сотни заводских чадающих труб, мутные потоки сточных вод, кислотные дожди, замусоренные прибрежные воды Токийского залива, постовые полицейские в кислородных масках.

Однако сейчас здесь нет практически ни одного промышленного предприятия, угрожающего окружающей среде. По большей части они оборудованы современными очистными сооружениями, а новые практически не строятся. В городе располагаются предприятия высоких технологий и пищевой промышленности, а в самые последние годы экономической доминантой стала деятельность финансовых центров. Она очень зримо сказалась на современном облике Токио. Районы Маруноути, Кабуто-тё и Роппонги образуют знаменитый золотой треугольник японского финансового мира, но каждый из них имеет свою специфику.

Маруноути, примыкающий к императорскому дворцу, типом застройки принадлежит прошлому. Он возводился в то время, когда существовали ограничения на высоту зданий — не более тридцати метров. В связи с усовершенствованием технологии антисейсмического строительства эти ограничения в 1963 г. были сняты. И сейчас имеется проект репла-

нировки и новой застройки Маруноути высотными зданиями. Но возникают трудности другого порядка — сохранение единого архитектурного ансамбля вокруг императорского дворца. Перестройка более «демократичного» Кабуто-тё с его фондовой биржей, очевидно, никаких серьезных возражений не вызовет, но это пока дело будущего. А вот в Роппонги это будущее существует уже сегодня.

Исстари этот район славился своими ресторанами и увеселительными заведениями и не имел никакого отношения к бизнесу. Сейчас же он в своей части, обращенной к Касумигасэки, — скопление правительственных учреждений и административных центров ведущих корпораций. Именно здесь между районами Акасака и Роппонги реализован грандиознейший проект — сооружение комплекса высотных зданий, вмещающих деловые учреждения, гостиницы, жилые помещения, концертный зал, телестудию. Он называется «Узел Акасака-Роппонги» или ARK (аббревиатура английского названия Akasaka — Roppongi Knot).

Этим грандиозным архитектурным комплексом Токио уже вступил в XXI век. Начало высотного строительства ознаменовало сооружение в конце 60-х годов 36-этажного здания плюс три под землей в Касумигасэки. Построенное не так далеко от площади перед императорским дворцом, оно, тем не менее не нарушило сложившегося архитектурного ландшафта. А сейчас неподалеку поднялся целый комплекс таких домов. Центром его является 37-этажное административное здание (плюс 4 подземных этажа), оснащенное всеми современными телекоммуникационными системами, обеспечивающими связь внутри страны и за рубежом. В нем разместились представители тридцати компаний, в том числе семнадцать иностранных. Насыщенность новейшим информационным оборудованием превращает его поистине в «разумное здание». В информационном обществе именно такому типу сооружений принадлежит будущее. Уже сейчас правительство начало реализовывать план создания общенациональной сети телекоммуникаций на основе волоконной оптики. Она должна соединить все префектуры и обеспечить различные учреждения полным набором информационных услуг. Программа будет завершена к 2010 г. Рядом находится 37-этажная гостиница, а напротив — концертный зал. Между ними — площадь с аллеями и аркадами. Рядом возвышаются три жилых дома, квартиры в которых сдаются в наем.

Проблемы деловой жизни Токио решает не только золотой треугольник. Уже в 60-е годы встала задача разгрузить Маруноути, перенести ряд административных учреждений в другие районы — Синдзюку, Икэбукуро, Сибуя. Одиннадцать высотных зданий (200—250 м) в Синдзюку, кажется, живут своей самостоятельной жизнью. Улицы, образуемые этими домами, пересекаются на разных уровнях — с востока на

запад они проложены по земле, а с севера на юг подняты на эстакады на уровень третьего этажа. Начиналось строительство с сооружения своеобразной трехъярусной коммуникационной площадки перед западным входом в вокзал Синдзюку. На этих трех ярусах разместились подземные гаражи, автобусные остановки, магазины. Ежедневно здесь проходит до миллиона человек. Особую значимость этому новому деловому центру придало перемещение сюда Токийского муниципалитета. Журналисты окрестили его мини-переездом столицы, а теперь на очереди и настоящий переезд, что не раз случалось в истории Японии. Сегодня он снова стал «историческим императивом».

Для этого есть несколько весомых причин: сверхконцентрация экономических, политических, культурных и социальных функций, приведших к тому, что городской механизм начал работать с перебоями и к исключительной зависимости всей страны от Токио. Кроме того город расположен в сейсмоопасной зоне (вспомним великое Токийское землетрясение 1923 г.). Но в условиях вообще реформирующейся Японии, и это очень важно, сохранение такого монстра с его определенной косностью становится преградой на пути рывка в XXI век. Планы переноса столицы предусматривают диверсификацию функций столичного центра. Принятый в начале 90-х годов Закон о переносе столицы определяет основные параметры будущего главного города. Предполагается, что в нем должны разместиться правительственные учреждения и парламент, т.е. он должен стать политической столицей (по типу Бонна в Германии). На территории 9 тыс. га должно проживать не более 660 тыс. человек.

Новая столица должна быть расположена не далее чем в 300 км от Токио, но и не ближе 60 км, а также не более, чем в 40 мин. езды до международного аэропорта. В стране широко обсуждается выбор подходящего места. Главными претендентами выступают префектуры Фукусима, Тотиги, Сидзуока, Айти, Гифу. Стоимость такого проекта, включая инфраструктуру, чрезвычайно высока — она оценивается в 190 млрд. долл. Полагают, что если в ближайшем будущем Япония не решит эту проблему, то в дальнейшем ей будет сделать это трудно ввиду старения общества, огромные средства которого надо будет направить на социальное обеспечение.

Урбанизация не обошла и *ситамати*. Однако, несмотря на современный тип многих построек, районы в целом сохраняют колорит старого города. Это связано не только с обилием синтоистских и буддийских храмов, традиционных ярмарок, базаров, торговых улиц, но и с тем, что возникающие здесь коммерческие фирмы и предприятия стремились по возможности перебраться поближе к деловым кварталам. Для Токио *ситамати* — это его история и традиция. Реконструируя старые кварталы, городские власти стараются приспособиться к ново-

му, без ущерба старому, создать удобную среду обитания жителям и одновременно сохранить национальный колорит. Наряду с частными домами, здесь много муниципального жилья разного вида — отдельные двухэтажные домики, соединенные по типу старых *нагая* (длинный дом), что было так свойственно *ситамати*, а также 9-14-этажные многоквартирные дома, примета городов-спален.

Суперсовременное строительство не искореняет свойственную Токио хаотичность застройки. До сих пор город представляет собой хитросплетение улиц, улочек, переулков, тупиков. Вознесшиеся над ними на эстакадах на уровне третьего-четвертого этажей скоростные автостреды и несущиеся по путям электрички придают городскому пейзажу исключительный динамизм. Однако даже этот динамизм (электрички из 15 вагонов в часы пик идут с интервалом 1 мин. 50 сек.) не помогает справляться с пассажирским потоком. Утром и вечером число пассажиров в вагонах в два раза превышает их вместимость. Для разрешения этой проблемы на наиболее напряженных линиях, например на кольцевой — Яманотэ — курсируют электрички с шестью дверями, а на радиальной линии Дзёбан используются двухэтажные составы. Во всех поездах на окнах можно опустить солнцезащитные шторы, а в курсирующих по типу экспрессов поездах сиденья можно поворачивать по ходу движения. Вскоре полностью все составы будут оснащены кондиционерами.

Не только в Токио, но и в других городах, электрички связаны с линиями метрополитена, что сокращает время на пересадки и делает их более удобными. Столичное метро славится чистотой, прекрасным освещением, низким уровнем шумов, широкими платформами, прекрасно разработанной схемой указателей, на которой каждая линия обозначена определенным цветом. На всех переходах цветные стрелы указывают направления пересадок. Только по цвету линии, без знания языка, достаточно просто ориентироваться в метро. В вагонах над дверями бегущей строкой дается название приближающейся станции на японском и английском языках. Японское метро работает практически безаварийно, но и оно не гарантировано от деяний экстремистов. Нельзя забыть террористическую акцию, совершенную в марте 1995 г., когда тысячи людей пострадали от отравления газом зарин.

Без преувеличения можно сказать, что крупнейшие города мира в настоящее время находятся в опасности быть погребенными под горами мусора. В Токио ежедневно на улицы выбрасывается до 21 тыс. т самого разнообразного мусора. Малейшая задержка вывоза его смогла бы привести не только к загромождению тротуаров и даже проезжей части дорог, но и зловонию и опасности появления эпидемий. Японцы, которые традиционно привержены к личной гигиене и чистоте в домах, как это ни звучит парадоксально, мало заботятся о чистоте в

общественных местах. Так, крупный пересадочный узел Синдзюку к концу дня завален мусором, а квартал Маруноути засыпан окурками. В японских городах чисто не потому, что не сорят, а потому, что убирают. Об этом заботятся городские власти.

Муниципалитет Токио разработал типовую схему для дифференцированного сбора бытовых отходов. Непосредственно этой проблемой занимается Управление планирования сокращения отходов и Бюро по очистке города, которые издают разнообразные материалы по этой проблеме. Такую схему получает каждый житель города и прибывающие на жительство иностранцы. Схема предусматривает разделение всех бытовых отходов на три категории.

Первая включает мусор, предназначенный для сжигания. Его собирают три раза в неделю. В схеме точно определено, что именно подпадает под эту категорию. В ней выделены три больших блока: кухонные отбросы, макулатура, древесные отходы. Сделана и дальнейшая детализация. Например, упомянуты упаковки от сакэ и сигарет, раковины моллюсков и яичная скорлупа, детские пеленки и гигиенические салфетки, одежда (за исключением кожаных вещей), ветки, листья и пр. Все отходы надлежит упаковать в специальные виниловые полупрозрачные пакеты для мусора (которые продаются повсеместно или в пропагандистских целях раздаются бесплатно), в пластиковые контейнеры с крышками (в этом случае мусор заворачивается в газету или бумагу). Контейнер после освобождения от мусора забирают домой. Для упаковки можно использовать и пакеты из-под покупок.

Ко второй категории относятся несжигаемые отходы, которые собирают раз в неделю — пластик, металл, стекло, керамика, резина, кожа и пр. Более конкретно — это пластиковые бутылки, емкости типа спрея, но обязательно полностью использованные, телефонные карточки, алюминиевая упаковка, магнитофонные пленки, флопи-диски от компьютеров, люминесцентные лампы, батарейки, кроме батареек для электронных часов и фотоаппаратов, которые следует вернуть в магазин. Перечисленные отходы помещают в пластиковые контейнеры или в прозрачные мешки. Острые предметы (осколки стекла, иголки) следует тщательно завернуть и пометить словами «обращаться осторожно». Специально привлекается внимание жителей на мусор обеих категорий, который можно использовать вторично. Их призывают не выбрасывать его, а сдавать в специальные пункты в своем районе. К таким отходам относятся макулатура, бутылки, подносы и пр.

Третья категория — крупногабаритные предметы, подлежащие специальным перевозкам. В каждом районе два раза в месяц можно подать заявку на такую перевозку в бюро по сбору мусора. Прежде всего — это предметы мебели, бытовая техника, которая предварительно должна быть проверена на содержание вредных веществ. За такой

вывоз взимается определенная плата, каждый предмет имеет свою фиксированную цену. Например, вывезти стремянку стоит 2 долл., аквариум — 5, холодильник высотой до 80 см — 8, а выше — уже 19, а вот захоронить домашнее животное — 26 долл.

Целая группа отходов не подлежит регулярному вывозу, и для их транспортировки следует обращаться в бюро по сбору мусора. Это могут быть машины, мотоциклы, шины, огнетушители, сейфы, а также взрывоопасные и вредные химикаты, лак, краски.

На улицах в определенных местах укреплены единого образца металлические дощечки, указывающие место сбора мусора, куда приезжают мусоровозы. На них обозначены три категории мусора и отмечены дни их вывоза. Если на день вывоза приходится праздник, то специальные объявления, расклеенные по всему району, оповещают о новой дате вывоза. Все это контролируется местной администрацией.

Администрация районов старается привлечь к работе по сбору мусора и контролю за выполнением всех предписаний местное население, заинтересовать его в этой деятельности. Традиционная структура японского общества — соседская община, которая объединяет до десятка семей, — хороший помощник местных властей. Домохозяйки по очереди следят за порядком сбора мусора: чтобы ничего не оставалось после отъезда мусоросборщиков, чтобы площадки для сбора отходов были чистыми. Ведь нередко они располагаются в частных владениях. Ради внедрения раздельного сбора мусора некоторые муниципалитеты первое время бесплатно раздавали мешки новых образцов, за собранную макулатуру выдавали туалетную бумагу, за металлические банки из-под пива платили деньги. Ради пропаганды открывали магазинчики, где продавались товары, сделанные из отходов: бумажные пакеты для хозяйственных нужд, туалетная бумага и др. Например, для сбора мусора, макулатуры привлекаются школьники и вырученные деньги идут на их нужды.

В такой ситуации в жилых районах города мало кому придет в голову вылить помой на улицу, тем более, что за это немедленно налагается штраф. Местные власти ведут просветительскую работу не только с теми, кто давно живет в районе, но и с новоселами и даже с туристами.

Суперсовременный стеклянно-бетонный Токио вызывает невольное восхищение роскошью своих зеленых насаждений, которые встречаются повсюду. Правда, в центральной деловой части города под парками и другими зелеными насаждениями занято всего лишь немногим более 10% площади. Но в Большом Токио она возрастает до 50%. В целом Япония пока что отстает от других развитых стран по площади зеленой зоны в расчете на душу населения. В соответствии с государственной программой проведения общественных работ, рассчитанной до 2000 года, она должна увеличиться почти вдвое против конца 80-х годов (с

5,4 до 10 кв. м)<sup>1</sup>. Столичные парки (Уэно, Хибия, Каракуэн, Синдзюку, Ёёги и многие другие, в том числе при многочисленных храмах) содержатся в прекрасном состоянии. Японцы весьма бережно сохраняют и обновляют старые ландшафтные парки и создают новые.

Примером обновления старых может служить парк Асукаяма в районе Кита в Токио. Он ведет свою историю с начала XVIII в., когда по приказу сёгуна Токугава Ёсимунэ здесь были высажены деревья сакуры, саженцы которых были взяты из парка замка Эдо. В послемэйдзийскую эпоху Асукаяма стал одним из первых национальных парков. Колоссальный урон был нанесен ему во время войны. Но поскольку он был одним из любимых мест любования сакурой, то уже в начале 60-х годов его начали восстанавливать. Парк был передан городским муниципалитетом в ведение районных органов власти.

С начала 90-х годов осуществляется проект по его переустройству — куплено 10 тыс. кв. м сада, ранее принадлежавшего выдающемуся деятелю реставрации Мэйдзи Сибудзава Эйити. Обновляются посадки, подсаживаются новые виды сакуры, отличающиеся друг от друга временем цветения. Таким образом, продлевается срок любования ею. На территории парка построен музей народного быта и открытая площадка для представлений, а также мемориальный музей семьи Сибудзава. Проект завершился к 1995 г. Смотровая башня высотой 25 м — символ этого парка.

Подобных парков много по всей стране. Например, ландшафтный Кайраку в г.Мито (преф. Ибараки) тоже был основан одним из членов семьи Токугава в первой половине XIX в. Название парка означает — получать удовольствие вместе с другими. Особую значимость придает парку любование цветущими сливовыми деревьями, которых здесь более трех тысяч. Традицию древних правителей страны — создавать парки в городах продолжают органы местного самоуправления. Но сейчас они преследуют более прагматичные цели. Например муниципалитет г.Майдзуру (преф. Киото) создал новый парк рядом с железнодорожной станцией и стоянкой машин. Цель его — улучшение окружающей среды. На площади в 800 кв. м высажены столь любимые японцами деревья сакуры и клена. Стекланный забор, высотой 1,2 м отгораживает место стоянки машин. Композиционным центром парка является 12-метровая башня с часами, повторяющая башенку с солнечными часами старого замка Танабэ.

Нехватка земли в больших городах, с одной стороны, и необходимость решать проблему утилизации промышленных и бытовых отходов, проще говоря свалок, с другой, привели к широко реализуемой программе отвоевывания земли у моря. Примером могут служить работы в

---

<sup>1</sup> Asahi Evening News. 29.10.1901.

Токийском заливе. На его берегу находилась огромная мусорная свалка. Более того, в прибрежные воды выбрасывалась масса бытовых отходов со всего города, не говоря уже о производственных предприятиях, построенных здесь в период высоких темпов экономического роста. В результате Токийский залив в этом районе превратился в гигантское загрязненное и заболоченное пространство. Зловонная свалка называлась «Остров грез». Спустя десятилетия на этом месте действительно появился «Остров грез» без промышленных предприятий, с пляжами, парками, аллеями, суперсовременными постройками. Поистине вызывает восхищение своим суперсовременным обликом птичий заповедник, созданный весной 1994 г. на 27 га осушенной площади Токийского залива. Он примыкает к тематическому парку, посвященному жизни моря. На создание этого заповедника муниципалитет израсходовал 5,9 млрд. иен. Строительным материалом для этого рукотворного острова во многом послужили производственные и бытовые отходы со свалок. Была разработана специальная технология использования отходов в сочетании с грунтом, по типу слоеного пирога. При строительстве были приняты все меры предосторожности, чтобы жители не ощутили дискомфорта от многолетних перевозок этого специфического груза. Остров площадью свыше 450 тыс. кв. м был насыпан за 10 лет. В настоящее время таким же способом создаются новые острова.

Разбиваются парки также и на ранее недоступных землях бывших американских военных баз и полигонов. В преф. Ибараки на площади, возвращенной под юрисдикцию японского правительства в 1991 г., началась реализация крупнейшего префектурного проекта по возвращению к жизни земли. Здесь создается, в частности, национальный парк на побережье Тихого океана. Он будет состоять из шести зон: прибрежная (пляжная), зеленая (газонная), песчаных дюн, культурная, спортивная и лесная. Достопримечательностью парка является консервация уцелевшего уникального природного ландшафта с его красной и черной сосной, редким разнотравьем. Уникальность этого проекта в том, что парк вовлечет в свою орбиту несколько городов — Кацута, Хитати и Накаминато. Подобный парк ранее уже был создан на землях американской базы Татикава недалеко от Токио.

Такая политика далеко не случайна. В ней важны не только природоохранная сторона, значимость которой особенно проявилась в последние десятилетия, но и социокультурная. В жизни японцев природная среда обитания играет исключительно важную роль, составляя один из главных элементов их мироощущения, о чем уже говорилось. Примечательно, что среди четырех объектов памятников мирового значения, находящихся под эгидой ЮНЕСКО с 1944 г., наряду с древнейшим храмом Хорюдзи, недалеко от Нара и средневековым замком

Химэдзи, два природных — остров Яку в 70 км на юго-запад от о.Кюсю и гора Сираками на границе префектур Аомори и Акита.

В настоящее время в связи с Законом о национальных парках (заповедниках) устроено 27 общенациональных и 54 так называемых квазинациональных, разбросанные по всей стране. Общенациональными парками-заповедниками объявлен исключительные по красоте природные уголки или те районы, где находятся рукотворные памятники, признанные народным достоянием (Хаконэ-Фудзи-Идзу или Никко, например). Квазинациональными считаются имеющие префектуральное значение. В конце 80-х годов в стране насчитывалось 379 природных парков, включая небольшие заповедники для охраны достопримечательностей местной флоры и фауны. Они занимают площадь в 5,3 млн. га. Национальные парки находятся в ведении департамента по защите окружающей среды при канцелярии премьер-министра. Остальные — префектуральных властей и министерства здравоохранения и социального обеспечения,

«Культура формы», или катаизированность, о чем говорилось выше, вторгается и в создание парков, что кажется несовместимым с природой. Местные органы разрабатывают специальные положения по организации парков, в которых четко определено, какие деревья (большие или маленькие, какой разновидности) и на какой площади должны быть высажены, как оборудовать детские площадки в них. Все это очень удобно для администрации, но доставляет не так много радости и удовольствия посетителям, как традиционные национальные парки, которые при определенном наборе компонентов всегда имели свое лицо.

В условиях бурного развития урбанизации все парки стоят перед дилеммой: остаться уголком нетронутой природы или вписаться в «цивилизованную» жизнь. Примером могут служить природные парки в преф. Тоттори на побережье Японского моря. Один из них расположен у подножья горы Дайсэн, которая в древности обладала необыкновенно привлекательной силой для японцев. Очертаниями она чем-то напоминает прославленную Фудзи-сан. На полпути к вершине расположился буддийский храм Дайсэн, традиционное место паломничества. Старые тропы заменила канатная дорога. Современных паломников-туристов привлекают: весной — пробуждающаяся природа, летом — отдохновение от шума городской жизни, осенью — традиционное любованье багряными листьями кленов и зимой — лыжные прогулки. Последним и вторгается современная жизнь в этот почти нетронутый мир природы. Гора Дайсэн — единственное в западной Японии место, где оборудуются лыжные трассы, годные и для общенациональных соревнований.

На земли у подножья Дайсэн нацелились компании, занимающиеся курортным бизнесом. В проектируемую курортную зону должно войти

147 га (среди них 13% парковой земли), на которых сейчас расположено два города, 15 городков и 1 деревня. Планируется построить 8 площадок для гольфа, 11 отелей и 250 коттеджей. Этот проект вызвал неоднозначную реакцию местных жителей, поскольку часть земли должна быть отнята у национального парка. Местные политики использовали эти планы как средство в предвыборной борьбе. Сторонники его реализации пока что проиграли.

\*\*\*

Забота о сохранении среды обитания, как природной, так и рукотворной остается одним из приоритетов национальной политики, которая поддерживается большинством населения. Своего рода символом такой политики является введение в 1989 г. государственного праздника — Дня зелени (29 апреля), название которого говорит само за себя. Ранее это был день рождения императора Хирохито (посмертное имя Сёва). В послемэйдзийской Японии дни рождения здравствующих императоров — всегда нерабочие дни. Празднование Дня зелени свидетельствует о том, что идеологический аспект отходит как бы на задний план и выдвигается такая глобальная проблема, как экология.

## Глава девятая

# КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Понятие качества жизни. Довоенный уровень потребления. Рост доходов в послевоенный период. Основные показатели качества и уровня жизни. Жилищные условия. Уровень потребления предметов длительного пользования. Тенденция к приобретению дорогостоящих товаров. Изменения в питании населения. Состояние здравоохранения и социального обеспечения. Уровень преступности. Новая модель качества жизни.

Два этапа модернизации страны оказали огромное влияние на изменение образа, уровня и качества жизни ее населения, ибо эти сферы бытия неразрывно связаны с социально-экономическими условиями. На заре развития человечества эта связь была непосредственной — образ жизни всецело зависел от способа получения средств существования. Но по мере углубления цивилизационных процессов, она становится все более опосредованной и сложной. Свой отпечаток накладывают также живущие вблизи, а затем и на далеком расстоянии этносы. Однако суть остается прежней: изменение экономических условий существования ведет за собой перемены в образе жизни. Такая связь сохраняется и в наши дни в условиях все ширящегося взаимодействия, взаимопроникновения культур, в эпоху интернационализации экономической и социальной.

Вместе с тем большое влияние на образ жизни людей оказывают уже сложившиеся в прошлом традиции. Но, как явствует из предыдущих глав, конечно, имеет место и обратная связь: культурные и исторические традиции, то есть образ жизни людей, оказывает воздействие на экономическое развитие страны. Постоянно действуют две тенденции — изменение существующего образа жизни под влиянием научно-технического прогресса, т.е. модернизации, с одной стороны, и сохранение традиционных жизненных основ, с другой. Япония является примером органичного сочетания этих двух тенденций, причем обе они проявляются исключительно ярко. Японцы весьма охотно и быстро впитывают в себя инновации в любых областях, в том числе и образе жизни, и одновременно, остаются верными традициям далекого прошлого, о чем уже подробно говорилось в первых главах.

Социологи оперируют различными понятиями для характеристики бытия человека. К ним относятся «качество жизни», «уровень жизни», «образ жизни», «стиль жизни». Четких критериев для различения этих понятий пока еще не введено. Например, что касается качества жизни, то по сути оно тождественно понятию «качественные характеристики

образа жизни»; уровень жизни составляет материальную основу образа жизни, которая проявляется в структуре потребления, степени удовлетворения потребностей. Образ или стиль жизни включает материальную и духовную сферы. Все эти категории имеют качественные и количественные стороны. К первой относятся условия и содержание трудовой деятельности, доступность системы образования и духовных ценностей, состояние окружающей среды, организация быта и досуга, питание, социальное обеспечение и здравоохранение. Ко второй — объем потребления материальных благ<sup>1</sup>.

В данной работе рассматривается категория качества жизни, впервые введенная американским ученым Джоном Гэлбрайтом. Под этим понятием он подразумевает все блага, которые могут быть предоставлены потребителю в развитом индустриальном обществе. Качество и уровень жизни будут рассматриваться в контексте образа жизни, ряд аспектов которого уже освещены в предыдущих главах.

Специалисты ООН по проблемам развития человечества разработали критерии определения качества жизни. К ним прежде всего относятся продолжительность жизни, занятость населения, покупательная способность, доступ к политической жизни, состояние здравоохранения и образования, экономическая и политическая стабильность, жилищные условия, возможность проведения досуга, весь спектр духовной жизни. Согласно данным ООН на 1993 г., Япония вышла на первое место по индексу качества жизни, который аккумулирует все вышеназванные показатели.

А ведь еще сравнительно недавно, в предвоенные годы, эта страна, несмотря на быстрый экономический рост, продолжала весьма сильно отставать от ведущих западных стран по уровню жизни, который был очень далек от их стандартов. Размеры заработной платы были в несколько раз ниже, условия труда исключительно тяжелыми, социальная защита мизерной, питание крайне скудным. Образ жизни людей в значительной степени оставался прежним. Хотя в 30-е годы в стране уже производили европейскую одежду, швейные машины, радиоприемники, велосипеды, часы и другие подобные товары, но они в основном шли на экспорт.

Американский исследователь Дж.Б.Коен, характеризуя положение в Японии в 30-е годы, отмечал, что «жизненный уровень рядового японца был значительно ниже, чем на Западе. Он жил в доме, построенном из дерева и бумаги, питался рисом, бобовой пастой и рыбой, в лучшем случае изредка отведывал мяса, молоко и сливочное масло, носил одежду из хлопчатобумажных тканей или из тканей штапельного волокна (шелк являлся в Японии предметом роскоши и производился до 1937 г.

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: Современные концепции уровня, качества и образа жизни. М., 1978; Барулин В.С. Социальная жизнь общества. М., 1987; Иванов В.Н. Социология сегодня: опыт и проблемы социологического исследования. М., 1989; Социология. М., 1990.

главным образом для экспорта), матерчатые ботинки на резиновой подошве (редко на кожаной), а чаще всего еще более дешевые деревянные «гэта». Автомобили, стиральные машины, канализированные уборные, радиоприемники и пр. были ему совершенно неизвестны... Потребительские расходы в Японии на душу населения за период с 1936 по 1937 гг. в среднем составляли примерно 98 долл. по сравнению с 354 долл. в Германии»<sup>1</sup>. К этому надо добавить самый высокий из перечисленных стран уровень смертности в Японии: на 1 тыс. жителей — 17,7 человек, в том числе детской — 124,2 на 1 тыс. новорожденных<sup>2</sup>. Далеким от европейского был и весь облик страны.

Таким образом, быстрый рост японской экономики в конце XIX — первой половине XX в. в условиях милитаризации народного хозяйства, усиленной подготовки и ведения военных действий не смог улучшить положения трудящихся, он даже не стабилизировал их доходы, которые обесценивались в процессе инфляции, обусловленной военной конъюнктурой. Практически не изменился и повседневный уклад жизни подавляющего большинства населения. Не повлияли на него и достаточно глубокие изменения, происшедшие в политической и духовной сферах. Совсем другая картина наблюдается в послевоенный период, период мирного демократического развития Японии, когда был совершен большой скачок.

Быстрый рост экономики страны, усвоение ею мировых достижений науки и техники, улучшение качества продукции и превращение Японии в одну из передовых стран, т.е. все, что принято сейчас называть японским экономическим чудом, привело к значительному изменению положения всех слоев общества: сделало возможным улучшение питания населения, его жилищных условий, медицинского обслуживания и обогатило духовную жизнь, иными словами, резко повысило уровень и качество жизни населения. Экономика начала работать не на войну, не на производство ради производства, а прежде всего на удовлетворение конечного потребительского спроса, то есть на человека.

Резко возросли доходы трудящихся. Если в 60-е годы Япония еще сильно отставала от других высокоразвитых стран по уровню заработной платы, то в начале 90-х годов даже почасовой заработок японцев (а они работают большее количество часов в году, чем трудящиеся западных стран) был уже выше, чем у американцев. Так, в 1991 г. этот показатель составил 15,77 ам. долл., в то время как в США — 11,18; ФРГ — 12,84; Англии — 9,91; Франции — 7,14<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Коен Дж.Б. Военная экономика Японии. М., 1951, с.323-324.

<sup>2</sup> Ёмиури нэнкан. Токио, 1955, с.828; Нихон кокусэй дзүзү (Япония в диаграммах и цифрах). Токио, 1988, с.530.

<sup>3</sup> Japan. An International Comparison. 1994, с.65.

Перемены в качестве жизни очень точно описал американский журналист Уэс Бенсон: «В 1958 г. двери переполненных электрочек с шумом открывались и извергали массу одетых на один манер мужчин и женщин, стремящихся в свои офисы, в которых было холодно зимой и душно летом. Можно было видеть миллионы белых носков, черных ботинок из искусственной кожи, похожей на пластик, скромных темно-синих костюмов, белых сильно накрахмаленных сорочек и мрачных галстуков. Все мужчины выглядели так, будто они стриглись у одного парикмахера. Женщины были аккуратно одеты в скромные платья без какой-либо печати индивидуальности, а их прически и косметика свидетельствовали о том, что им некогда заниматься своей внешностью.

В 1988 г. двери современных, оборудованных кондиционерами пригородных поездов открывались бесшумно, и из них выходила масса мужчин и женщин, одетых по международным стандартам. Большинство мужчин было в полосатых сорочках и ярких галстуках (или даже без галстуков), блэйзерах и фирменных костюмах, в туфлях из прекрасной кожи; женщины демонстрировали лучшие мировые фасоны, а их косметика и прически говорили о творческой изобретательности и индивидуальности.

...Они жили в домах, оснащенных самыми современными удобствами, о чем тридцать лет назад из них никто не мог и мечтать. В их офисах, расположенных в ультрасовременных зданиях, создан микроклимат, и они весьма комфортабельны и удобны для работы, хотя еще тесны по европейским меркам»<sup>1</sup>.

Такое же впечатление о разительных переменах в облике Японии ярко передал и немецкий японовед Юрген Берндт. «Многое в этой стране создается в поистине захватывающем темпе. То, что сегодня еще актуально, завтра безнадежно устареет. Даже сложившиеся в течение длительного периода жизненные навыки, составляющие самые консервативные факторы в укладе каждого народа, в Японии зачастую претерпевают быстрые и коренные изменения. Когда я сравниваю многое из увиденного мною в 1958 г. с тем, что было гораздо позднее, то не нахожу ничего общего — будто попал в другую страну»<sup>2</sup>.

Подобные оценки делаются и японскими учеными. В частности, президент Исследовательского института по проблемам культуры при фирме «Санрё», специализирующейся на производстве товаров широкого потребления, отмечает: «Образ жизни общества меняется так быстро, что невозможно предсказать будущее на основе данных прошлых лет»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> The Japan Economic Journal, 02.04.1988, с.18.

<sup>2</sup> Берндт Ю. Лики Японии. М, 1988, с.9.

<sup>3</sup> The Japan Economic Journal, 23.09.1989, с.3.

В последние десятилетия по многим показателям уровня и качества жизни Японии неизменно шла по восходящей линии. Здесь наблюдается по сравнению с другими развитыми странами самая высокая продолжительность жизни, самое меньшее число разводов и самоубийств, низкая смертность, в том числе детская. Так, в 1993 г. продолжительность жизни для мужчин составила 76,25 лет, для женщин — 82,51. Число разводов на 1 тыс. жителей — 1,45 (1992) против 1,87 во Франции (1990) и 4,73 в США (1991). Смертность на 1 тыс. жителей — 6,1 (1989) против 8,2 в США, 6,1 — во Франции, 8,1 — в ФРГ и 8,3 — в Англии. В том числе детская смертность в течение одного года на 1 тыс. новорожденных — 4,6 против 7,4 в ФРГ, 8,4 — в Англии и 10,0 в США<sup>1</sup>.

Согласно сравнительному статистическому анализу, проведенному Бюро экономического планирования в 1987 г. по 151 показателю уровня жизни в Японии, Англии, США и ФРГ, Япония была на втором месте по экологической ситуации и экономической стабильности. В то же время она значительно отставала по жилищным условиям (хотя они постоянно улучшаются), социальной активности (имеется в виду деятельность различных обществ потребителей, добровольческих отрядов, клубов), а также в отдельных сферах культурной жизни, в частности по числу библиотек и выпуску новых книг на душу населения<sup>2</sup>.

Постепенно создаются условия для творческой деятельности на производстве и в свободное от работы время. Формируется система переквалификации в связи с увеличением активного трудоспособного возраста (один из способов решения проблемы старения населения), облегчаются и улучшаются условия труда, расширяются возможности преодоления последствий автоматизации и чрезмерной урбанизации.

Новые условия воспроизводства трудовых ресурсов предопределяют духовные и нравственные сдвиги в жизни общества, ведут к перестройке общественного сознания. Общее повышение и выравнивание образовательного уровня сближает культурные интересы различных групп населения. И духовные ценности постепенно становятся доступными широким слоям народа. В результате японское общество приобретает более «гуманное» лицо. Все это вместе взятое свидетельствует о неуклонном и весьма значительном росте качества жизни.

Из всего многообразия элементов уровня и качества жизни в первую очередь внимание привлекают те, в которых произошли наибольшие перемены, и те, которые в то же время сохранили старые традиции.

Одним из важнейших компонентов качества жизни является уровень личного потребления. В послевоенные годы отмечался устойчивый пос-

---

<sup>1</sup> Japan. An International Comparison. 1994, с.9, 90; Нихон кокусай дзюу, с.531.

<sup>2</sup> The Japan Economic Journal, 11.04.1987, с.24.

тупательный рост реальной заработной платы, семейных доходов, сбережений и соответственно личного потребления граждан. Согласно данным официальной статистики Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), по темпам прироста конечных потребительских расходов на душу населения Японии в 1960-1987 гг. занимала второе место среди 24 стран, входящих в эту организацию. В конце 80-х годов по объему этих расходов она достаточно близко подошла к уровню США (92%)<sup>1</sup>. Значительно улучшилась и их структура. Достаточно сказать, что к концу 80-х годов коэффициент Энгеля (доля расходов на продовольствие и табак) упал более чем вдвое против 1960 г. и составил 21%<sup>2</sup>. Постоянно росли, совершенствовались и создавались новые объекты личного потребления.

Одним из главных показателей качества жизни являются жилищные условия. В послевоенный период жилищный фонд Японии во многом был создан заново. Появился новый тип индивидуального и коллективного жилья, многоквартирные дома, что произвело фактический переворот в традиционном укладе жизни. Постоянно растет количество единиц жилья, включая индивидуальные дома и квартиры. В 1988 г. они составляли 42 млн. (в 1948 г. — менее 14 млн.). В собственных домах сейчас живет 61,3% жителей, остальные — снимают. По сравнению с 1983 г., в 1988 г. доля собственных домов снизилась из-за высокой стоимости земли в городах под жилищное строительство.

В домах увеличилась жилая площадь. В конце 80-х годов она составляла в среднем 85 кв. м. Но пока эта цифра все же еще намного меньше, чем в других высокоразвитых странах, например, в США — 167 кв. м (1990); Франции — 106; Германии — 102 (1989). Японцы планируют достигнуть такой уровень лишь к концу века. Однако подобное сравнение не совсем корректно, поскольку в шкале их ценностей комфорт жилья стоит далеко не на первом месте. Они предпочитают одеть семью, накормить ее, обеспечить минимальный кров, дать детям образование, а затем уже думать как все это улучшить. Кроме того, традиционное японское жилище всегда было функционально организовано, но никогда не отличалось большими размерами.

Однако по мере роста благосостояния населения требования к качеству жилья постоянно повышаются. Например, в 1973 г. свыше 20% семей были удовлетворены своими жилищными условиями, в 1983 г. таких было лишь 9%. В конце 80-х годов примерно 10% семей (3,5 млн.) располагали площадью, которая не обеспечивает необходимые условия для детей и стариков. В целом более половины всех семей были недовольны своими жилищными условиями по той или иной причине

---

<sup>1</sup> Нихон кэйдзай кэнкю, 1990, № 20, с.46-48.

<sup>2</sup> Там же, с.49.

(плохая шумоизоляция от соседства скоростных автодорог и электричек, отсутствие места для стоянки автомашин и пр.)<sup>1</sup>.

Если раньше в жилищной политике приоритетной была проблема удовлетворения минимальных потребностей семей в жилье, то в настоящее время государство содействует созданию высококачественного жилого фонда, отвечающего новым потребностям и высоким запросам населения. Для этого принимаются различные меры по расширению налоговых льгот для приобретения жилья, увеличению размеров и улучшению условий целевого кредитования.

Такую же политику в отношении своих работников проводят и частные компании, главным образом крупные корпорации. Если раньше они строили дома в основном с квартирами небольшой площади, то теперь идут по пути предоставления наемным работникам различных льгот для стимулирования строительства индивидуальных домов. Это — низкопроцентные ссуды, страховые целевые взносы и большие бонусы. Подобная политика, например, металлургических компаний, привлекла на их предприятия в 1987 г. почти 50% выпускников колледжей<sup>2</sup>. Однако мощным ограничителем развертывания жилищного строительства остаются высокие цены на землю, что представляет собой одну из серьезнейших общенациональных проблем.

С повышением уровня, диверсификацией и индивидуализацией образа жизни в стране расширяется спрос на жилье экстракласса, о чем уже говорилось. Традиционный дом не слишком удобное жилище с точки зрения европейца, ибо он лишен привычного отопления, бытовых удобств, сидеть и спать в нем надо на полу, устланным циновками, здесь практически отсутствует мебель. Если водопроводом в Японии дома оснащены были в первой половине 80-х годов почти полностью (на 94%), то канализация отсутствовала более чем в 40% индивидуальных домов, в то время как в США, Англии и ФРГ уже в середине 70-х годов ее не было лишь в 1-4% домов<sup>3</sup>.

В настоящее время интерьер традиционного дома претерпел серьезные изменения. Раздвижные бумажные перегородки между комнатами заменили железобетонные стены. Каждая комната получила свое функциональное назначение. В жилищах появилась европейская мебель, которая потеснила, но однако, не вытеснила традиционную, например, низкий столик для еды и подушки вокруг него для сидения (*дзабутон*). Как правило, в квартире одна комната по-прежнему оформлена в японском стиле: с *татами* (соломенная циновка), *токонома* (ниша в углу комнаты), в которую ставят *икэбана* или вешают *какэмо*-

---

<sup>1</sup> Нихон кокусэй дзюэ. 1993, с. 508-510.

<sup>2</sup> Сэкай, 1988, № 510, с.98.

<sup>3</sup> Нихон кокусэй дзюэ. 1993, с.508-510; Japan. An International Comparison, 1994, с.84.

но (японская картина-свиток). В таких комнатах японцы любят, как и прежде, устраивать традиционную чайную церемонию (*тя-но ю*).

За последние годы коренным образом изменились ваннные и туалетные комнаты. Ванная комната соединила в себе европейский комфорт и японскую традицию. Раньше, установленные в них ванны европейского типа были невелики — 80-90 см длиной. Теперь она варьируется от 1,2 до 1,6 м. Это делается не только для комфорта, но и для того, чтобы, как и прежде в *фуру*, в одной ванне могли находиться одновременно 2-3 человека. Этому не приходится удивляться, потому что в *фуру* (температура воды в которой непривычно высока для иностранцев — 40-42°) расслабляются, отдыхают, предварительно тщательно вымывшись. Во многих домах устанавливаются ванны квадратной формы, достаточно глубокие, чтобы в них было удобно сидеть, погрузившись в воду до подбородка. Ванны оснащены всем современным оборудованием для нагрева воды и регулирования ее температуры. Как правило, в ваннных комнатах устанавливается и душ.

Отдельного разговора заслуживает оборудование туалетных комнат, ибо здесь произошли поистине колоссальные перемены. Прежде всего это касается введения принципиально новых моделей унитаза западного типа. Они были столь непривычны для японцев (которые использовали оборудование, не приспособленное для сидения), что вплоть до 80-х годов в общественных уборных имелись инструкции по их использованию. Если в 1969 г. 75% производства унитазов приходилось на японский тип, то в 1991 г. эта цифра сократилась до 19%<sup>1</sup>. Такого вида туалеты сохранились лишь на железнодорожных вокзалах, в парках, местах массового отдыха. 90% всех железнодорожных станций в стране имеют туалеты только японского стиля, ибо считается, что они все-таки более гигиеничны. Все большей популярностью пользуются унитазы, оснащенные программными установками — электронным блоком управления с соответствующим набором сенсоров, термодатчиков и пр. Простым нажатием кнопки сиденье подогревается до комфортной температуры, омывается и высушивается тело. Разработаны также специальные унитазы для престарелых и инвалидов. В самые последние годы началось производство туалетов, способных автоматически проводить клинический анализ мочи с немедленным получением результата. В начале 90-х годов 5,3 млн., или 25% всех используемых унитазов европейского типа, были оснащены новейшим оборудованием. Постоянно увеличивается число фирм, которые заняты выпуском сантехнического оборудования. Они успешно выходят на зарубежные, в первую очередь американские, рынки.

---

<sup>1</sup> Асахи симбун. 12.11.1991.

Повышенное внимание японцев к расширению ассортимента и повышению качества сантехнического оборудования, возможно, связано с культом чистоты, присущим *синто*. С глубокой древности известны ритуалы очищения, которые позже проявились в известной чистоплотности и опрятности японцев. Поистине одой японскому туалету можно считать страницы известного эссе классика современной японской литературы Танидзаки Дзюнитиро «Похвала тени». Он пишет, что посещая «полутемные, но идеально чистые уборные, построенные в старинном японском вкусе, я до глубины души восхищаюсь достоинствами японской архитектуры. Комнаты для чайной церемонии тоже имеют свои хорошие стороны, но японские уборные поистине устроены так, чтобы в них можно было отдыхать душой. Они непременно находятся в отдалении от главной части дома, соединяясь с ней только коридором, где-нибудь в тени древонасаждений, среди ароматов листвы и мха. Трудно передать словами это настроение, когда находишься здесь в полумраке, слабо озаренном отраженным от бумажных рам светом, и предаешься мечтаньям, либо любишься через окно видом сада... Находясь в такой уборной, я люблю слушать шелест дождевых капель... Я думаю, что поэты старого и нового времени именно здесь почерпнули бесчисленное множество своих тем»<sup>1</sup>.

Возможно отражением такого восприятия «этих мест» служит создание в последние годы в зданиях крупных корпораций туалетных комнат не только повышенной комфортности, но и отвечающих принципам японской эстетики. Например, компания «Фудзита» (район Сэндагай г.Токио) в своем офисе оборудовала туалетную комнату, одна стена которой полностью застеклена и выходит в сад. В больших университетах специальные дизайнеры работают над оформлением туалетных комнат, что, несомненно, делается и с целью привлечения покупателей. Особое внимание уделяется в стране общественным туалетам. Это — своеобразный предмет гордости муниципалитетов. Местные власти заботятся о них не меньше, чем, например, о безопасности движения или вывозе мусора. Каждый год в стране проводится конкурс городов и деревень на лучший общественный туалет, который широко освещается в средствах массовой информации. Победа на нем — весьма престижна.

Повышение доходов населения вызвало активный потребительский спрос на предметы длительного пользования, его диверсификацию и индивидуализацию. В стране трудно найти семью, которая бы не имела холодильника, стиральной машины, пылесоса, цветного телевизора. Согласно статистическим данным, в 1993 г. их имели 98-99 % всех семей, 87% — владели фотоаппаратами, 81% — имели микроволно-

---

<sup>1</sup> Танидзаки Дзюнитиро. Избранные произведения, т.1, М., 1986, с.484-485.

вые печи, 80 — автомашины, 75 — видео, 72 — кондиционеры, 61 — стереомагнитофоны, 54 — проигрыватели для компакт-дисков, 53 — кнопочные телефоны, 12 — персональные компьютеры, 7% — аппараты факсимильной связи<sup>1</sup>. Надо отметить, что по многим показателям уровень владения предметами длительного пользования, в частности телевизорами, холодильниками, стиральными машинами, пылесосами, в городе и в сельской местности практически одинаков, а по автомашинам — в деревне он даже выше.

В последние годы на рынке потребительских товаров начинает пробивать себе дорогу тенденция к приобретению крупногабаритных, многоцелевых и более комфортабельных предметов длительного пользования. Японцы начинают покупать холодильники с большими морозильными камерами (680 литров) с тремя-четырьмя дверями (они составляют уже примерно половину общего числа используемых аппаратов), полностью автоматизированные стиральные машины, вакуумные пылесосы с программной системой, гладильное оборудование, посудомоечные машины.

Производители, пропагандируя свою крупногабаритную продукцию, даже хотят убедить покупателей, что «большое — это красиво», хотя миниатюрные вещи для японцев куда привычнее. Любовь японцев к изящным, небольшим вещам тонко подметил еще в 20-е годы русский писатель и художник Д.Бурлюк. Он писал: «Японцы — интимисты — они любят все грациозное, не громоздкое: плетеночку из рисовой соломки, решеточку из дерева, природный камень, красиво поставленный в крохотном садике»<sup>2</sup>.

Это замечание, несмотря на большие холодильники и стиральные машины, остается справедливым и сегодня. Пристрастие японцев к небольшим вещам сохраняется неизменным. Об этом пишет один из создателей компании «Сони» Морита Акио. «Миниатюризация и компактность всегда импонировали японцам. Наши коробки можно вставлять друг в друга, у нас складные веера, наши картины сворачиваются в аккуратные свитки; ширмы с художественным изображением целого города можно аккуратно сложить и спрятать или же расставить для нашего удовольствия, развлечения и воспитания, а то и просто для того, чтобы перегородить комнату. И мы поставили своей целью создать радиоприемник, достаточно маленький, для того, чтобы поместиться в кармане. Не просто портативный, а карманный»<sup>3</sup>.

В современных японских домах, буквально «набитых» всевозможной бытовой техникой, по-прежнему остается место и для цветов. Спрос

---

<sup>1</sup> Japan. An International Comparison, 1994, с.82.

<sup>2</sup> Бурлюк Д. По Тихому океану. Из жизни современной Японии. Нью-Йорк, 1927, с.5.

<sup>3</sup> Морита Акио. Сделано в Японии. М., 1990, с.113.

на них в последние годы породил бум их производства. С 1970 по 1990 гг. оно выросло в 3,5 раза<sup>1</sup>. С конца 80-х годов японцы тратят больше всех в мире на покупку срезанных цветов в расчете на одного человека. По количеству, скажем, в Голландии или Германии покупают их больше, но в Японии они более высокого качества и потому очень дорогие. Например, уже несколько лет продолжается «бум» белой лилии сорта Касабланка. Выращивается она в Голландии, а покупают ее ввиду дороговизны в основном в Токио и Нью-Йорке.

Цветы стали поистине символом достатка японской семьи. Цветы — прежде всего престижный, изысканный и подчас очень дорогой подарок. В последнем случае чаще речь идет о композициях цветов (*икэбана*), предназначенных для оформления конференций, совещаний, концертных выступлений, а также об официальных подарках фирм. Цветы, безусловно, присутствуют на домашних вечерах, свадьбах, банкетах, похоронах, а также как повседневное украшение дома. Пожалуй, такой спрос на цветы в известной мере можно объяснить не просто ростом благополучия, но и тягой к природе в наш урбанизированный век. Как известно, японцам присущ культ природы.

В последние годы значительно повысился спрос на высококачественные товары и услуги, японские потребители достаточно ярко проявляют пристрастие к дорогим и даже роскошным вещам и первоклассному сервису. О строительстве роскошных вилл европейского стиля уже говорилось. Формирование такого вкуса начинается уже с подросткового возраста. По свидетельству директора одного из крупнейших универмагов торговой фирмы «Сэйбу», в Токийском районе Икэбукуро, наряду с женщинами, основными покупателями являются подростки. Для них создаются специальные магазины молодежной моды, где цены отнюдь не низкие и не только на импортные товары, которые ныне в большой моде, но и на отечественные. В таких магазинах учащиеся охотно покупают, например, школьные сумки по цене, за которую можно приобрести подержанный автомобиль. Таким образом, с детских лет привыкая к дорогим импортным вещам, став взрослыми, они психологически будут готовы купить дорожную сумку за несколько тысяч долларов<sup>2</sup>.

Можно сказать, что уже четко обозначилась тенденция к вкладыванию капитала в предметы роскоши, а также в коллекционирование. Примером может служить аукцион Сотбис, который однажды был назван «японским», ибо большинство лотов было приобретено японцами. Возросла тяга к собиранию японского антиквариата. В частности, большой популярностью у нового поколения покупателей пользуется извес-

---

<sup>1</sup> Ногэ хакусэ фудзоку токэйхэ. 1993, с.31.

<sup>2</sup> The Japan Economic Journal, 04.11.1989, с.10.

тный рынок предметов японского искусства в районе Синдзюку около храма Ханадзоно. Он функционирует во вторую и третью субботу каждого месяца. На нем собирается более 80 дилеров не только из Токио и близлежащих префектур, но и из отдаленных. Примечательно, что если раньше такого рода рынки посещали в основном люди пожилого возраста и весьма зажиточные, в поисках, например, редкого экземпляра китайского и японского фарфора, то теперь здесь можно встретить толпы домохозяек и молодежи. Их интерес к старине подогревается всемерной пропагандой японской традиционной культуры и искусства в прессе и на телевидении.

Подобные ярмарки устраиваются и в других городах. Они привлекают значительное число зарубежных туристов. В Киото, например, известная ярмарка Кобо при храме Тодзи входит в туристический маршрут по городу. Ее посещает одновременно до 30 тыс. человек. Согласно опросу общественного мнения, проведенному в 1969 г., 61% респондентов считали ужин за 80 долл. вполне обычным явлением, 75% — иметь видеокамеру с видеомagneтофоном, 43% — отдых на зарубежном курорте<sup>1</sup>.

Улучшение качества жизни японцев проявилось в их питании, которое сейчас существенно отличается от довоенного. Перед самым началом второй мировой войны «большинство японцев все еще боролось просто за полуголодное существование... Обычная крестьянская диета... состояла из смеси вареного риса и ячменя, выступавших в качестве главного продукта, с добавлением овощей и только иногда — рыбы. Согласно одной информации... 90% жителей деревень в преф.Тиба, например, вообще не употребляли мяса и лишь 50-60% потребляли рыбу, причем только по торжественным случаям в те времена года, когда потребление рыбы в Японии является давним обычаем. Положение городских рабочих было лишь немногим лучше»<sup>2</sup>.

Изменения затронули количество и качество питания японцев. Калорийность дневного рациона повысилась с 2020 ккал в 1934-1938 гг. до 2290 ккал в 1960 г. и 2622 ккал в 1991 г.<sup>3</sup> Питание стало более разнообразным и сбалансированным. Чаще стали есть мясо, молоко и молочные продукты, яйца, а также овощи, фрукты, жиры и сахар. За 1965-1988 гг. потребление мяса на душу населения возросло в 3 раза, молока и молочных продуктов в 2,2 раза, фруктов — на 35%, рыбы и морепродуктов — на 32%. В то же время потребление риса уменьшилось<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> The Japan Economic Journal, 21.01.1989, с.12.

<sup>2</sup> Asian Survey, 1975, vol.XV, № 10, с.853. Цит.по: В.Б.Рамзес. Личное потребление в Японии. М., 1985, с.107.

<sup>3</sup> Нихон кокусэй дзүзү. 1993, с.503.

<sup>4</sup> Норинсё токэйхё (Статистический справочник Министерства сельского и лесного хозяйства), 1967, с.471; Ногё хакусё фудзоку токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по сельскому хозяйству), 1990, с.40-41, 43.

Можно сказать, что после второй мировой войны питание японцев вестернизировалось, точнее американизировалось, ибо в наибольшей степени они общались с американцами и перенимали их обычаи: больше стали употреблять хлеба, спагетти, бисквитов, шоколада, мороженого, колбас, сосисок, ветчины, таких овощей как салат, цветная капуста, спаржа, петрушка, перец; японцы стали пить кофе, какао, фруктовые соки, пиво, виски, вина, коньяки. Как это ни выглядит странным, японцы больше увлекаются кофе, чем чаем. Кофе пьют большей частью растворимый, в основном на работе.

В последние десятилетия у японцев, особенно у молодежи, большой популярностью пользуются рестораны типа «Макдональдс», «Кентукки фрайд чикин», предлагающие определенный набор блюд и быстрое обслуживание при сравнительно низкой цене. Появляется цепь ресторанов и японской кухни, например, «Ёсинъя», где подают *удон* (блюдо из японской лапши). Японцы охотно покупают продукты быстрого приготовления в магазинах таких фирм как «Лаусон», «Севен-элевен», «Фэмили маркет», которые имеются в любом районе страны. В них можно разогреть в микроволновой печи приобретенное блюдо. Продукты быстрого приготовления бывают не только западной, но и японской кухни.

В ответ на европеизацию питания разворачивается движение за сохранение интереса к национальной кухне и местным продуктам питания. Например, в г.Ибуки (преф.Сига) предпринята попытка ввести в качестве школьных завтраков японское блюдо типа «*набэ*» (похожее на наше, приготовленное в горшочке). Резкое сокращение потребления риса за счет широкого распространения хлеба и других мучных изделий вызвало кампанию по непременно включению его в школьные завтраки. Растет и число блюд, в состав которых входит рис. Даже при приготовлении одного из новых видов гамбургеров булочка выпекается из рисовой муки, а начинкой служит рубленое куриное мясо с фасолью и соевым соусом. Таким образом, хорошо известное западное блюдо приобретает японский колорит.

Вместе с тем, японский тип питания по-прежнему отличается от западного как по уровню калорийности (в Японии она намного ниже), потреблению белков и жиров, так и по структуре. Он сохраняет свою специфику: заметный удельный вес крахмалистых веществ, преобладание растительных белков над животными, потребление существенной доли животного белка за счет рыбных продуктов, большая доля риса. Японцы, как и прежде, потребляют в основном натуральные продукты. По образному замечанию Ф.Мараини, «японская кухня проявляет тонкое и поэтическое уважение к дарам полей, гор и моря в том виде, в каком человек получает их от природы... японская еда — это приобщение к природе (корень есть корень; лист есть лист; рыба есть рыба), а

количество отмерено так, чтобы избежать пресыщения...»<sup>1</sup>. Из этого же принципа исходит и японская кулинария — составная часть традиционной культуры. Главный девиз национальной кухни — сохранить вкус натурального продукта, естественный цвет и, безусловно, питательные свойства.

В настоящее время, когда культура здоровья начинает завоевывать умы людей, японская кухня привлекает все больше последователей в разных странах, ибо ассоциируется с понятием правильного питания. Действительно, соединение японской традиционной пищи (рис, морепродукты, овощи, соя) с продуктами животного происхождения и фруктами создает хорошую основу для сохранения здоровья. В Японии, как уже упоминалось, самая высокая продолжительность жизни, а также сравнительно низкий уровень сердечно-сосудистых заболеваний. Следует однако подчеркнуть, что сбалансированный и умеренный рацион питания оказывает большое влияние на продолжительность жизни и здоровье человека только наряду с другими факторами качества жизни.

Наиболее важным в этой связи является состояние системы здравоохранения, затраты на которое постоянно возрастают. В 1990 г. они выросли по сравнению с 1960 г. в 4 раза, составив около 6% национального дохода против 3%. По основным параметрам, характеризующим состояние здравоохранения, Япония находится на уровне развитых стран. По количеству больниц, поликлиник и больничных коек она превосходит все страны и незначительно уступает по числу врачей в расчете на душу населения. Постоянно растет штат медицинских работников. В расчете на душу населения с 1970 г. по 1990 г. число врачей и фармацевтов выросло в 1,6 раза, а медицинских сестер — в 2,6 раза.

В стране существует шесть альтернативных систем страхования здоровья, которые охватывают все население:

- страхование здоровья наемных работников частного сектора;
- страхование моряков;
- ассоциации взаимопомощи по страхованию работников государственных предприятий и учреждений;
- ассоциации взаимопомощи по страхованию работников муниципальных предприятий и учреждений;
- ассоциации взаимопомощи по страхованию учителей и других работников частных школ;
- национальное страхование здоровья, осуществляемое муниципалитетами лиц, занятых индивидуальным трудом и неработающих.

Оплата медицинских услуг производится из нескольких источников. Страховой фонд образуется из взносов страхуемых, предпринимателей и государства. Около 30% приходится на долю центрального прави-

---

<sup>1</sup> Мараини Ф. Цит. соч., с.16.

тельства, свыше 5% — местных органов самоуправления и 12% платят сами пациенты (данные на 1990 г.), В частном секторе экономики взносы наемных работников и предпринимателей соотносятся в среднем как 4:6. Учитывая проблему старения населения, доля государства, по-видимому, будет расти. Вышеназванная проблема, а также хронические заболевания — главные задачи, которые стоят перед японским здравоохранением сегодня.

Каждый японец, который имеет постоянное местожительство и минимальный доход, т.е. практически все, за исключением бомжей, получают национальную страховку. Все наемные работники обеспечиваются страхованием по месту работы. В настоящее время все имеющие страховку должны оплачивать 10% медицинских расходов, введена плата за питание при госпитализации<sup>1</sup>.

Здравоохранение — один из важных компонентов системы социального обеспечения, наряду с пенсиями по старости и выплатами нетрудоспособным. В целом система социального обеспечения, которая является немаловажным фактором качества жизни, все еще не адекватна экономическому уровню развития страны, хотя с 70-х годов она постоянно совершенствуется и довольно быстрыми темпами.

Японская концепция социального обеспечения предусматривает гарантию минимального уровня жизни и стабильного существования всех членов общества. Это достигается совместными усилиями государства и частного предпринимательства при координирующей роли правительства в лице министерства здравоохранения и социального обеспечения. При этом особое внимание уделяется поддержанию баланса между затратами общества и каждого индивидуума с тем, чтобы люди получали социальную помощь, соотносимую со средним доходом работника, но не выше. В целом современные японцы ощущают себя сейчас достаточно защищенными, хотя многое еще предстоит сделать, ибо Япония продолжает отставать в этой области от других развитых стран. Доля расходов на социальные нужды в расчете на душу населения — наименьшая среди этих стран, и в частности, почти в 2,6 раза меньше, чем в Швеции, согласно данным за 1987 — 1990 гг.<sup>2</sup> Удельный вес пенсионной системы в общей структуре социального обеспечения страны примерно в 1,5 раза ниже, чем в других развитых странах.

Существовавшие до войны законы в этой области имели очень ограниченный характер и затрагивали лишь определенные группы населения. Например, Закон о страховании здоровья (1922) касался только наемных работников частного сектора экономики. Закон о националь-

---

<sup>1</sup> Нихон кокусай дзюэ. 1993, с.534-536; Japan. An International Comparison, 1994, с.87; Nippon. A Charted Survey of Japan, 1993/1994, Tokyo, 1994, с.312 и др.

<sup>2</sup> Нихон кокусэй дзюэ, 1993, с.530.

ном страховании здоровья (1938), который в идеале охватывал все другие слои населения, фактически не действовал, поскольку его применение было отдано на усмотрение муниципалитетам. Система пенсионного обеспечения государственных чиновников появилась в 70-е годы прошлого века. Что касается наемных работников частных предприятий, то впервые в 1939 г. был принят Закон о страховании моряков. В начале сороковых вступил в силу Закон о пенсионном страховании всех наемных работников, но фактически он не затрагивал занятых в семейном бизнесе. В 30-е годы принимались законы об общественном вспомоществовании, но сфера их применения была исключительно узка. Так что не приходится говорить об их действенности.

Катастрофическое положение населения после поражения во второй мировой войне требовало неотлагательного принятия законов по социальному обеспечению. В 1946 г. был принят и затем в 1950 г. дополнен Закон о национальном вспомоществовании, который заменил довоенное законодательство. Одновременно вошли в силу новые для страны Закон о благосостоянии детей (1947) и Закон о благосостоянии нетрудоспособных (1948). Разработанное в этот же период трудовое законодательство — Закон о профсоюзах (1945), Закон о трудовых стандартах, Закон о страховании и безработице, Закон о страховании наемных работников (все три в 1947 г.) — со своей стороны гарантировало трудящимся условия существования.

По мере улучшения экономического положения страны правительство начинает уделять социальной защите населения больше внимания, расширяя рамки действия системы социального обеспечения. Осуществление исправленного в 1958 г. и вступившего в силу в 1961 г. Закона о национальном страховании здоровья было возложено на органы местного самоуправления. В 1959 г. был принят Закон о национальных пенсиях, распространявшийся на все группы населения. Поправки к обоим законам в 70-е годы значительно увеличили размеры выплат ряду категорий граждан.

В 60-е годы появилась возможность принять ряд законов по оказанию помощи лицам пожилого возраста, матерям-одиночкам и другим, кто был не в состоянии полностью обеспечить свой прожиточный минимум. Это был целый пакет законов — Закон о благосостоянии умственно неполноценных (1960), Закон о благосостоянии стариков (1963), Закон о материнстве и детстве (1964), Закон о пособиях на воспитание детей (имеется в виду при разводах, 1964), Закон о пособиях для воспитания неполноценных детей (1964), Закон о пособиях на детей (1971), который облегчал бремя семейного бюджета.

В условиях перестройки экономики, вызванной экономическим и структурными кризисами середины 70-х годов, появилась необходимость внести коррективы в систему социального обеспечения. Так, в

1974 г. был, в частности, принят Закон о гарантии найма, который заменил уже упоминавшийся Закон о страховании по безработице. Он предусматривал ее предотвращение, стабильность занятости и возможности получения новой квалификации.

С начала 80-х годов при стабильном экономическом положении началась серьезная реформа всей системы социального обеспечения. Она была вызвана прежде всего изменением демографической ситуации. В 1990 г. дети в возрасте до 14 лет составили чуть более 18%, лица в возрасте от 15 до 64 лет — около 70% и старики от 65 лет — 12% (против соответственно 35, 50 и 5% в 1950 г.). Предполагается, что процесс будет набирать силу, и к 2025 г. эти показатели составят 15, 60 и 25%. Подобные изменения происходят и на основе резкого увеличения продолжительности жизни населения и серьезного сокращения рождаемости.

Демографические сдвиги поставили перед системой социального обеспечения новые проблемы: изыскание дополнительных средств для выплат все увеличивающейся категории лиц пожилого возраста и создания условий жизни для стариков, проживающих отдельно (что является следствием изменения внутрисемейных отношений). Еще одной причиной необходимости изменения системы социального обеспечения был активный выход на рынок труда женщин, о чем уже говорилось.

Приступая к реформе системы социального обеспечения правительство пошло по пути унификации различных форм страхования здоровья и пенсионного обеспечения с тем, чтобы создать более или менее одинаковые условия для различных категорий населения при снижении бремени его затрат в целом. Особое внимание уделяется лицам пожилого возраста и подрастающему поколению. Закон о стабилизации найма лиц пожилого возраста был введен в действие в 1986 г. Он был вызван старением рабочей силы, с одной стороны, и желанием этой категории наемных работников продолжать трудиться, с другой.

Предметом особой заботы в системе социального обеспечения является создание условий для повышения рождаемости и защите детства. Первую лепту в разрешение этой проблемы внес Закон по обеспечению равных возможностей найма для мужчин и женщин (1985), поскольку улучшал экономическое положение последних. Закон об отпусках по уходу за детьми (1991) предусматривал предоставление одному из родителей отпуск по уходу за ребенком в возрасте до одного года. Согласно поправкам к Закону о страховании наемных работников, принятым в 1994 г., гарантируются выплаты во время отпуска по уходу за детьми в размере 25% заработной платы. Изменения законов о страховании здоровья и пенсионном страховании наемных работников, внесенные в том же году, предусматривали освобождение на период от-

пуска по уходу за детьми от взносов в страховые фонды, что составляет примерно 12% от общей суммы выплат наемных работников.

Расходы на социальное обеспечение в Японии обгоняли темпы экономического роста. В результате в 1992 г. они составили 15% национального дохода против 4,9% в 1960 г. Однако до сих пор по этому показателю она отстает от других развитых стран. Финансовая база социального обеспечения складывается из страховых взносов наемных работников и предпринимателей (в 1992 г. — свыше 60%), государственных средств (около 20%), доходов от активных финансовых операций (свыше 12%) и пр. Эта структура за последние десятилетия не претерпевала существенных изменений за исключением роста доходов от активных финансовых операций (за счет увеличения пенсионного фонда) и снижения доли средств государственного бюджета (при постоянном повышении удельного веса затрат на социальное обеспечение в расходной его части).

В структуре выплат в системе социального обеспечения с начала 80-х годов произошли серьезные перемены — размеры пенсионных средств превысили расходы на страхование здоровья и в начале 90-х годов составили свыше 50%. Подобная ситуация характерна для всех развитых стран. Особенностью Японии является небольшая сумма выплат по линии общественного вспомоществования.

Из общей суммы, выделяемой на социальную защиту населения, около 88% в 1992 г. (против 70% в 1965 г.) тратилось на социальное страхование. Оно включает в себя страхование здоровья, страхование по старости (еще не существовавшего в середине 60-х годов), страхование наемных работников и компенсацию при несчастных случаях. Оставшиеся средства идут на выплаты пособий на детей (этой категории также еще не было в 1965 г.), по программам временного обеспечения прожиточного минимума для лиц, потерявших трудоспособность, и нуждающимся, на общественное вспомоществование, общественное здравоохранение и медицинское обслуживание, помощь жертвам войны и др.

В соответствии с правительственной стратегией превращения Японии в «сверхдержаву качества жизни» на базе ее экономических достижений планируется к 2025 г. поднять расходы на социальное обеспечение до 28,5 — 32,5% национального дохода. Это будет нынешний уровень таких стран как Германия или Франция.

Наибольшие суммы в структуре социального обеспечения идут на пенсионные выплаты. Поэтому правительство постоянно уделяет внимание этому вопросу и начиная с середины 80-х годов ее постепенно реформируют с тем, чтобы сделать адекватной ситуации в стране, которая будет в XXI веке. Пенсионная система в Японии достаточно сложна и многослойна. Сверхзадача реформы — унифицировать и сделать ее двухслойной, состоящей из национальной пенсионной системы (так

называемая базовая пенсия), которая охватывает все население, и пенсии, выплачиваемые наемным работникам. Базовая пенсия выплачивается по старости, по инвалидности и нуждающимся. Одна треть обеспечивается средствами государственного бюджета, две трети — различными страховыми пенсионными фондами, в которые каждый вносит около 100 долл. в месяц (1994). На создание этих пенсионных фондов работает практически все население в возрасте от 20 до 60 лет. В середине 90-х годов базовая пенсия составляла 65 тыс. иен (примерно 600 долл.). Таким образом семья пенсионеров располагала суммой в размере 1200 долл.

Пенсионный фонд наемных работников частного сектора состоит из отчислений предприятий, взносов самих работников и доплат со стороны государства. Пенсия составляет около 70% месячной заработной платы (без бонусов) работника мужчины. В этом случае доход пары пенсионеров складывается из базовых пенсий мужа и жены плюс пенсия по страхованию наемного работника, что в совокупности дает более 2200 долл. Пенсионные фонды работников государственных и муниципальных предприятий и учреждений формируются из средств обществ взаимопомощи. Для получения базовой пенсии по старости нужен как минимум 25-летний страховой стаж и 65-летний возраст. Размер такой пенсии может быть сокращен до 58% в случае ухода на пенсию в 60 лет и увеличен до 188% — в 70 и более лет.

Третий компонент системы охватывает тех, кто сам не может обеспечить минимальный уровень жизни. Такая помощь предоставляется на основе Закона о гарантиях прожиточного минимума. В соответствии с ним она выплачивается по семи номинациям: на повседневную жизнь, образование, жилье, медицинское обслуживание, материнство, по безработице, на похороны. В середине 90-х годов ее получало 0,7% населения против 2,4% в 1951 г., когда был принят этот закон. Средства для ее выплат предоставляются центральными и местными органами власти в пропорции 75:25.

Общественное вспомоществование осуществляется также и на основании других шести законов, конкретизирующих адресатов получения этой помощи. Прежде всего речь идет о защите материнства и детства. Для решения вопросов о ее предоставлении в стране функционируют специальные центры. Кроме того этой системой пользуются дети умственно неполноценные и с физическими недостатками. Эта помощь оказывается и пожилым (создание реабилитационных центров и домов для престарелых, оказание медицинской помощи на дому, учреждение волонтерских организаций для вовлечения населения в активную деятельность по месту жительства).

Из всего комплекса проблем социального обеспечения японское правительство наибольшее внимание обращает на создание достойного

уровня жизни лиц пожилого возраста, поскольку численность этой категории постоянно увеличивается и к 2025 г. составит, по оценкам, 5,2 млн. человек против 2 млн. в 1993 г. Японское общество по критериям, разработанным ООН, не является «старым», как, например, шведское, но уже сейчас принимаются меры, чтобы эта проблема не приняла обвального характера. Кроме того, в связи с постоянным ростом продолжительности жизни и увеличением периода трудовой активности этой категории населения и соответственно нехваткой молодой рабочей силы пожилой контингент явится важным компонентом рынка труда. Поэтому сейчас уделяется серьезное внимание созданию центров переподготовки пожилых людей. Вся политика государства в этой сфере исходит из того, что для нормального функционирования системы социального обеспечения необходимы усилия не только государства и бизнеса, но и каждого отдельного человека.

Серьезной проблемой качества жизни остается сравнительно высокий уровень цен в стране на товары и услуги. Если просчитать потребительские расходы на душу населения по покупательной способности валют, то японский уровень расходов составит лишь 62% американского<sup>1</sup>.

Несмотря на то, что заработная плата японских трудящихся, исчисленная в долларах, в среднем уже превышает этот показатель большинства развитых стран, она дается напряженным трудом и не обеспечивает достаточной покупательной способности из-за высоких цен на продовольствие, топливо и жилье. Например, в 1988 г. цена на рис в американских супермаркетах составляла всего 1/3-1/4 японской. Хлеб в Токио в середине 80-х годов стоил примерно на 1/3 дороже, чем в Нью-Йорке, а репчатый лук — вдвое<sup>2</sup>. Фраза о том, что японцы едят самое дорогое продовольствие в мире, стала вполне расхожей в японской периодической печати. Чтобы купить, например, 1 кг говядины, японец в конце 80-х гг. должен был проработать 2,4 часа, в то время как итальянец — 1,9, француз — 1,7, англичанин — 1,3, немец — 1,2, канадец — 0,5, американец — 0,3. Для покупки 1 кг рыбы эти цифры будут выглядеть, соответственно — 2,8 часа, 1,0, 1,4, 1,1, 1,0, 0,7, 0,4<sup>3</sup>.

Еще одна проблема, связанная с качеством жизни и ждущая своего разрешения, — продолжительность рабочего времени. В течение многих лет сокращение проработанных часов шло очень медленно и лишь после 1988 г. темпы ускорились. В 1994 г. японцы уже работали 1800 часов, или 40 часов в неделю. Постепенно в стране вводится пятидневная рабочая неделя. Так, еще в 1970 г. работающие на пятидневке

---

<sup>1</sup> Нихон кэйдзай кэнкю, 1990, № 20, с.46.

<sup>2</sup> The Japan Economic Journal, 13.08.1988, с.23; Ёмиури симбун. 30.07.1987.

<sup>3</sup> Нихон кокусэй дзүзү, 1988, с.102.

составляли менее 20%, в 1988 г. их уже было почти 80%, в 1994 г. — свыше 95% (имеются в виду предприятия с числом занятых более 30 человек)<sup>1</sup>. Разрешение этой проблемы не только повысит качество жизни, но и создаст стимулы к расширению личного потребления и обеспечит более высокий уровень занятости благодаря разделению рабочих мест.

Говоря о качестве жизни, нельзя не отметить достаточно низкий уровень преступности, что, несомненно, положительно влияет на создание благоприятного стабильного общественного климата. В 1990 г. в Японии было зарегистрировано 1,3 тыс. убийств, т.е. одно убийство в расчете на 100 тыс. жителей, в то время как в США этот показатель составил 9,4, Англии — 2,3, Германии — 3,9, Франции — 4,5. Таких тяжких преступлений как изнасилование, также сравнительно немного — 1,3 случая на 100 тыс. жителей против 38 в США, 12 — в Англии, 8 — в Германии и Франции. Намного меньше здесь грабежей и воровства. Уровень раскрываемости убийств составляет 97%, грабежей — 76, изнасилований — 84, воровства — 37<sup>2</sup>.

Незначительное число краж личного имущества, за исключением денег, драгоценностей и ценных бумаг, объясняется тем, что в стране их просто невозможно сбыть. На специально оборудованных свалках можно найти большое количество годных к употреблению, но старых марок различной бытовой техники. Однако в последние годы наблюдается рост преступности. Например, в 1975 г. было зарегистрировано 1,2 млн. разного рода преступлений, а в 1992 г. — 1,7 млн.<sup>3</sup> Криминальную ситуацию ухудшают постоянно прибывающие в страну иностранцы, имеются в виду выходцы из стран Среднего Востока и Юго-Восточной Азии.

В японском обществе, как и в любом другом, конечно, существует организованная преступность. Это достаточно известные в мире японские гангстеры — *якудза*. Просматривается тенденция несколько приукрашивать их деятельность, хотя она в принципе ничем не отличается от подобной в других странах. Но поскольку японское общество — это открытое общество закрытых групп, то *якудза* занимают в нем свою особую нишу, не затрагивая в большинстве случаев повседневную жизнь простых граждан.

Основными факторами, которые сдерживают рост преступности в обществе в первую очередь являются социально-психологические особенности японцев, организация жизни в семье и локальных общест-

---

<sup>1</sup> Нихон кокусэй дзүзү, 1988, с.520; The Japanese Working Life Profile. Statistic Aspects, Tokyo, 1989, с.36; Japan. A Pocket Guide. Tokyo, 1996, с.59.

<sup>2</sup> Nippon. A Charted Survey of Japan, 1993/1994, Tokyo, 1994, с.329.

<sup>3</sup> Нихон кокусэй дзүзү. 1988, с.555; 1993, с.520.

вах, высокий уровень образованности, наличие обществ по профилактике преступности, в которых активно участвуют жители. Не приходится уже подробно говорить о хорошо отлаженной полицейской системе и высокой технической оснащенности сотрудников полиции.

В стране насчитывается более 250 тыс. работников полиции — рядовые полицейские, старшие, помощники инспекторов, инспектора (старшие и главные) и полицейские надзиратели. Должности от инспектора и выше — центрального подчинения, все остальные — муниципально-го. Высший полицейский чин — генеральный инспектор, он же начальник Токийского полицейского управления, что свидетельствует об исключительной важности охраны общественного порядка в столице. Кстати сказать, Токио обслуживает примерно пятая часть всех работников полиции. Работа полиции осуществляется в соответствии с Законом о полиции (1954).

\*\*\*

В целом можно сказать, что Япония по сравнению с довоенным временем совершила гигантский скачок в уровне жизни. Однако, несмотря на значительное улучшение и ее качества в последние два десятилетия, этот показатель по некоторым параметрам все еще ниже, чем в других развитых странах и, безусловно, не соответствует экономическим возможностям. Японцы больше работают, меньше и хуже отдыхают, живут в менее комфортабельных условиях, недостаточно социально защищены. Отсюда определенное недовольство населения качеством жизни, что побуждает правительство ставить эту проблему как стратегическую задачу. В частности, в 1992 г. оно предложило разработать пятилетнюю программу, в соответствии с которой Япония должна стать «сверхдержавой качества жизни». Эта проблема отражена также в главном лозунге профсоюзов и политических партий — «От равной со странами Западной Европы и США заработной платы к равному уровню качества жизни».

На пути Японии в XXI век складывается в принципе новая модель качества жизни. Она неразрывно связана с изменением направлений развития экономики по пути интеллектуализации производственной структуры, софтизации и сервисизации народного хозяйства, формирования горизонтальных форм участия в международном разделении труда и трансформации механизма государственного регулирования. Происходит переориентация населения от приобретения материальных благ к получению услуг в самом широком смысле этого слова; от единообразного спроса к дифференцированному, индивидуализированному и более подвижному; от пожизненной ориента-

ции на один вид труда к его разнообразию, в том числе распространению различных хобби.

У послевоенных японцев по мере улучшения качества жизни отчетливо просматривается изменение приоритетов. Образно говоря, за это время трижды сменился набор «трех с». Вначале это были кухонная электропечь (cooker), центральное отопление (central heating) и дешевые загородные домики (cottage). Затем последовали машины (car), цветной телевизор (colour television), кондиционер (conditioner) и наконец культура (culture), коммуникативность (community), творчество (creativity). Другими словами, совершается переход от ориентации лишь на материальные блага к приоритетности духовных сторон жизни, созданию «культурно-интенсивного» общества, в котором люди могли бы свободно применить свой опыт на индивидуальном и глобальном уровне.

## Глава десятая

# ДОСУГ В ПОНИМАНИИ ЯПОНЦЕВ

Продолжительность свободного времени и отпусков. Распределение свободного времени. Многообразие форм отдыха. *Патинко. Караокэ. Диснейлэнд.* Активные формы отдыха. Познавательные виды отдыха. Заграничный туризм. Новые тенденции в характере досуга. Национальные праздники. Их государственная поддержка. Красные даты японского календаря. Традиционные виды досуга.

В последние годы в связи с ростом доходов и свободного времени в проведении досуга произошли разительные перемены. Увеличение досуга связано не только с сокращением рабочих часов, но и с изменением качества жизни. Широкое распространение получают различные бытовые приборы, облегчающие домашний труд и позволяющие экономить время. Растет число детских учреждений. Совершенствуется обслуживание, и прежде всего, расширяется и улучшается сеть предприятий общественного питания. На рынке появляются все новые продукты быстрого приготовления. Теперь хозяйкам необязательно каждый раз ходить в магазин. Покупки можно сделать по телефону или по почте. Такую службу организуют супермаркеты, универмаги, потребительские кооперативы, а также специализированные фирмы по доставке товаров почтой.

Однако японцы продолжают трудиться больше всех. Неслучайно в мировой прессе появился неологизм «трудоголики». Но он не выражал восхищение, преклонение или уважение перед трудолюбием, а имел, скорее, отрицательный смысл. Подразумевалось, что японцы не умеют жить и отдыхать. Действительно, у них мало свободного времени для чистого отдыха в повседневной жизни. В среднем мужчина располагает около 4,3 часа в день, а женщина — 4,1. За десять лет это время увеличилось в первом случае на 30 минут, во втором — практически осталось прежним<sup>1</sup>.

Продолжительность ежегодных оплачиваемых отпусков также небольшая — в среднем девять дней, в то время как в США — 19, Англии — 24, Франции — 26, Германии — 29<sup>2</sup>. Но и этот отпуск как правило, используется наполовину или того меньше. Так, в конце 70-х годов он составил в среднем — 3,2 дня, в конце 80-х — 6,9<sup>3</sup>. А в таких

<sup>1</sup> Нихон кокусэй дзүэ, 1993, с.513.

<sup>2</sup> Там же, с.520.

<sup>3</sup> The Japan Economic Journal, 21.07.1990, с.4.

городах как Токио и Осака — всего 5,3 дня. На мелких и мельчайших предприятиях отпуск значительно короче, чем у работников крупных. Японцы считают дурным тоном, незачинным по отношению к фирме и своим коллегам использовать его полностью. И руководство компаниями, со своей стороны, косо смотрит на тех, кто хотел бы долго отдыхать. Русский сотрудник одной японской фирмы рассказывал, что если подаешь заявление о предоставлении отпуска более, чем на 5 дней, то руководство просит приложить медицинскую справку о необходимости такого длительного отдыха. В значительной степени это связано с характером трудовых отношений, духом корпоративности и патернализмом.

Неполное использование отпуска, а также большое количество сверхурочных работ негативно влияют на физическое и духовное состояние людей. Это приводит иногда и к летальному исходу от стрессов и переутомления, ибо не поддерживается нормальный жизненный цикл. В связи с этим в японской печати появляются броские заголовки, как, например, «Заработались до смерти». В статье под таким названием, в частности, приводились данные о том, что среди умерших от переутомления некоторые ежемесячно работали более ста часов сверхурочно<sup>1</sup>.

Однако в последнее время в связи с неблагоприятной экономической ситуацией, предприниматели все активнее предоставляют более длительные отпуска, а также стараются заставить работников полностью использовать их, чтобы стимулировать внутренний спрос и потребление. К этому подталкивают также и требования внешнеэкономических партнеров, ибо «приверженность» японцев к работе обеспечивает более высокую конкурентоспособность отечественных товаров на мировом рынке. Со своей стороны в 80-е годы и наемные работники стали проявлять большую заинтересованность в отпусках. Это связано со смещением акцентов в системе приоритетов, так как на одно из первых мест выходят досуг и развлечения. Если люди среднего и пожилого возраста все еще живут, чтобы работать, то молодежь уже работает, чтобы жить. По свидетельству менеджера по кадрам одной из компаний, в настоящее время многие, особенно молодежь, предпочитают скорее меньше работать, чем больше получать<sup>2</sup>. Молодые люди теперь, нанимаясь на работу, интересуются не только заработной платой и условиями труда, но и тем, какими возможностями располагает фирма для организации отдыха.

Хотя у японских трудящихся оплаченные отпуска значительно короче, чем в других высокоразвитых странах, возможности для их отдыха не так уж скудны. В Японии 14 дней государственных праздников. Причем, если праздник приходится на воскресенье, то понедельник авто-

---

<sup>1</sup> Емиури симбун, 02.10.1989.

<sup>2</sup> Там же.

матически становится нерабочим днем. Обычно японцы любят добавлять к праздникам несколько отпускных дней.

Как правило, они это делают трижды в году: на Новый год, в конце апреля — начале мая, во время так называемой Золотой недели и летом, когда наступает традиционный праздник Бон. Например, в период Золотой недели, на которую приходится четыре официальных праздника и обязательно один из них попадает на воскресенье, добавив несколько дней отпуска, можно отдыхать в течение десяти дней, конечно при условии, если компании дают своим сотрудникам такие возможности. По данным министерства труда в 1994 г., во время Золотой недели почти 90% фирм предоставили по 3 и более отпускных дней.

Приурочивание отпусков к определенным датам приводит практически в движение всю страну. Во время Золотой недели 1994 г. около 20 млн. человек отправились в путешествия. В связи с плохой экономической конъюнктурой это число было даже меньше, чем в предыдущие годы, так как многие предпочитали отдыхать неподалеку от дома. Но так или иначе нагрузка на транспорт и скопление народа на вокзалах и местах массового отдыха было столь велико (в г.Фукуока, о.Кюсю, во время праздника Хаката Донтаку собралось 2,5 млн. человек, в Хиросима на фестивале цветов — 1,7 млн.), что полиция была вынуждена принять дополнительные меры для соблюдения порядка, мобилизовав 37,5 тыс. полицейских.

Такая традиция проведения отпусков в одно и то же время начинает вызывать у многих неудовольствие. Чтобы избежать столпотворения, некоторые предпочитают теперь брать отпуск не в июле — августе (имеется в виду во время праздника Бон), а в другие месяцы. Делается это не только ради удобства, но и потому, что вне сезона поездки обходятся дешевле.

Весьма развита в стране индустрия досуга, которая предоставляет все возможности для полноценного насыщенного отдыха. Она стала фактически новой отраслью народного хозяйства и занимает по своим оборотам одно из первых мест в экономике. В 1991 г. стоимость услуг индустрии досуга составила 72 трлн. иен, в том числе 44 поступило от увеселительных заведений, 12 — от туризма, 4 — от спортивных мероприятий и 11 трлн. — от обслуживания различных хобби.

Получив больше свободного времени, японцы устремились удовлетворять свои интеллектуальные и эмоциональные запросы. Отдыхают они по-разному. Больше всего людей (примерно 65 млн. человек, 1991) устремляются в кафе и рестораны, чтобы освободиться от домашней готовки, о чем уже говорилось в разделе о семье. Популярным времяпрепровождением по-прежнему являются путешествия по родной стране, экскурсии, посещения культурно-исторических памятников и любование природными красотами. Этому отдают предпочтение почти 60

млн. человек. Далее по нисходящей идут такие виды отдыха, как автомобильные поездки, занятие *караокэ*, посещение баров, зоопарков и ботанических садов, видеосалонов, залов игровых автоматов, парков с различными аттракционами.

Во время отдыха японцы значительную часть времени отдают прослушиванию музыки — 70 часов в год, гимнастикой занимаются 54 часа. И если популярным западным танцам уделяется 34 часа, то, как ни кажется парадоксальным, 45 часов — игре на европейских музыкальных инструментах. Примерно по 40 часов приходится на занятия традиционными видами борьбы, на различных тренажерах, бегом.

Несмотря на то, что японцы отдыхают меньше, чем другие, на отдых они тратят большую часть семейного бюджета. В конце 80-х годов у них уходило 10,2% против 9,4 в США, 9,9 — в Германии, 8,8 — в Англии и 7,7% — во Франции. Причем за последние двадцать пять лет подобные траты в общих потребительских расходах возросли с 17,2% до 24,4%. В абсолютном выражении они выросли почти в 10 раз<sup>1</sup>. Поэтому можно даже сказать, что японцы отдыхают немного, но платят за это дорого.

При этом происходят определенные изменения в характере времяпрепровождения, связанные с индивидуализацией потребительского спроса. Коллективное проведение досуга, что было чрезвычайно распространено до последнего времени, постепенно сдает свои позиции. Человек теперь во время отдыха как бы изолируется от других. Складывается своего рода новая этика отдыха, отражающая потребность в более творческом эмоционально насыщенном отдыхе. Раньше японцы очень любили посещать компаниями рестораны, бары, стрип-шоу и, конечно, играть в *маджанг*. Теперь же все большую популярность завоевывает так называемый оздоровительный туризм, спорт и другие активные виды отдыха, к которым относят даже современные, бешеных ритмов, танцы. В последние годы пробивает себе дорогу тенденция проводить свободное время дома. Это относится не только к семейным людям, но, как это ни странно, и к молодежи. Уловив такую тенденцию, предприниматели начинают выпускать разного рода оборудование для времяпрепровождения, которое можно разместить в малогабаритных квартирах (удобную мебель, портативные тренажеры, мини-аппаратуру *караокэ*). Не только женщины, но и мужчины проявляют все больший интерес к отдыху дома. Молодые служащие зачастую уже не хотят принимать участие в традиционных попойках с сослуживцами после работы, а предпочитают скорее вернуться домой, чтобы провести это время в семье. Но пока это только признаки «бунта».

Все более широко входит в жизнь японцев спорт, спорт ради здоровья и отдыха. Повсеместно встречаются площадки для гольфа как

---

<sup>1</sup> Нихон кокусэй дзусу, 1993. с.517, 519-520.

частные, так и муниципальные, хотя плата за пользование ими здесь намного выше, чем в других странах. В последние годы с ростом популярности гольфа в общенациональном масштабе встает проблема отвода земельных участков для оборудования площадок. При этом речь идет не о бросовых землях, а об устройстве мест для игры в парковых зонах.

Давно любимы японцами теннис, пинг-понг, кегельбаны. Большой популярностью пользуются горнолыжный спорт, фигурное катание, верховая езда, рыбная ловля. В последние годы, наряду с дельтапланами, завоевывают японцев парашютисты в воздухе, велосипеды с мотором — на воде, моторизованные карты и разнообразные виды велосипедов — на суше.

Невозможно представить себе любой японский город, большой или маленький, без хотя бы одного зала *патинко*. Они есть всюду, даже у каждой железнодорожной станции. Сейчас их насчитывается около 18 тыс. Причем за последние десять лет ежегодно прибавлялось по 550 залов. Эта незамысловатая игра стала одной из самых популярных. В нее играют от мала до велика, просяживая триллионы иен в год. Популярность *патинко* объясняется в известной мере его доступностью, простотой и дешевизной. Полыхающие огни в ночное время, с неизменными укрепленными на шестах огромными круглыми букетами искусственных цветов у входа, залы *патинко* невозможно пройти мимо. Днем и ночью из них, заставленных рядами игровых автоматов, слышен звон движущихся металлических шариков. Эти игровые автоматы — нечто среднее между бильярдом и рулеткой. Шарик движется по заранее размеченной траектории в застекленном вертикально стоящем автомате. Его опускают в специальное отверстие и нажимают пусковую ручку. Если шарик попадает в цель — одно из нескольких отверстий, расположенных вдоль траектории, то играющий получает призовые шарики. Для начала игры их покупают в любом количестве.

Полагают, что столь популярное в Японии *патинко* восходит к американской игре, основанной на принципе китайского бильярда. Может быть он ведет свое происхождение от французских и английских игровых автоматов начала века, которые укреплялись на стене. Первые японские автоматы *патинко* под названием Комоно, появились в 1946 г. По мнению авторитетного специалиста в этой области, который возглавляет созданное недавно Общество по изучению этой игры, японские автоматы не имеют никакого отношения к европейским.

Будучи разновидностью азартных игр, *патинко* имеет в глазах общества имидж сомнительного бизнеса. Основания для такого заключения, безусловно, имеются. По установленным правилам, выигранные шарики должны обмениваться на сигареты, шоколад и прочие мелочи. Однако владельцы залов зачастую выдают вместо этих товаров специ-

альные купоны, которые можно обменять на деньги в расположенных по соседству специальных конторах. Между владельцами тех и других существуют специальные соглашения. Хозяева обменных контор возвращают полученные купоны в залы *патинко*. Подобных махинаций очень много в этом бизнесе, поэтому можно сказать, что он балансирует на грани законности. Контролируют его в основном этнические корейцы, связанные с *якудза*. Это объясняется отчасти тем, что после войны корейцам был ограничен доступ ко многим видам бизнеса. Доходы от *патинко* за последние десять лет выросли в 3,5 раза, составляя примерно 17 трлн. иен ежегодно, т.е. превышают доход от такого прибыльного занятия, как туризм. С ним не может сравниться и некогда чрезвычайно популярный *мадзян*, поступления от которого постоянно падают. По сравнению с 1977 г. (время наибольшего расцвета этой игры) в 1987 г. число залов для *мадзян* уменьшилось на 20%, а количество столов — на 30%.

Постоянно увеличивается число игровых автоматов *патинко*. Только за 1980-1987 гг. оно выросло почти в семь раз. При этом идет их постоянное техническое усовершенствование. Сейчас используется уже новое поколение игровых автоматов. Поэтому в залах специальные инструкторы объясняют как ими пользоваться. Несмотря на то, что *патинко* считается довольно низкопробным развлечением, на его популярность не влияют даже периоды неблагоприятной конъюнктуры. Экономический эффект этого бизнеса (имеется в виду производство автоматов) настолько впечатляющ, что, по мнению его владельцев, в недалеком будущем он может стать такой же отраслью народного хозяйства, как автомобилестроение. *Патинко* успешно завоевывает рынки в близлежащих странах Юго-Восточной Азии.

Точно так же завоевывает мир и *караокэ* (пустой оркестр) — изобретение чисто японское, появившееся в середине 70-х годов. Это — любительское пение под музыку оркестра, записанное на кассету или лазерный диск. Взяв в руки микрофон, можно ощутить себя профессионалом. Специальное устройство соединяет голос певца и оркестра и выводит через общий усилитель. Аппараты для *караокэ* можно найти во многих увеселительных заведениях, специальных *караокэ*-барах, и в частных домах. На кассетах записываются наиболее популярные песни разных лет. Вначале рядом с аппаратурой лежали песенники, а сейчас в большинстве заведений на мониторах бегущей строкой воспроизводятся слова песен. Те, которые нужно произнести в данный момент в такт музыке, закрашиваются определенным цветом. Соответствующий видеоклип передает содержание песни. Практически почти все хиты имеют вариант подобного исполнения. Это — главным образом лазерные диски или графические компакт-диски, так называемые *караокэ*-софт. Они выставляются на специальных стендах в музыкальных мага-

зинах. Как и любая аудио-видеотехника обновляется и аппаратура для *караокэ*. В настоящее время почти все новые модели такой бытовой техники приспособлены для нее.

Согласно опросу общественного мнения, проведенного Агентством по делам культуры при министерстве просвещения, в начале 90-х годов примерно 70% японцев высказались в пользу *караокэ*. По популярности этот вид развлечения или времяпрепровождения идет вслед за такими традиционными занятиями, как участие в чайной церемонии, *икэбана*, *бонсай* и соперничает с фотолюбительством.

В середине 90-х годов почти 60 млн. человек занимаются *караокэ* в барах, разного рода питейных заведениях, гостиницах, *рёканах*, специальных залах *караокэ*, так называемых *караокэ*-боксах и дома. Только в 400 специальных залах, принадлежащих компании «Биг эко», ежегодно бывает до 18 млн. человек. Ежемесячно они проводят там часа по два и тратят примерно по 20 долл. Это совсем недорогое развлечение, что, возможно, и объясняет его популярность. Более того, им можно заниматься всей семьей. Одна из фирм, действующая в районе Карасу-яма в Токио, организовала боксы и для детей. Многие подростки имеют членские карточки, по которым они получают 50-процентную скидку. Дети до 16 лет могут использовать здесь аппаратуру только до 6 часов вечера. Учитывая чрезвычайную популярность *караокэ*, владельцы таких боксов планируют подавать слабоалкогольные напитки и легкую закуску. Таким образом, происходит как бы возврат к тем питейным заведениям, где и зародился этот вид развлечения.

*Карaoke* пришло в школы, где для этого оборудованы специальные классы. Для детей разрабатывается особый репертуар, в первую очередь записываются детские песни из популярных телепрограмм. Малыши приходят с родителями, а кто постарше — группами.

Создаются школы для обучения и занятия *караокэ*. Можно заниматься индивидуально или в группе. Первые такие школы появились в начале 80-х годов. Занятия в них идут от 30 минут до одного часа. Стоимость — от 50 до 100 долл. за час. Столько же стоит это удовольствие в *караокэ*-барах, где проводятся и соревнования посетителей с присуждением призов.

Увеличением свободного времени успешно пользуются владельцы этого бизнеса, организуя семейные занятия. Для этого у них имеется набор песен на все возрасты и вкусы. Не отстают от них и такие фирмы, как «Макдональдс», которые, используя свою популярность у населения для проведения семейных торжеств, например празднования дней рождения, установили в залах своих ресторанов аппаратуру *караокэ*. В результате число таких празднований возросло на 1/3. Поскольку в ресторанах не исключаются алкогольные напитки, органы местного самоуправления контролируют занятия *караокэ* детьми в воз-

расте до 16 лет в соответствии с Законом о молодежи. Можно сказать, что занятие *караокэ* стало новой традицией.

Миллионы и миллионы японцев едут в Диснейлэнд. Он заслуживает того, чтобы о нем рассказать, хотя бы потому, что популярен среди людей всех возрастов. В весеннее и летнее время ежедневно здесь бывает свыше ста тысяч человек.

Японский Диснейлэнд — первый, построенный вне США. Он расположен в 27 км к востоку от Токио на осушенной территории Токийского залива в г. Ураясэ (преф. Тиба). Открытие его состоялось в апреле 1983 г. Идея создания тематического парка обсуждалась в Японии еще в 1962 г. и лишь в 1979 г. началась реализация проекта по созданию японского Диснейлэнда. Он принадлежит компании, которая называется на американский манер «Ориентал лэнд» (Восточная страна). Она получила лицензию на строительство от фирмы «Уолт Дисней продакшнз». Авторы этого комплекса стремились создать точную копию американского оригинала с тем, чтобы японские посетители почувствовали себя здесь как бы за границей. Однако, учитывая отечественную специфику, некоторые отступления были сделаны. Прежде всего на территории Диснейлэнда больше мест для отдыха, магазинов, кафе, национальных ресторанов с гейшами. Обилие разного рода закусочных объясняется многовековым обычаем угощаться у уличных торговцев во время национальных праздников. Кроме того, японцы исстари любят делать покупки, особенно приобретать сувениры, во время отдыха, праздников. Если раньше каждый гость Токио непременно привозил домой сувениры, купленные на телебашне, то теперь около 30% пассажиров, уезжающих из Токио, увозят с собой сувениры из Диснейлэнда. В среднем посетитель тратит здесь около 90 долл., так что такое посещение обходится семье из четырех человек примерно в 360 долларов.

Японский Диснейлэнд более интернационален по своему характеру. Главная улица называется не Калифорнийской, а Международный базар. Атракцион «встреча президентов» в американском варианте заменен на эпизод из японской истории. Построен замок Золушки и павильон «Встреча с миром». Были внесены и некоторые конструктивные изменения в соответствии с рельефом и климатом.

Диснейлэнд в Токио в отличие от аналогичного парка во Франции процветает. За 10 лет со дня открытия в нем побывало 140 млн. человек, т.е., больше, чем число жителей страны. Даже в последнее время, несмотря на определенный экономический спад, неизменно растет посещаемость. В 1993 г. число посетителей увеличилось на 200 тыс. и превысило 16 млн. человек<sup>1</sup>. Людей не смущает, что нужно стоять по

---

<sup>1</sup> Токио Диснейрандо (Токио Диснейлэнд). Токио, 1987, с.6-11; The Japan Times, 1994, 14.04.

несколько часов в очереди, чтобы попасть на наиболее популярные аттракционы. Успех японского Диснейлэнда объясняется тем, что чрезвычайно удачно было выбрано время его создания, когда экономика страны была на подъеме, а люди уже были готовы тратить деньги на развлечения. Кроме того, он расположен в густонаселенном районе с 30 миллионами жителей.

Грандиозная популярность Диснейлэнда и его коммерческий успех (доход до 60 млрд. иен в год) стимулируют разработку новых проектов строительства крупных комплексов для отдыха. Примером может служить гигантский комплекс в городе-спутнике Токио — Тама, проектная стоимость которого была 40 млрд. иен. Главные аттракционы — путешествие на фантастических лодках по Парку грез и пять Павильонов снов. Каждый оборудован по последнему слову техники и имеет свою тему. Глава компании «Санрё» Цудзи Синтаро рассказывает, что идея создания такого комплекса зародилась у него уже в конце 70-х годов в преддверии перехода к пятидневной рабочей недели. «Японцы уже прошли этап усиленной работы и создания накоплений, — считает г-н Цудзи, — и вступают теперь в эпоху потребления и развлечения»<sup>1</sup>.

В стране создаются зоны отдыха с многочисленными спортивными сооружениями. Например, в восточной части Токио в районе Аракава разбит парк, в котором уже имеется 48 теннисных кортов и создаются все условия для любителей водного спорта. В Кобэ по инициативе муниципальных властей появилась «Деревня радости» для отдыха и реабилитации. В ней соседствуют и чисто развлекательные заведения и лечебные учреждения: теннисные корты, художественные галереи, площадки для обучения игры в гольф, лечебницы на горячих источниках. Таким образом, этот центр привлекателен и нужен для людей всех возрастов.

Создание такого рода комплексов для отдыха является составной частью программы регионального развития страны и, в частности, возрождения малых городов. В ней участвуют как центральные правительственные учреждения, так и частные компании. Например, фирма «Дайва» занята строительством курортных зон с отелями и площадками для гольфа. Она создала к 1995 г. 40 таких зон, где можно отдыхать довольно продолжительное время.

Японская официальная статистика выделяет в отдельную рубрику тех, кто посещает зоопарки и ботанические сады. Примечательно, что в их же число включаются и те, кто ходит в музеи. В 1994 г. таких любителей было более 45 млн. человек. О популярности зоопарков, аквариумов, дельфинариев много говорить не приходится. Об этом свиде-

---

<sup>1</sup> The Japan Economic Journal, 25.02.1989, с.13.

тельствуют толпы посетителей. Любовь японцев к животным проявилась в поистине всенародном внимании к судьбе новорожденной панды. Сообщения о ее самочувствии передавались по телевидению, и вся страна была занята выбором имени для нее. Эта знаменитая панда живет в Токийском зоопарке в районе Уэно, практически в центральной части города. Другой известный зоопарк находится в уже упоминавшемся г.Тама.

По всей стране очень много парков — заповедников, где животные обитают на свободе, но под заботливым присмотром людей. Стоит назвать хотя бы один — на горе Такасаки, недалеко от г. Бэппу на о. Кюсю, где обитает около 2 тыс. макак. Рядом расположен один из столь любимых японцами аквариумов, которых также много по всей стране (около 80).

Центральные и муниципальные власти уделяют серьезное внимание созданию музеев, посвященных истории города, района, деревни. О деревенском музее уже говорилось в разделе о локальных обществах. Здесь же расскажем о музеях городского и районного масштаба. Первый — это новейший музей истории Эдо-Токио, открытый весной 1993 г. Он расположен по соседству с известным каждому японцу спортивным залом для проведения соревнований *сумо*. О популярности этого традиционного вида спорта говорит хотя бы тот факт, что на станции Рёкоку для электрички сделан дополнительный выход, который закрыт, когда нет состязаний.

Здание музея суперсовременно, прямо с открытой площадки эскалаторы, защищенные пластиковыми навесами, поднимают людей на 5-й этаж. Войдя в здание, посетитель попадает в атмосферу старого Эдо, в район Нихомбаси. В натуральную величину здесь представлен не только сам легендарный мост, но и театр Кабуки, театр кёгэна и другие здания. Но много здесь и макетов. Можно воочию увидеть, как застраивался город, как он жил, работал и отдыхал. Техническое оснащение музея на высочайшем уровне.

Типичным музеем районного масштаба является Фукагава Эдо сирёкан. Он расположен на восточном берегу р.Сумида в районе Фукагава, излюбленном месте жительства борцов *сумо* в старину. Экспозиция музея рассказывает о жизни населения в средневековом городе. Здесь воспроизведен в натуральную величину небольшой городской квартал — жилые дома, лавки, хранилища для риса, питейные заведения — типичный вид локального общества. Можно пройти по узеньким улицам, потрогать руками развешанное белье, зайти в любой дом, посидеть на *татами*.

С сокращением рабочей недели, увеличением продолжительности отпусков связан бум путешествий. Прежде всего это поездки по родной стране. В 1994 г. их совершили 202 млн. человек (1,6 поездки на каж-

дого японца!), было истрачено 9 млн. иен, или по 72 тыс. иен на человека. Туристы посещают не только древние города, исторические достопримечательности и красивейшие природные заповедники, но и любят отдохнуть в *рёканах*, расположенных нередко на горячих источниках. Именно здесь органично соединились национальная культура и быт со всеми достижениями современной жизни (центральным отоплением, телефонами, телевизорами, кондиционерами). В таких гостиницах все — живая традиция: и местоположение в гармонии с природой, и сад, и архитектура зданий, и интерьер, и национальная ванна, и кухня, и весь церемониал обслуживания гостя. *Рёканы* привлекают посетителей домашней обстановкой, создающей атмосферу традиционного стиля жизни.

Одно время, в связи с появлением новых, многообразных видов отдыха, их популярность несколько упала, но сейчас происходит своего рода ренессанс. Не последнюю роль в этом сыграла реклама в журналах и на телевидение. Но, безусловно, главным в популярности *рёканов* является оборудование их различными тренажерами для активного отдыха, что особенно нравится молодежи.

Появились и совсем уж современные *рёканы* — многоэтажные здания, но с комнатами в японском стиле, где нумерация заменена, как принято исстари, названиями цветов или деревьев, с огромным *фуро*, с большими залами для ужина и шведским столом на завтрак. В такие *рёканы* приезжают на 1-2 дня группами служащие или работники какой-нибудь фирмы, чье пребывание здесь оплачено администрацией. Это очень популярный вид отдыха. Именно в *рёканах* по большей части останавливаются и группы школьников (ведь только здесь, где спят на *татами* бок о бок, можно разместить огромное число людей), которые совершают познавательные поездки по стране в соответствии с учебными программами.

Несмотря на вторжение современной жизни, все-таки *рёканы* остаются островками традиций. В них время словно остановилось. Принадлежа, казалось бы, прошлому, они по-прежнему — неотъемлемая часть жизни японцев. Они своего рода ворота в традиционную Японию для иностранцев. Достаточно часто их знакомство со страной начинается с размещения в *рёканах*, что является достаточно новым в работе японских туристических фирм.

В последние годы значительно увеличились туристические поездки за границу. Японских туристов даже стали называть специальным товаром японского экспорта. Туризм — это, пожалуй, единственная отрасль с отрицательным сальдо платежного баланса. Маршруты японских путешественников пролегли на Гавайи, Гуам, в Австралию, Сингапур, Северную Америку, Южную Корею, Тайвань, Гонконг, Европу. Особенной популярностью пользуются Гавайские острова. В 1989 г. из 6 млн. приехавших сюда 1,3 млн. составили японцы. А в 1994 г. только

во время Золотой недели приехало более 60 тыс. японцев. Эти острова привлекают, помимо всех достопримечательностей и комфорта для отдыха, своим азиатским колоритом, а также сравнительной близостью к Японии и дешевизной поездки. Но при этом японцы ухитряются за несколько дней истратить столько же, сколько другие иностранцы за две недели. Это объясняется их активностью и дотошностью: они должны все досконально осмотреть, освоить все аттракционы, поиграть в гольф, закупить сувениров, а не просто загорать на пляже.

Число туристов, выезжающих за границу, постоянно растет: в 1970 г. их было 663 тыс., в 1983 г. — 4,2 млн., в 1988 г. — 8,4 млн., в 1994 г. — 13,6 млн. человек, которые потратили 30,7 млрд. долл., в то время как 3,5 млн. иностранных туристов в Японии израсходовали только 3,5 млрд. долл. В 1995 г. эта тенденция продолжалась: число японцев, отправившихся в заграничные путешествия, превысило 15 млн. человек, причем резко увеличилось число женщин.

Примечательно, что возросший интерес к заграничным путешествиям и отдыху за рубежом сочетается у японцев с желанием не порывать с традиционным образом жизни. Речь идет о том, что японские туристические фирмы приобретают за границей землю (в частности, в Австралии) и строят комплексы для отдыха в японском стиле. Здесь можно найти привычные для них *рёканы* с характерным интерьером, *татами*, *фуру*, *сёдзи*, национальной кухней и неизменным японским садом. Но дело не только в желании обитать в привычных условиях. Скорее это психологический настрой населения мононационального государства с определенной настороженностью относиться ко всему иностранному и самим иностранцам, несмотря на все ширящуюся тенденцию к интернационализации. В целом можно сказать, что заграничный туризм перестает быть хобби избранных и становится новой национальной традицией.

В этой связи нельзя не отметить довольно неприятные черты поведения, которые проявляют японские туристы, подрывая тем самым сложившийся имидж японцев, как деликатных, воспитанных, вежливых, дисциплинированных. Такими их привыкли видеть иностранцы, начиная с Марко Поло. Имея много денег, они, похоже, полностью забыли заветы предков о «почетной бедности» и швыряют их ради куража. Более того, они иногда демонстрируют полное презрение и неуважение к нравам и обычаям стран, где находятся. Например, могут разгуливать в купальных халатах по вестибюлям и барам роскошных отелей, как будто они у себя в *рёканах* и одеты в *юката*, или у себя в номерах устраивают что-то вроде *фуру* и обливаются из кувшинов на полу, затапливая помещения.

Любопытно и довольно своеобразное восприятие японцами других стран. Им хотелось бы, чтобы за рубежом все было как в Японии (на-

пример, чтобы в Лондоне говорили по-японски, в Америке — чувствовать себя безопасно на улицах, как на родине) и там, где они бывают, не соприкасаться с реальной жизнью. Их интересует японская версия другого мира. Может быть именно поэтому среди японцев таким успехом пользуется Диснейлэнд, ибо они видят в этом символ Америки у себя дома.

Возможно, с таким видением мира и связано получившее в последние годы распространение «перенесение» других стран на свои острова. Большой популярностью сейчас пользуется то, что можно назвать тематическим парком или музеем под открытым небом. Для их организации создаются специальные фирмы. Одним из первых и самых крупных такого рода музеев, открытым в 1992 г., стала Голландская деревня (площадью 150 га) под названием Хаус-тен-бош (Дом в лесу). Она расположена на небольшом острове в заливе Омура между городами Нагасаки и Сасэбо. Деревня представляет собой как бы квинтэссенцию Голландии. Здесь можно увидеть копию гостиницы «Европа» из Амстердама, городскую ратушу XVI в. из города Гуду. На ее территории находятся гостиницы, магазины, музеи и выставочные залы, жилые дома. Для придания колорита построены 3 ветряные мельницы и прорыто 6 км каналов. Повсюду море тюльпанов. Планируется ее дальнейшее расширение.

Под г.Ниигата расположилась Русская деревня. Она пока еще в процессе создания. Первым был возведен собор по типу Рождественского в Суздале. Расписывали его русские мастера. Но создан он не для отправления служб, а для проведения концертов. В нем всегда можно увидеть выступления профессиональных и самодеятельных коллективов из России. В выставочных залах постоянно меняются экспозиции изобразительного и прикладного искусства. В ресторане, расписанным теми же русскими мастерами, можно отведать псевдорусскую кухню, а в лавках — приобрести столь любимые японцами предметы старинных русских промыслов. Но это только начало Русской деревни. Впереди создание второй очереди.

На Хоккайдо расположилось сразу более 10 тематических парков. Возможно, это объясняется тем, что остров считается сокровищницей японской природы, свидетельством чему является организация здесь 11 природных парков и наплыв более 4 млн. туристов ежегодно. Каждый тематический парк посвящен какой-либо стране. Первый, знакомящий с Германией времен братьев Grimm, был создан в 1989 г. Называется он Счастливая страна. Здесь можно увидеть ветряную мельницу из Бремена, деревянные дома и каменную мостовую из Берлина XVI в., отведать немецкого пива. Тематический парк в г.Ноборибэцу знакомит с Данией. Достопримечательностями являются копия дома Христиана Андерсена и аквариум, построенный в виде средневекового датского

замка. Архаичная форма аквариума сочетается с уникальной внутренней конструкцией. Посетитель находится как бы на дне моря. На Хоккайдо не забыто и прошлое собственной страны. В городах Мацумаэ и Датэ парки воспроизводят городской колорит токугавской Японии.

Создание парков на темы зарубежных стран объясняется, возможно, желанием японцев понять другие народы, столь непохожие на них. А может быть, они хотят познать другие страны, не покидая собственного дома, а может быть иностранные путешествия дороги, но как бы то ни было это все содействует интернационализации.

Неотъемлемым компонентом отдыха и развлечений японцев являются национальные праздники, занятия *икэбана*, участия в чайной церемонии, приверженность традиционным видам спорта и играм. Но это не только времяпрепровождение. Такие виды отдыха, в отличие от многочасового сидения в залах игровых автоматов, не имеют характер праздности. Они в большинстве случаев наполнены глубоким содержанием, несут определенную идейную нагрузку, подспудно выполняя разнообразные социальные функции.

Национальные праздники, отражая жизнь отдельного человека и общества в целом, способствуют формированию духовного склада личности и становятся социально-культурной ценностью. Это — сплав многих сторон духовной жизни народа, в которой важную роль играют социопсихологические особенности, религиозные обычаи и обряды, нормы взаимоотношений между людьми, фольклор. Праздник — явление всеобщее и постоянное. «Праздник — первичная и неуничтожимая категория человеческой культуры. Он может оскудеть и даже вырождаться, но он не может исчезнуть вовсе», — писал автор классических трудов по теории культуры М.М.Бахтин<sup>1</sup>.

В Японии, как пожалуй, ни в какой другой стране, очень много праздников. Перелистывая страницы японского календаря, видишь, что на каждый его день приходится какое-нибудь торжество: общенациональный фестиваль, городской праздник, земледельческий ритуал, праздник какого-то храма или просто ярмарка. Для большинства людей праздник является возможностью ухода от забот повседневной жизни, своеобразной коллективной психологической разрядкой. По образному выражению М.М.Бахтина, это — временный выход в утопический мир. Он выступает как средство объединения людей, установления определенных общественных связей. Без праздника человек чувствовал бы себя отчужденным, одиноким, изолированным от общества. Это явление коллективное, организующее большие массы людей самых различных возрастов, профессий и социальных слоев. В празднике от-

---

<sup>1</sup> Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965, с.300.

ражается ценностная ориентация человека в мире, в котором он живет. Она важна для социализации общества, ибо праздник возобновляется как культурная потребность данного социума в каждом новом поколении. Во время праздника люди принимают участие в обрядах, шествиях, соревнованиях. В это время двери домов открыты для гостей, родственников, знакомых и даже незнакомых людей. Преемственность поколений, следование традициям в культурной сфере — характерная черта японцев. Сохранение и культивирование национальных праздников, этого важного элемента этнического своеобразия нации — одно из проявлений бережного отношения японцев к традиционной культуре.

Праздники — одна из наиболее устойчивых форм духовной культуры, где, как правило, традиция превалирует над инновацией. На протяжении многовековой истории страны они всегда опирались на традиции, но при этом меняли свои формы, приспосабливаясь к условиям времени. Традиции переплетались с современностью. В наши дни жители Токио не видят ничего особенного в том, чтобы поехать на метро, автомашине в парки Уэно, Мэйдзи и другие места полюбоваться цветущей сакурой перед пагодой или храмом. Никого не удивляют удары барабанов, возвещающие о какой-то процессии в тот момент, когда люди едут через центр города на работу в битком набитой электричке.

Японцы отмечают самые разнообразные праздники, которые для них всегда радостное событие. Большинство традиционных празднеств пронизано религиозным духом, корни которого лежат в синтоизме. И неслучайно, они проводятся главным образом на базе синтоистских святилищ. Безусловно, выйдя за стены храмов на городские улицы, праздник постепенно все более приобретает развлекательный характер. И сейчас эта парадная сторона — основное предназначение праздника.

Проведение сегодня праздника — дело довольно дорогое, требующее значительных финансовых затрат. Храм, как правило, инициатор проведения праздников, обращается за помощью к местным органам власти, различным компаниям, местным банкам, частным лицам. Все устроители по-своему заинтересованы в его организации: храм — для привлечения новых адептов; различные компании и гостиницы — для рекламы, поскольку сумма их взносов указана в проспектах, буклетах, на транспарантах, местная администрация — потому что это часть ее работы. А взносы частных лиц помогают им завоевывать популярность. Проведение традиционных храмовых праздников-ярмарок в торговых рядах, которые тянутся на несколько километров, обеспечивается самими торговцами. Такие праздники проводятся довольно регулярно и служат средством социализации жителей локального общества, войдя в их повседневную жизнь, приучая с детского возраста к данной традиции. «Для японца, в особенности живущего в сельской местности, свой

храм, его ритуалы, его ежегодные красочные праздники стали необходимой частью жизни, которой следовали его отцы и деды, и которой следует он сам, не прилагая к этому никаких умственных усилий, а просто поступая так, как заведено, как поступают все — родственники и соседи», — пишут известные специалисты в области японской духовной жизни С.А.Арутюнов и Г.Е.Светлов<sup>1</sup>.

Такое эмоциональное восприятие традиционного праздника свойственно и городским жителям. Это особенно ощущается в районах, как например, в Асакуса с ее знаменитым храмом богини Каннон. Здесь и в будни царит праздничная атмосфера, создаваемая бесчисленными сувенирными лавками, торговцами снедью и служителями храма, продающих разного рода талисманы. Попадая туда, невольно ощущаешь себя на празднике.

Возможно, традиционные праздники и «оскудели» бы и даже «выродились» бы без существенной поддержки со стороны государства. Даже такой популярный, как Бон, вряд ли бы сохранил свою значимость в жизни современных японцев, если бы не покровительство государства. В этом ему огромную помощь оказывают органы местного самоуправления, предпринимательские и общественные организации, а также религиозные общины. Истоки многих традиционных праздников уходят в глубь веков, поэтому средства массовой информации, в первую очередь Государственная корпорация радиовещания и телевидения (NHK), готовят специальные просветительские передачи. Они сопровождаются показом древних японских хроник, картин художников, документов, чертежей и других материалов с подробным рассказом о возникновении того или иного праздника и его атрибутики. Без такой подготовки бывает достаточно трудно разобраться в праздничном действе, например, во время праздника Парада веков. Несмотря на молодость (отмечается с 1895 г.), он рассказывает о всей истории страны. С исключительной достоверностью воспроизводятся детали костюмов из жизни каждой эпохи. Идея праздника не только увековечить в памяти народа историю страны, показав во время шествий отдельные ее эпизоды и наиболее известных исторических личностей, но и продемонстрировать незыблемость японской государственности.

Просветительские передачи выполняют и рекламные функции. Они рассчитаны на привлечение все большего числа участников и зрителей. С одной стороны, ведется пропаганда национальной культуры, а с другой — обеспечивается приток значительных средств. Например, во время широко рекламируемого не только в Японии, но и в других странах Снежного праздника в Саппоро, город получает большую прибыль. Доходы от гостиниц, ресторанов, закусовых, аттракционов и различ-

---

<sup>1</sup> Арутюнов С.А., Светлов Г.Е. Старые и новые боги Японии. М., 1968, с.15.

ных туров являются мощной инъекцией в экономику города в зимнее время. Благодаря средствам массовой информации практически все жители страны становятся соучастниками разного рода торжественных зрелищ — религиозных, национальных, политических.

Ряд традиционных праздничных ритуалов возведен в ранг «духовных национальных культурных ценностей» на основании Закона об охране культурных ценностей. Он был принят в мае 1950 г. на базе трех ранее действовавших законов, касавшихся охраны материальной и духовной культуры: памятники археологии, природные заповедники, а также духовные ценности, к которым относятся танцы, постановки театров Кабуки и Но. Проведение закона в жизнь возложено на министерство просвещения.

«Духовные национальные культурные ценности» делятся на три категории: общенациональные, префектуральные и городские. Например, главный православный храм святого Николая в Токио возведен в ранг общенациональной ценности, а православная церковь в Киото — префектуральной.

Примером духовных культурных ценностей, имеющих ранг общенациональных, являются Нисимонаи бон одори — танцы во время праздника Бон в местечке Нисимонаи (примечательно, что вначале они получили статус префектуральных). Специальный комитет экспертов составил подробную запись порядка исполнения танцев, музыки, описание костюмов, текстов песен, сохранив таким образом их навека. Большую роль сыграли городские власти, при поддержке которых еще в 1947 г. были созданы два общества — Охрана танца и Содействие развитию танца. Задачей первого является сохранение древней традиции танцев, подготовка исполнителей и привлечение новых участников, в том числе школьников. Функции второго Общества заключаются в проведении ежегодных празднеств, фестивалей, фольклорного искусства, организации показа их по телевидению. Материальную помощь для сохранения этого замечательного народного искусства оказывают местное торгово-промышленное общество, сельскохозяйственная кооперация, различные финансовые, деловые и культурные организации. Кроме того, с членов Обществ собираются взносы.

Финансовая поддержка национальных праздников чрезвычайно важна, поскольку их проведение требует значительных затрат. Деньги идут на закупку и изготовление всего необходимого для проведения праздников, на угощение почетных гостей, оплату дежурных пожарников, а также выплату компенсации жителям за причиняемые временные неудобства (перекрытие движения, снятие линий электропередач во время шествий с огромными колесницами). Такие средства, например, во время проведения Праздника запуска ракет в г.Симидзу, предоставляют синтоистский храм (главный организатор), администрация устроите-

ля (в порядке очередности), гостиницы, гольф-клубы, различные акционерные компании, местные отделения банков, больницы, депутаты муниципалитета.

Государственной поддержкой пользуются и некоторые религиозные, большей частью синтоистские, праздники. До войны такая поддержка в основном оказывалась тем праздникам, которые были связаны с идеологической основой японского милитаризма. После поражения во второй мировой войне, в ходе демократических преобразований произошло отделение религии от государства. Казалось, что этот аспект ушел в прошлое. Но это не так. Государство, хотя и неявно, продолжает поддерживать синтоистские святилища, такие, как Исэ-дзингу или Мэйдзи-дзингу. Император остается первосвященником *синто*. Более того, медленно, но настойчиво правящие круги пытаются восстановить некоторые религиозные праздники, имеющие националистический оттенок.

Правительство, учитывая естественные потребности народа в праздниках, поддерживает их проведение и одновременно осуществляет свою социальную политику. С этой целью оно использует и официальные праздники, и бесконечное множество традиционных общенациональных и местных. Большинство из них широко пропагандируется средствами массовой информации и проводится при непосредственном участии городских властей и представителей правительственных кругов, что демонстрирует единение власти и народа.

Выбор государственных праздников отражает черты общественного строя, политическую и социальную структуру общества, а также происходящие в нем изменения. При этом государственный праздник, как правило, наследует старинные обычаи, атмосферу согласия и единения, кроме того, в отличие от религиозного праздника, в нем на передний план выступают идея государственной власти и социальная направленность.

Оценивая характер государственных праздников в ретроспективе, можно обнаружить тенденцию возведения в их ранг таких праздников, которые были не только очень популярны в народе, но и выполняли функции воспитания молодого поколения в духе преданного служения обществу, необходимости исполнения воинского долга, строгого соблюдения существующей иерархии.

Современный перечень нерабочих дней определен Законом о национальных праздниках от 20 июля 1948 г., в который впоследствии были, естественно, внесены поправки. В послевоенный период, когда демократия стала главной ценностью и соответственно изменился духовный климат в обществе, из старого календаря государственных праздников, во многом связанного с институтом императорской власти, сохранился лишь один — День рождения здравствующего императора (в настоя-

щее время это 23 декабря). В этот день все желающие могут пройти на территорию императорского дворца и приветствовать монарха, который время от времени появляется на балконе (закрытом пуленепробиваемым стеклом) в окружении членов семьи. Наряду с действительными приверженцами императора здесь собирается много любопытных.

День культуры, учрежденный ради поощрения развития японской культуры в «духе свободы и мира», вряд ли случайно совпал с днем рождения императора Мэйдзи (3 ноября). В этот день император вручает деятелям культуры Орден культуры (существующий с 1937 г.). Выбор кандидатов на его получение — прерогатива правительства. День рождения почившего в 1989 г. императора Сёва (29 апреля), как уже говорилось, отмечается как День зелени.

Отражением борьбы в политической и духовной сферах служит внесение частичных изменений в Закон о национальных праздниках в 1963 г. Правящие круги пытались использовать некоторые довоенные праздники для возрождения духовных ценностей недавнего националистического прошлого. Ради восстановления праздника Дня империи (под новым названием Дня основания государства) предлагалось также учредить День спорта, возродить Бон. Кроме того, предлагалось поднимать государственный флаг во время государственных праздников (эта практика была введена в эпоху Мэйдзи и отменена после войны, ибо *хи-но мару* — красный круг на белом фоне считался символом японского милитаризма).

С 1966 г. днями отдыха стали День спорта и День основания государства. В дальнейшем правительство не раз предпринимало попытки внести поправки, касающиеся флага, но антивоенная аллергия в обществе была все еще слишком сильна. Лишь в прошлом году, когда премьер-министр Т.Мураяма объявил об официальном признании флага и императорского гимна «Кими-га ё», эта проблема была снята.

Принятие Основного закона страны породило абсолютно новый для японцев праздник — День конституции (3 мая). Она провозглашала отказ от войны как суверенного права нации при разрешении международных споров. Вокруг этого положения, отраженного в знаменитой девятой статье, до сих пор ведутся ожесточенные баталии. Но сторонники хотя бы ее частичного пересмотра все еще в меньшинстве.

Целая группа государственных праздников отражает интересы различных возрастных категорий населения — детей, юношей, стариков. День детей проводится, как и старый традиционный Праздник мальчиков, 5 мая. Это — один из самых любимых и почитаемых японцами праздников: он способствовал формированию национального характера, воспитывая с детского возраста храбрость, упорство и мужество. Начиная с этого дня в течение недели в культурных центрах, школах, детских садах по всей стране устраиваются всевозможные мероприятия для детей.

В проведении Дня совершеннолетних (15 января) и Дня почитания престарелых (15 сентября) огромная роль принадлежит органам местного самоуправления. Для молодежи (достигшей к этому дню совершеннолетия — 20 лет) в муниципальных культурных центрах устраиваются приемы, затем совершается паломничество в ближайшие храмы, а потом уже устраиваются различные соревнования, конкурсы, развлечения и обязательно преподносятся памятные подарки.

День почитания престарелых отмечается с 1965 г. Моральной основой этого праздника служит уходящее своими корнями в конфуцианство уважение старших. В этот день и на правительственном, и муниципальном уровнях проводятся различные мероприятия. Например, старикам делают подарки, в зависимости от возраста их вручают от имени правительства или от местной администрации. Билеты в кинотеатры лицам старше 65 лет продаются со скидкой, а в арендованных помещениях устраиваются торжественные собрания с угощением.

10 октября для проведения Дня спорта было выбрано неслучайно. Это — дата открытия в 1964 г. в Токио XVIII летних Олимпийских игр, впервые в Азиатском регионе. Цель введения праздника — повышение интереса населения к физкультуре и спорту. В этот день можно бесплатно пользоваться всевозможными спортивными сооружениями, участвовать в самых разнообразных соревнованиях (в том числе по национальным видам спорта). Одновременно популяризируется движение за охрану здоровья.

Классическим примером соединения в государственном празднике древних традиций и современности служит День благодарения труду (23 ноября). Он сменил отмечавшийся с 1873 г. День приношения благодарности за хороший урожай, который в свою очередь принял эстафету у древнейшего праздника первых колосьев риса (известен с VII в.). В старину в это время богам и императору подносились рисовые колосья нового урожая. Рисоводство всегда было основой существования японского народа, поэтому с 1962 г. в День благодарения труду стали проводить Сельскохозяйственный праздник с устройством выставок даров земли, машин, орудий, удобрений — всего, что необходимо земледельцу; с вручением премий от имени императора и министра сельского, лесного и рыбного хозяйств. Теперь почитаются все виды труда, потому что для японцев труд — непреходящая жизненная ценность.

Официально правительство установило нерабочим днем первое января, но новогодние настроения царят в течение одной-двух недель. Это связано с тем, что для японцев Новый год — праздник праздников, который отмечают все без исключения. О приходе Нового года вот уже более тысячи лет возвещают 108 ударов колоколов, доносящихся из храмов по всей стране. За время существования праздника создалась

богатейшая обрядность, во многом соблюдаемая и по сей день. Учитывая традицию, государственные предприятия и учреждения, а также частные фирмы обычно предоставляют в новогодние дни рабочим и служащим отпуска для посещения родных мест, выплачивают полугодовые премии, которые тратятся преимущественно на приобретение предметов длительного пользования.

Отдавая дань традиции, правительство сохранило в календаре государственных праздников Дни весеннего и осеннего равноденствия (в марте и сентябре). Оба они тесно связаны с буддизмом и существуют с VI в. Согласно буддийским верованиям, земной и загробный миры разделены рекой. Она наполнена иллюзиями, увлечениями, страданиями, печалью. И только тот, кто победит все искушения, встречающиеся на его жизненном пути, попадет в рай, обретет просветление. Идея этого праздника — мобилизация всех сил человека на преодоление трудностей в достижении цели. Издревле его обряды связаны с почитанием предков, столь свойственным японцам. В течение недели все семьи, начиная с императорской, совершают разнообразные поминальные обряды, посещают храмы и семейные кладбища. В эти мартовские и сентябрьские дни на улицах городов и селений можно видеть много людей с цветами в руках, спешащих поклониться предкам.

Карнавальная сущность традиционных праздников вполне гармонирует с динамизмом повседневной жизни современных японцев. Символом этого динамизма стали мчащиеся по дорогам, тоннелям и мостам сотни тысяч машин и экспрессов. И даже порой не верится, что пассажиры этих «тоёв», «ниссанов», «хикари» могут часами любоваться цветущей сакурой, заниматься *икэбана* и чайной церемонией. Но любят... и занимаются...

Сакура в Японии — цветок цветов. Когда японец произносит слово «*хана*» — «цветок», то он имеет в виду сакуру; «любование цветами» — *ханами* — означает главным образом любованием сакурой. Благодаря своей красоте именно эти цветы олицетворяют совершенство и безупречность. У японцев они вызывают воспоминания об ушедшей любви и быстро промелькнувшей юности и т.д., что созвучно широко распространенным в Японии буддийским представлениям о мимолетности жизни. Поэтому, возможно, многие стихи, посвященные сакуре, проникнуты лиризмом и печалью.

Как сквозь туман вишневые цветы  
На горных склонах раннюю весною  
Белеют вдалеке,  
Так промелькнула ты,  
Но сердце все полно тобою!

Пер. А.Е.Глускиной

Белоснежные и бело-розовые облака цветущей сакуры обволакивают страну с конца марта по конец апреля. Ее в Японии можно встретить повсюду: в горных районах, по берегам рек, в городских и храмовых парках. Существует около 16 видов и примерно 400 сортов этого дерева. Раньше всех зацветают белые и розовые немахровые сорта, которые наиболее популярны среди японцев; затем наступает пора махровых. Цветение сакуры — поистине захватывающее зрелище. «Кто хоть раз имел счастье видеть необычайно пышный цвет вишневых деревьев в Японии, — пишет Э.Гессе-Вартег, — тому станет понятна любовь японцев именно к этим цветам и тот найдет вполне естественным, что японцы культивируют вишневые деревья только ради цветов, так как японские вишни не годятся для еды»<sup>1</sup>.

По свидетельству того же Гессе-Вартега, в начале века еще до наступления времени полного расцвета вишневых цветов во всех газетах появлялись своеобразные бюллетени, отмечавшие малейшие события в этой области. Помещались сообщения о цветении сакуры в том или ином районе. В настоящее время эта традиция продолжается. Большое внимание этому событию уделяет метеорологическая служба. Она занимается определением времени цветения вишни, проводя для этого специальные исследования.

Сакурой любят наслаждаться повсюду, но все же есть самые красивые, наиболее посещаемые места. Больше всего их в древних столицах Японии — городах Нара, Киото, Камакура. Здесь много прекрасных парков с большим количеством деревьев различных сортов сакуры. Вечерами цветущие деревья красиво подсвечены, что производит сильное впечатление, поэтому и поздно вечером в парках всегда многолюдно. Одно из самых достопримечательных мест, где любят сакуру, — гора Ёсино (преф.Нара), которая не раз воспевалась в поэзии.

В наши дни во время цветения сакуры царит праздничное веселое настроение. Повсюду говорят о том, куда можно поехать, что посмотреть, где находятся наиболее интересные деревья. В выходные дни или после работы японцы семьями, с друзьями, сослуживцами отправляются в парки, на берега рек полюбоваться цветущей сакурой, а заодно и весело провести время. Одним из излюбленных мест для пикников жителей Токио в это время являются берега р.Эдогава, где наряду с действительными ценителями прекрасной природы можно встретить бесшабашные компании молодежи, отплясывающей под грохот и вой транзисторов и магнитофонов. Часто после такого «любования» под прекрасными вишневыми деревьями можно обнаружить горы банок из-под пива или сока, бутылки из-под сакэ, обертки от еды, пустые сига-

---

<sup>1</sup> Гессе-Вартег Э. Япония и японцы. Жизнь и нравы современной Японии. СПб., 1904, с.265

ретные коробки и груды другого мусора. Возможно, поэтому многие истинные любители цветущей вишни отправляются посмотреть на сакуру в тихие отдаленные и сравнительно уединенные места в горах. Находятся знатоки, умеющие насладиться красотой одного дерева, ветки и даже одного цветка.

В чайной церемонии для японца соединяются воедино прекрасное и обыденное, духовное и материальное, эстетическое и прагматическое. Суть ее заключается всего в четырех иероглифах, но в них сокрыт глубокий смысл. Идея, выражаемая иероглифом «*ва*», означает гармонию — единение человека с природой, взаимную связь и поддержку друг друга. Понятие «*кэй*» — взаимоуважение, равноправие, стремление человека избегать конфликтов. Иероглиф «*сэй*» передает стремление к очищению через соприкосновение с прекрасным. Значение «*дзяку*» — тишина, спокойствие, которые нужны человеку для нормальной жизни. Эти эстетические принципы чайной церемонии остаются неизменными до сих пор, так же как и строго канонизированная форма их проявления. Чайная церемония отражает специфику японского восприятия мира, для которого свойственен синтез разнородных элементов культуры — архитектуры, садово-паркового искусства, живописи, приготовления и сервировки пищи. В Японии эта церемония — соединение воедино восприятия природы, предметов искусства, определенное созерцательное настроение, общение и творческий акт. Именно в этой стране простой обряд чаепития превратился в повсеместно сейчас известную чайную церемонию. Проникнутая духом *дзэн*-буддизма она с ее строгой регламентацией служила цели самоусовершенствования личности.

В последние десятилетия чайная церемония в ее классическом виде сохранилась в основном в чайных домиках. Но широко она проводится и в обычных помещениях (со столами и стульями) в современных отелях, универсамах, культурных центрах. Несмотря на европейский интерьер, классический ритуал тщательно сохраняется. Часто японцы устраивают эту церемонию по разным поводам и у себя дома. Иногда это просто угощение друзей чаем, но с соблюдением определенных канон. Это связано с тем, что социопсихологическому стереотипу японца, как уже говорилось, присуща приверженность к строго регламентированному выполнению социальных норм. Японец верен этому и в труде, и в отдыхе.

Таким образом, в формах и видах досуга, как и во всем бытовании японцев, органично сочетаются два направления — усвоение всех достижений современности и приверженность традициям.

## *Вместо заключения*

В последние годы в большинстве ведущих стран, и Япония не является исключением, произошли радикальные перемены в организации и функционировании общества. И это несмотря на наличие безработных, значительного числа маргиналов, разрыва в доходах крупных предпринимателей и основной массы наемных работников. Стратегия социально-го компромисса, оказалась адекватной ситуации, сложившейся в этих странах, где государственные органы взяли на себя обязанность не только поддерживать экономически господствующий класс, но и заботиться об удовлетворении основных потребностей всего общества. Другими словами капитализм здесь во многом утратил свою капиталистическую сущность, как ее определил К.Маркс. Капитализм проявляет готовность, способность к самоорганизации и саморегулированию, что обеспечивает его постоянное поступательное развитие и выход из, казалось бы, неизбежных тупиков. Причин глубоких перемен в современном демократическом обществе, связанных с функционированием общественных механизмов, механизмов саморазвития и регулирования, достаточно много.

Эти перемены связаны с включением новых социально-экономических факторов в дальнейшее стимулирование производства — стремление к повышению качества товаров и услуг, признание приоритетности интересов общества над интересами производителей. Все это ведет к эволюции всех сфер жизни общества, включая образование, культуру, досуг, что также формирует новый образ жизни и в конечном результате смягчает диспропорции и противостояние. Иначе говоря, создаются достаточно гармоничные производственные и социальные отношения. Чрезвычайно важно при этом установление многомерности целевых функций бизнеса, когда учитываются не только личные выгоды предпринимателя, краткосрочные интересы компании, но и интересы штата, округа, государства и подчас всей планеты (в частности, проблемы экологии). Именно в последние десятилетия бизнес все больше проявляет определенное самоограничение, ориентированность на поддержание стабильности и достаточно гуманное отношение к наемным работникам, ко всем гражданам общества. Можно сказать, что целевая установка современного бизнеса — не сиюминутная прибыль любой ценой, а постоянная заинтересованность в сохранении и развитии стабильного динамичного рынка, в укоренении в политической жизни идей неоконсерватизма. Наиболее ярко это проявляется в Японии.

Более высокие, чем в других развитых странах, показатели экономического роста, активное проникновение японского капитала в экономику других стран, расширение экспорта товаров, постоянное преиму-

щество в освоении новых технологий в определенной степени дают возможность ряду специалистов рассматривать Японию как образец для подражания быстро развивающимся странам.

Достаточно высокий уровень социального партнерства в японском обществе — совокупный результат взаимодействия разнородных факторов, которые срабатывают именно в этой стране. Прежде всего — своеобразие самого общества, сложившегося под влиянием островного положения, природных условий страны, ее истории, знавшей периоды изоляции и ускоренной модернизации, а также социопсихологические особенности японцев, сформировавшиеся под воздействием синтоизма, буддизма и конфуцианства, этническая однородность нации.

Анализ функционирования японского общества на протяжении примерно полутора веков предоставляет возможность сделать некоторые выводы и обобщения. Они касаются не только магистральных направлений его развития, но и отдельных аспектов жизнедеятельности. За рассматриваемый период страна дважды меняла модель своего развития, что самым революционным образом сказалось на ее судьбе. В обоих случаях она осуществлялась на базе эндогенных факторов при сильном воздействии экзогенных. В первом случае это было насильственное открытие страны в середине XIX в., во втором — поражение во второй мировой войне.

Успешному осуществлению модернизации способствовали правящие круги, сделавшие ее приоритетом национальной политики. Это обеспечивало масштабность и быстроту ее проведения, что придавало динамизм всему обществу. Такая политика была адекватна ситуации в стране и в мире. Она была необходима для сохранения независимости страны и обретения своего места в мировом сообществе. Так было и в послеэмэйдзийскую эпоху и в послевоенные годы. Цель была одна на обоих этапах, но пути к ней были разные: милитаристский и демократический. Развитие страны в условиях милитаризма и тоталитаризма не могло не привести к катастрофическому концу. Пассионарность правящей элиты и под ее влиянием всего населения была столь велика, что последствия не были просчитаны. Развитие же в условиях демократии, когда правящие круги сумели разработать стратегию и тактику социально-экономического развития, обеспечили появление знаменитого японского феномена.

Послеэмэйдзийская модернизация помогла Японии в экономическом отношении приблизиться к развитым в то время странам Запада. Однако ее милитаристская направленность и тоталитарный режим накладывали серьезный отпечаток на ее политический и социальный климат. По этим показателям ее ни в коей мере нельзя было даже сравнивать с этими странами. В целом (не считая короткого периода начала 20-х

годов) соблюдалась лишь форма современного общества, а содержание оставалось во многом с пережитками прошлого.

Послевоенная модернизация коренным образом изменила не только экономическую, но и социально-политическую ситуацию в стране. Япония стала полноправным членом модернизированных обществ. Причины огромных успехов Японии в условиях развития по мирной демократической модели лежат в динамизме и эффективности экономики, в высокой степени ее адаптивности к постоянно меняющимся условиям. Они являются в значительной степени следствием гибкого государственного регулирования, умения добиваться консенсуса, обеспечения социальной стабильности общества, способности государства приспосабливаться к международному окружению. К этим причинам надо также добавить успешное использование человеческого фактора. К нему относится весь комплекс проблем, связанный с условиями труда, трудовыми отношениями, бытом наемного работника.

Выходом на передовые рубежи в мире Япония не в малой степени обязана использованию именно этого фактора, который сложился на основе межличностных отношений с их коллективизмом и взаимопомощью, стремлением к знаниям, гуманной моделью поведения, чувством долга, что успешно соединилось с идеологией и нормами нравственности Запада. Грандиозные успехи в экономике привели в наши дни к глубочайшим изменениям образа и качества жизни японцев, хотя они все еще не адекватны ее экономическому потенциалу. Решение этой проблемы — насущная задача современной Японии, одна из составляющих стратегии развития ее на пути в XXI в.

В то же время следует признать, что новая модель развития стала возможной только в уникальных в истории человечества условиях, когда в течение более полувека не было мировых войн. А в Японии военным расходам не только не отдавался приоритет, но они вообще не составляли какой-либо серьезной доли ВВП страны. Надо также подчеркнуть, что необходимым условием развития по японской модели предстает демократический характер государства, помноженный на дисциплинированность, организованность и трудолюбие народа.

Однако опыт Японии показывает, что модернизация отнюдь не ведет к созданию унифицированной модели цивилизации, к превращению традиционного общества в западное, под чем обычно понималась суть процесса модернизации. Став высокоразвитым обществом со многими характеристиками западного, Япония отнюдь не превратилась и не превратится полностью в такое общество. Это объясняется тем, что японцы никогда не прерывают исторический процесс, ни от чего не отказываются в своей истории, сохраняют преемственность, оставаясь верными в целом своим традициям. Все заимствованное вплетается в контекст собственного существования, но безусловно адаптируясь к

местным условиям. В этой связи невольно на память приходят слова замечательного русского поэта и писателя Сергея Спасского:

Все вобрать,  
Все чужое постичь, не извне,  
Всех кровей чуждых жар,  
Всех народов геройство,  
И остаться собой  
При любой новизне.

Можно сказать, что более чем столетняя эволюция японского общества позволяет проследить превращение страны из «отшельника в экономическую супердержаву», использующую все богатства международного сообщества, умело сочетающую общечеловеческие и традиционные ценности и в эпоху интернационализации стремящуюся уже распространить свою цивилизацию на другие народы.

## *Глоссарий*

- АМАЭ** — норма межличностных отношений, отражающая стремление слабого получить поддержку сильного (первоначально — матери, затем — вышестоящего по должности лица).
- БАЦУ** — клан, фракция, группа, клика.
- БОДАЙДЗИ** — буддийский храм для мемориальной службы.
- БОН** — праздник День поминовения.
- БОНСАЙ** — искусство выращивания карликовых деревьев.
- БУНКЭ** — боковые линии большой семьи.
- БУРАКУКАЙ** — собрание жителей деревни (бураку).
- БУСИДО** — кодекс самурайской чести.
- БУЦУДАН** — домашний буддийский алтарь.
- ВА** — понятие гармонии.
- ВАЁ СЭТТЮ** — понятие, передающее сочетание японского и западного стилей.
- ВАКОН-ЁСАЙ** — устойчивое словосочетание, означающее соединение японского духа с западной техникой.
- ВАСИКИ** — японский стиль.
- ГИРИ** — норма межличностных отношений, означающая социальное обязательство. Предусматривает этические требования к поведению личности, соблюдение ритуала выполнения долга, предписаний и благодарности.
- ГАКУБАЦУ** — объединение выпускников одного высшего учебного заведения.
- ГОНИНГУМИ** — старая административная единица, пятидворка.
- ГУМБАЦУ** — военные круги.
- ГЭТА** — японская национальная обувь (деревянные сандалии на высоких подставках).
- ДАЙМЁ** — феодал.
- ДАНТИ** — микрорайоны из панельно-блоковых домов европейской постройки.
- ДЗАБУТОН** — подушка для сидения на полу.
- ДЗАЙБАЦУ** — финансовые круги.
- ДЗЁИ** — лозунг антииностранного движения середины XIX в. (досл.: изгнание варваров).
- ДЗИНГУ** — синтоистский храм, связанный с императорской фамилией.

**ДЗИНЗЯ** — синтоистский храм.

**ДЗИЦУГАКУ** — философское течение, опирающееся на достижения прикладных наук.

**ДЗИЮ** — свобода.

**ДЗЭН-БУДДИЗМ** — школа японского буддизма, получившая широкое распространение в XII-XIII вв.. Особенность ее — усиленное подчеркивание роли медитации и других видов психотренинга в достижении просветления (сатори).

**ДОДЗОКУ** — квазисемейная система.

**ЁТИЭН** — детский сад.

**ИНКИ** — региональные союзы в средневековой Японии.

**ИКЭБАНА** — искусство аранжировки цветов.

**ИНЬ-ЯН** — единство противоположностей, учение о темном и светлом началах, краеугольный камень китайской натурфилософии.

**ИСИН** — реставрация, обновление.

**ИТИРЮ** — понятие первоклассного или перворазрядного, например, учебного заведения.

**ИЭ** — семья, дом.

**КАБУКИ** — традиционный классический театр, в котором даются музыкально-драматические представления. Исполнение строго канонизировано. Женские роли исполняются мужчинами.

**КАКЭМОНО** — картина в форме свитка.

**КАМИ** — божества японской национальной религии синто.

**КАМИДАНА** — домашний синтоистский алтарь.

**КАНСАЙ-ВАКОН** — словосочетание, озаачающее китайскую ученость и японский дух.

**КАРАОКЭ** — любительское пение под музыку оркестра, записанную на кассету или лазерный диск.

**КАТА** — понятие формы, стандарта.

**КЁГЭН** — средневековый фарс.

**КИГЭНСЭЦУ** — праздник День основания империи.

**КИТОДЗИ** — буддийский храм для отправления семейных ритуалов.

**КОБАН** — полицейская будка.

**КОГИ ЁРОН** — норма поведения самураев, означающая уважение общественного мнения.

**КОДО** — «путь древних» (теологическое учение о божественном происхождении Японии).

**КОДОСЮГИ** — идеологическое учение, в центре которого стоит император.

КОКУГАКУХА — Школа национальных наук.

КОКУТАЙ — «государственный организм». Основное понятие концепции уникальности японской государственности.

КОМЬЮНИТИ КАЙГИ — собрание жителей локального общества.

КОНЭ — связи (от английского слова connection).

КОСИН — даосский культ обезьяны, связан с продолжительностью человеческой жизни.

КОЭНКАЙ — ассоциация поддержки.

КОХАЙ — младший по возрасту, званию.

КЭ — повседневная пища (буддийское понятие).

КЭЙ — понятие взаимоуважения, равноправия, стремления избегать конфликтов.

КЭЙБАЦУ — группы, связанные брачными отношениями.

КЭНКОКУ КИНЭН-НО ХИ — праздник День основания государства.

МА — понятие пространства.

МАДЗЯН — китайская настольная игра в кости.

МАЙХОМУСЮГИ — концепция «мой дом — моя крепость».

МАТИ — небольшой город, квартал города.

МАЦУРИ — праздник.

МОН — ворота перед буддийским храмом.

НАГАЯ — длинный дом, тип постройки в средневековом японском городе.

НАРЭАИ — соглашение, согласие.

НИККЭЙРЭН — Федерация предпринимательских организаций.

НИНДЗЁ — норма межличностных отношений, отражающая теплые человеческие чувства.

НИРВАНА — состояние высшего блаженства, покоя в буддизме.

НИХОДЗИН РОН (теория японизма)

НИХОН-НО МОНО (японизм)

НИХОНСЮГИ (японизм)

НИХОН СЭЙСИН (японский дух)

Понятия, передающие чувство превосходства японского государства и японцев.

НЭМАВАСИ — традиционная норма принятия решений на основе согласования позиций по возможности максимального числа лиц.

ОКАСИЙ — странный, необычный.

ОМОТЭ-УРА — норма межличностных отношений внутри группы и вне ее по типу внешний-внутренний.

ОН — норма межличностных отношений, вознаграждение за благодеяние.

ОЯБУН-КОБУН  
ОЯКАТА-КОКАТА | норма межличностных отношений старшего и младшего по возрасту или положению (досл.: родителей-детей).

ОЯ КОКО — понятие сыновней почтительности.

ПАТИНКО — игральные автоматы, нечто среднее между бильярдом и рулеткой.

РАНГАКУ — голландские науки, так назывались все европейские знания, проникающие в Японию в XVIII — нач. XIX вв.

РЁКАН — японская традиционная гостиница с раздвижными стенами, циновками на полу, обозначением комнат названиями цветов или деревьев, национальной ванной и пр., в настоящее время оснащенная всеми современными удобствами.

РИНГИ СЭЙДО — метод принятия решений по предварительному согласованию со всеми низовыми звеньями и заинтересованными сторонами.

САЙСЭЙ ИТТИ — принцип единства ритуала и управления.

САТОРИ — понятие внутреннего просветления в буддизме.

СИМЭНАВА — веревка из рисовой соломы, используемая в синтоистских ритуалах очищения.

СИНТО — японская национальная религия.

СИТАМАТИ — нижний город в старину.

СИНКАНСЭН — название современных суперэкспрессов (досл.: новая колея).

СО — общинные организации в средневековой Японии.

СУМО — национальный вид борьбы.

СЭЙЁСИКИ — западный стиль.

СЭМПАЙ — старший по возрасту или положению.

СЭНСЭЙ — учитель, используется также как уважительное обращение.

СЯКАЙ — общество.

ТАЙГИ МЭЙБУ — концепция долга и обязанностей подчиненных.

ТАТАМИ — соломенные маты.

ТАТЭМАЗ-ХОННЭ — норма поведения с малознакомыми и близкими людьми.

ТЁ — квартал.

ТЁКАЙ, ТЁНАЙКАЙ — собрание жителей квартала.

ТИИКИ СЯКАЙ — локальное общество.

ТОЁ ДОТОКУ-СЭЙЁ ГИДЗЮЦУ — понятие восточная мораль-западная техника.

ТОРИИ — ворота перед синтоистским храмом.

ТЯ-НО Ю — чайная церемония.

УДЗИГАМИ — бог-покровитель семьи или местности.

УДОН — японская лапша, приготавливаемая главным образом из пшеничной муки.

УТИ-СОТО — норма межличностных отношений, означающая принадлежность к той или иной группе (досл.: внутренний-внешний).

УДЗИКО — прихожане синтоистского храма.

ФУДО — досл.: климат и состояние нравов.

ФУКОКУ-КЁХЭЙ — лозунг середины XIX в., направленный на сохранение национальной независимости (досл.: богатая страна и сильная армия).

ФУРО — японская ванна, квадратной или бочкообразной формы, в которую погружаются до подбородка в горячую воду (42°).

ФУРУСАТО — малая родина.

ХАБАЦУ — фракция.

ХАМБАЦУ — клановые группы.

ХАРЭ — очищающая пища (буддийское понятие).

ХИ-НО МАРУ — японский флаг: красный шар на белом фоне.

ХИГАН — (досл.: другой берег) — название двух недель, на которые приходятся Дни весеннего и осеннего равноденствия; в это время в соответствии с канонами японского буддизма проводятся мемориальные службы.

ХАЙВЭЙ — скоростная автострада.

ХОИКУЭН — дневные детские центры.

ХОНКЭ — главная семья.

ХОННЭ — см. ТАТЭМАЭ-ХОННЭ.

ЭННИТИ — праздник-ярмарка в торговых рядах.

ЮКАТА — легкое хлопчатобумажное кимоно.

ЯКУДЗА — японская мафия.

ЯМАТО — древнее название Японии.

ЯМАТОДАМАСИЙ — дух Ямато, японский дух.

# ***Библиография***

## **На русском языке**

- Андриевская Н. Как живут японцы. М., 1924.
- Арутюнов С.А. Современный быт японцев. М., 1968.
- Арутюнов С.А., Светлов Г.Е. Старые и новые боги Японии. М., 1968.
- Барулин В.С. Социальная жизнь общества. М., 1987.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Бельсор А. Японское общество. СПб., 1905.
- Берндт Ю. Лики Японии. М., 1988.
- Берталанфи Л. Общая теория систем — критический обзор. Л., 1969.
- Бершадский Р. От первого лица. М., 1967.
- Буддизм в Японии. М., 1993.
- Бурлюк Д. По Тихому океану. Из жизни современной Японии. Нью-Йорк, 1927.
- Вебер К.Т. Япония — сейчас. СПб., 1906.
- Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- Вениаминов И.Г. Религия и христианство в Японии. СПб., 1905.
- Венюков М.И. Путешествие по Приамурью, Китаю, Японии. Хабаровск, 1970.
- Виленский-Сибиряков В.Д. Япония. М., 1923.
- Воейков А. И. Очерки из путешествия по Японии. СПб., 1878.
- Войтоловский Л. У японцев. Пг.-М., 1924.
- Воробьев М.В. Япония в III-VII вв. М., 1980.
- Востоков Г. Общественный, домашний и религиозный быт Японии. «Япония и ее обитатели». Спб., 1904.
- Высшая школа Японии и ее реформа в 70-е годы. 1975. Научно-аналитический обзор. М., 1975.
- Газенко В. Концепция власти в итальянской политологии рубежа XIX-XX в. М., 1988 (депонент).
- Генон Р. Кризис современного мира. М., 1992.
- Гессе-Вартег Э. Япония и японцы. Жизнь и нравы современной Японии. СПб., 1904.
- Головнин В.М.. Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах и жизнеописание автора. Ч. 1-3, СПб., 1851.
- Горегляд В.Н. Ки-но Цураюки. М., 1983.
- Гражданские движения в Японии. Научно-аналитический обзор. М., 1975.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1989.
- Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. М., 1993,
- Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993.
- Де Воллан Г. В стране восходящего солнца. Спб., 1903.

- Денисов Ю.Д. Основные проблемы научно-технического прогресса в современной Японии. М., 1987
- Денисов Ю.Д. Информационные ресурсы в японской экономике. М., 1991.
- Дугин А. Консервативная революция. М., 1994.
- «Дух Ямато» в прошлом и настоящем. М., 1989.
- Ефимов М.Б. Японские вертикали. М., 1987.
- Загорский А. В. Япония и Китай. Пути общественного развития в оценке японской историографии. М., 1991.
- Иванов В.Н. Социология сегодня. Опыт и проблемы социологических исследований. М., 1989.
- Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1985.
- Из истории общественной мысли Японии. ХУП-ХІХ в. М., 1990.
- Интернационализация Японии: внутренние аспекты. М., 1993.
- Иэнага С. История японской культуры. М., 1972.
- Келлерман Б. Страна хризантем. Л.-М., 1924.
- Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720-1830. М., 1972.
- Киплинг Р. От моря до моря. М., 1983.
- Классическая японская проза XI-XIV вв. М., 1988.
- Клаузевиц. О войне. М., 1934.
- Кодзай Ё. Современная философия. Заметки о «Духе Ямато». М., 1974.
- Кодзики. Записи о деяниях древности. Санкт-Петербург, 1994.
- Коен Дж. Б. Военная экономика Японии. М., 1951.
- Козловский Ю.Б. Современная буржуазная философия в Японии. М., 1977.
- Конрад Н.И. Очерки истории культуры средневековой Японии. М., 1980.
- Конрад Н.И. Япония. Литература. М., 1984.
- Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках. М., 1991.
- Корнилов М.Н. Японская национальная психология. Научно-аналитический обзор. 1981.
- Корш Е.Ф. Япония и японцы. «Современник». Т. 35, отд. 2. 1852.
- Латышев И.А. Семейная жизнь японцев. М., 1985.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 24. Критические заметки по национальному вопросу.
- Лиф Ш. Война и экономика Японии. М., 1940.
- Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.
- Макаренко В.В. Общее и особенное в генезисе японского капитализма. 1868-1914. Автореферат кан. диссер. М., 1985.
- Мараини Ф. Япония. Образы и традиции. М., 1980.
- Маркарян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии. М., 1990.
- Михайлова Ю.Д. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество. М., 1988.
- Михайлова Ю.Д. Общественно-политическая мысль Японии. М., 1991.
- Молодякова Э.В. Профсоюзы и общество. М., 1994.
- Морита А. Сделано в Японии. М., 1990.
- Моритани М. Современная технология и экономическое развитие. М., 1986.

- Моритомо Т. Большая банковская война. М., 1981.
- Нагата Х. История философской мысли в Японии. М., 1981.
- Норито. Сэмми. М., 1991.
- Пинус Е.М. Средневековые военно-феодалные эпопеи Японии - гунки (XIII-XIV вв.), — в кн. «Памяти И.Ю.Крачковского». Л., 1958.
- Поздняков Н.Н.Геополитика. М., 1995.
- Поспелов Б.В. Идеологические течения современной Японии. Критический анализ. М., 1988.
- Пунин Н.Н. Японская гравюра. - «Аполлон», 1915, № 6-7.
- Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.-Л., 1947.
- Рамзес В.Б. Личное потребление в Японии. М., 1985.
- Розенберг О. О. Труды по буддизму. М., 1991.
- Сакаия Т. Что такое Япония? М., 1992.
- Современная Япония. М., 1973.
- Современные концепции уровня, качества и образа жизни. М., 1978.
- Соловьев В. С. Собрание сочинений. СПб., б/г, т.6.
- Социально-политические аспекты концепции качества жизни. Реф. сборник. М., 1975, 1977.
- Социология. М., 1990.
- Танидзаки Дз. Избранные произведения. Т.1. М., 1986.
- Тимонина И.Л. Япония. Экономика и окружающая среда. М., 1988.
- Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989.
- Уэмура Н. Один на один с севером. М., 1983.
- Федоров М. Япония и японцы. Страна, религиозный, государственный, общественный и домашний быт японцев. СПб., 1905.
- Фотеева Е.В. Семья в современном буржуазном мире. М., 1988.
- Цуцуми С. Пути перемен. М., 1982.
- Человек и мир в японской культуре. М., 1985.
- Чемберлен. Вся Япония. СПб., 1905.
- Шестунов Н. Вдоль по Японии. СПб., 1882.
- Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
- Эволюция политической системы Японии. М., 1995.
- Элиаде М. Космос и история. М., 1987.
- Эрстрем К.. Бамбуковый фонарь. М., 1981.
- Япония. Ежегодник. М., 1973-1993.
- Япония. Лики страны в разные времена. М., 1994.
- Япония и мировое сообщество. М., 1994.
- Япония. Смена модели экономического роста. М., 1990.
- Япония. Справочник. М., 1992.
- Япония. Экономика, общество и научно-технический прогресс. М., 1988.

- Аида Ю. Нихондзин-но васурэмоно (О чем забывают японцы). Токио, 1974.
- Айда Ю. Нихон-но фудо то бунка (Обычаи и культура Японии). Токио, 1974.
- Араи К. Нихон-о сутэро (Изменения традиционных социальных структур в современной Японии). Токио, 1986.
- Бунка-но нака-но нингэн (Человек и культура). Токио, 1989.
- Вагацума Х. Нихондзин то амэрикадзин. Коко-га о тигаи (Японцы и американцы. Что их отличает.). Токио, 1985.
- Гэндай нихон сякай (Современное японское общество). Токио, 1991-1992, т. 1-7.
- Ёмиури нэнкан (Ежегодник Ёмиури). Токио, 1955.
- Ёсино С. Сэйкацу ёсики-но рирон (Теория образа жизни). Токио, 1980.
- Ий онна барансу (Стабилизирующее влияние женщин в обществе), Токио, 1992.
- Какэй сёхи-но дока тёса (Динамика семейного бюджета Японии). Токио, 1988.
- Като Х. Сюдзоку-но сякайгаку (Социология обычаев и обрядов). Токио, 1979.
- Кёдай кигё тайсэй то симин сэйкацу (Крупные предприятия и жизнь населения). Киото, 1992.
- Кида М. Нихон бунка-но контэй-ни хисому моно (Что скрыто в японской культуре). Токио, 1956.
- Кокумин-но исики то ниидзу (Сознание и потребности народа). Токио, 1991.
- Комюникисён-но кодзо (Структура коммуникаций). Токио, 1993.
- Мацуо Н., Мацуо М. Онна то отоко-но вакингу райфу (Трудовая жизнь японцев). Осака, 1985.
- Маюми Ц. Синто-но сэкай (Мир синто). Осака.
- Мори Р. Икиру-тамэ-но буккё (Буддизм для жизни). Токио, 1966.
- Одзаки М. Нихон сихонсюги-но кёикудзо (Японское образование в условиях капитализма). Токио, 1991.
- Наканэ Т. Нихондзин то нихон сякай но токусюсэй ни цуйтэ (Японцы и специфика японского общества). Токио, 1972.
- Нихон кокусэй дзуэ (Япония в диаграммах и цифрах). 1988 1992, 1993, 1994.
- Нихон но катэй (Японская семья). Токио, 1980.
- Нихон-но хакусё. Вага куни-но гэндзё то кадай (Белая книга Японии. Нынешнее состояние и задачи нашей страны). Токио, 1993.
- Нихон ногё нэнкан (Японский сельскохозяйственный ежегодник). Токио, 1994.
- Нихондзин-но сэйкацу то бунка (Быт и культура японцев). Токио, 1984.
- Ногё хакусё фудзоку токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по сельскому хозяйству). Токио, 1990, 1993.
- Норинсё токэйхё (Статистический справочник министерства сельского и лесного хозяйства). Токио, 1967.
- Сакамото К. Кокка синто кэйсэй катэй-но кэнкю (Исследование процесса формирования государственного синто). Токио, 1994.

- Сакамото К. Мэйдзи исин то кокугакуся (Реставрация Мэйзи и обществоведы). Токио, 1993.
- Симин нозн (Занятие горожан сельским хозяйством), Токио, 1987.
- Сэн С. Тя-но сэйсин (Дух чайной церемонии). Токио, 1973.
- Сэнго сэдэй-но катикан хэнка то кодо ёсики-но хэнъё (Изменение ценностных ориентаций и политического поведения послевоенного поколения японцев). Токио, 1988.
- Сякай кёйку-но хонсицу то кадай (Сущность и задачи социального воспитания). Киото, 1989.
- Такасима Дз. Сякай кагаку кихон ёго дзитэн (Словарь основных терминов, употребляемых в социологии). Токио, 1962.
- Такэути Х. Сёва кэйдзайси (История экономики периода Сёва). Токио, 1988.
- Тобата С., Уно К. Нихон сихонсюги то ногё (Японский капитализм и сельское хозяйство). Токио, 1959.
- Токио. Диснейрандо (Токио. Диснейлэнд). Токио, 1987.
- Урабэ К. Нихонтэки кэйэй о кангаэру (Размышления о японском менеджменте). Токио, 1978.
- Уэяма С. Нихон-но сисо. (Японская мысль). Токио, 1971.
- Фудзита В. Родо кумиай ундо-но тэнкай (Изменения в профсоюзном движении). Токио, 1967.
- Фукутакэ Т. Нихон носон но сякай мондай (Социальные проблемы японской деревни). Токио, 1969.
- Фукутакэ Т. Гэндай нихон сякайрон (Современное японское общество). Токио, 1974.
- Фукутакэ Т. Нихон но носон (Японская деревня). Токио, 1978.
- Фукутакэ Т. Нихон сякай-но кодзо (Структура японского общества). Токио, 1981.
- Хаттори Т. Нихондзин-но кураси то ридзуму (Стиль и ритм жизни японца). Токио, 1974.
- Цуруми Т., Хосино Ё. Нихондзин-но икиката (Образ жизни японцев). Токио, 1966.
- Ямамото С. Нихондзин-ва нани ка? (Кто такие японцы?). Т. I, II. Токио, 1989.
- Янагида К. Бунруй сайси сюдзоку гои (Японские праздники и обряды). Токио, 1969.
- Янаихара Т. Киндай нихон сёси (Краткий очерк современной истории Японии). Токио, 1952.
- Allen G.C. A short Economic History of Modern Japan. London., 1984.
- Ashkenasi A. Nationalism and National Identity. Berlin, 1990.
- Aspects of Social Change in Modern Japan. Princeton, 1967.
- Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword. 1985.
- Berger P.L. Capitalism Revolution. Fifty Proposition about Prosperity, Equality and Liberty. New-York, 1986.

- Bernsteine G.L. Haruko's World: a Japanese Farm Woman and New Community. Stanford, 1983.
- Berque A. Le Sauvage et L'artifice: Les japonais devant la nature. Paris, 1986.
- Bestor T.C. Neighbourhood.. Tokyo. Stanford, 1989.
- Buck P. S. The people of Japan. London, 1968.
- Campbell J.C. How Policies Change: the Japanese Goverment and the Aging Society, 1992.
- Changing Japanese Attitudes towards Modernization. Tokyo, 1982.
- Chapman W. Inviting Japan: The Making of Postwar Civilization. New-York, 1991.
- Christopher R.C. The Japanese. New-York, 1983,
- Curtis G. Election Campaigning Japanese Style. New-York, 1971.
- Dale P.N. The Myth of Japanese uniqueness. London, 1986.
- Davis W. The New Religions and Society: Paradigms of Structure and Change. Albany, New-York, 1992.
- Dilts M. Two Japan. New-York, 1963.
- Doi T. The Anatomy of Self: the Individual versus Society. Tokyo, 1986.
- Dore R.P. Education in Tokugawa Japan. London, 1965.
- Dore R.P. Aspects of Social Change in Modern Japan. Princeton, New-York, 1967.
- Dore R. Shinohata. A portrait of a Japanese village. London, 1978.
- Eliade M. Patterns in Comparative Religion. London, New-York, 1958.
- Emmott B. Why Japan will not be Number One. London, 1990.
- Fujisawa Ch. Zen and Shinto; the Story of Japanese Philosophy. Tokyo , 1959.
- Fukutake T. Man and Society in Japan. Tokyo, 1962.
- Fukutake T. Japanese Rural Society. Ithaka, 1980.
- Fukutake T. Japanese Society Today. Tokyo, 1981.
- Fukutake T. The Japanese Social Structure. Its Evolution in the Modern Century, Tokyo, 1989.
- Hearn L. Japan and the Japanese. Tokyo, 1928.
- Hearn L. New Selection. Tokyo, 1910.
- Hearn L. An Interpretation. Tokyo, 1928.
- Hendry J. Understanding Japanese Society. 1987.
- Hendry J. Marriage in Changing Japan. Tokyo, 1986.
- Institutions for Change in Japanese Society. Berkley, 1984.
- Interim Report of the New Economic Plan. Tokyo, 1995.
- Ishida H. Social Mobility in Contemporary Japan. Stanford, 1993.
- Ishida T. Japanese Society. New-York, 1971.
- Ishida T. Japanese Political Culture. London, 1983.
- Ishida T. The Integration of Conformity and Competition. Tokyo, 1980.
- Japan. International Comparison. Tokyo, 1994.
- Japan: the Paradox of progress. New Haven-London, 1976.
- Japanese Religion. Tokyo, 1981.
- Jonson Sh. K. The Japanese through American Eyes. Tokyo, 1989.

- Kawashima Ch. Traditional houses of rural Japan. Tokyo, 1986.
- Klnoshita J. Gateway to Japan. 1990.
- Lebra T. Japanese Patterns of Behavior. Honolulu, 1976.
- Lebra T. Japanese Women. Constraint and Fulfillment. Honolulu, 1985.
- Lebra T. Japanese Culture and Behavior: Selected Reading. Honolulu, 1986.
- Leestma R. Japanese Educational Productivity. University of Michigan, 1992.
- Lynn R. Educational Achievement in Japan. Lessons for the West. Tokyo, 1988.
- Lyon L. The Community in Urban Society. Philadelphia, 1987.
- Maruyama M. Nationalism in Post-war Japan. Tokyo, 1950.
- Maruyama M. Thought and Behaviour in Modern Japanese Politics. London, 1969.
- Modernization and Stress in Japan. Leiden, 1975.
- Morioka K. Religion in Changing Japanese Society. Tokyo, 1975.
- Morse E. S. Japanese Homes and their Surroundings. Tokyo, 1992.
- Mouer E. Japanese Society, Industrialization, Internalization and Social Change. Tokyo, 1982.
- Mouer R., Sugimoto Y. Images of Japanese Society: A Study in the Social Construction of Reality. London, New-York, 1986.
- Murdock J. A History of Japan. Vol. III. New-York, 1928.
- Murthy P.A., Narasimba. The Rise of Modern Nationalism in Japan. New-Delhi, 1973.
- Nagaya T. Labour — Management relations. Tokyo, 1986.
- Nakane Ch. Japanese Society. Tokyo, 1987.
- Nippon. A Charted Survey of Japan. 1993/1995. Tokyo, 1994.
- Noma S. The Arts of Japan, 1964.
- Norbeck E. Changing Japan. Holt, 1965.
- Norbeck E. Country to city. The urbanization of Japan. Itaha, 1978.
- Onabe T. An Introduction the to Japanese history. Tokyo, 1983.
- Ono S. Shinto. Tokyo, 1995.
- Reishauer E.O. East Asia. The Great Tradition. Boston, 1960.
- Reishauer E.O. Past and Present. Tokyo, 1965.
- Reishauer E.O. Japan. The Story of a Nation. New-York, 1970.
- Reishauer E.O. The Japanese. Tokyo, 1977.
- Reishauer E.O. Tradition and Transformation, Tokyo, 1986.
- Religions Studies in Japan. Tokyo, 1959.
- Sedensky C. Winning Pachinko. Tokyo, 1991.
- Seidensticker E. This country Japan. Tokyo, 1984.
- Seidensticker E. Low City, High City. Tokyo, 1989.
- Seidensticker E. Tokyo Rising. Tokyo, 1990.
- Shively D.H. Tradition and Modernization in Japanese Culture. Pinceton, 1971.
- Smith R.J. Japanese Society: Tradition, Self and the Social Order. Cambridge, 1991.
- Social Structure and Economic Dynamics in Japan up to day, 1975.

- Storry R. The Double Patriots. A study of Japanese Nationflism. Westport, 1973.  
 The Japanese Tranjectory: Modernization and beyond. Cambridge, 1988.  
 The Japanese Working Life Profile. Statistics Aspects. Tokyo, 1989.  
 Tsurumi K. Social Change and the Individual. Japan before and after Defeat in World war II. Princeton, 1970.  
 Vogel F. Japan as No 1. Lessons for America. Tokyo, 1980.  
 Ward R. Political Development in Modern Japan. New-York, 1968.  
 Wilkinson E. Misunderstanding: Europe versus. Japan, Tokyo, 1982.  
 Wolferen V.K. The Enigma of Japanese Power. London, 1989.  
 Women in Changing Japan. Stanford, 1986.  
 Work and lifecost in Japan. New-York, 1983.  
 Yanagida K. About our Ancestors. The Japanese Family System. Tokyo, 1970.  
 Yanagida K. Japanese Manners and Customs in the Meiji Era. Tokyo, 1957.

### **Периодическая печать**

- Аполлон, 1915, № 6-7.  
 Вопросы философии, 1991, 1993.  
 Ежемесячная информация. Информационный отдел посольства Японии, 1993.  
 Звезда, 1990.  
 Иностранная литература, 1993.  
 Мировая экономика и международные отношения, 1991.  
 Общественные науки за рубежом. Серия 9. 1982, 1986, 1988, 1990.  
 Проблемы Дальнего Востока, 1991.  
 Проблемы современной Японии. Социология. РЖ, выл. ХП, М., 1975.  
 Элементы, 1993.  
 Япония. О себе и мире. Дайджест, 1993, 1994.  
 Асахи симбун, 1991-1994.  
 Даймондо, 1956, № 44.  
 Ёмиури симбун, 1989.  
 Кёдо кумиай кэйэй кэнкю гэкко, 1990.  
 Нихон кэйдзай кэнкю. Токио, 1990.  
 Нихон родо кёкай дзасси, 1989.  
 Ногё сого кэнкю, 1960.  
 Норин токэй тёса, 1986.  
 Сэкай, 1988.  
 Сякайсёги, 1986.  
 Asahi Evening News, 1991-1994.  
 The Daily Yomiuri, 1985, 1994.  
 The Japan Economic Journal. 1987, 1988, 1989, 1990.  
 The Japan Times. 1987-1994.  
 Journal of Japanese Trade and Industry. 1991.  
 The Nikkei Weekly. 1995, 1996.

## *Summary*

Today, when different nations strive to declare their ethnic uniqueness, it is of great interest to study the formation of the Japanese nation and society, first of all in connection with the great success of this nation in many areas.

First of all it is necessary to mention the peculiarity of society itself developed due to the influence of island geographical situation, natural conditions, historical factors such as periods of isolation and accelerated modernisation, as well as sociopsychological peculiarities of the Japanese formed due to interaction of Synthoism, Buddhism and Confucianism, ethnical homogeneity of the nation.

There is a lot of historical and research data, which, it seems, must give full picture of the formation of the Japanese nation and society. But up to now there is no comprehensive picture of this process, its basis and moving forces.

It is possible to solve this problem on the basis of systematic method, which was used for the first time by russian scientist L.N.Gumilov for analysis of the origin and development of nations. This method can be also used for the study of society. According to this method, there are two types of systems: rigid and discrete (corpuscular). These systems may be open or closed. So we have four variants of systems: rigid open system, rigid closed system, discrete open system and discrete closed system. But, of course, each system doesn't exist in a pure form in any society. The Japanese nation and society can be approximately described as the closed discrete system. In this case there is no rigid connection between all elements, which, nevertheless, need each other.

The analysis of the Japanese society functioning on the threshold of the 21 century based on a few parameter gives a chance to make some conclusions and generalisation. They deal not only with the basic directions of the society's development, but also with some aspects of its life.

The base for all the changes which happened in the country by the end of this century is the process of modernisation which started with restoration of Meiji. The activity of the ruling classes has always made for the success of modernisation as it has been considered a priority of the national policy. This provided for a large scale rapid modernisation thus the whole society was becoming dynamic. Such policy was fair for the situation in the country and the world. It was necessary for keeping Japan independent and its acquisition of its own place in the world community. This is characteristic of both after-meiji period and afterwar years. Both stages had the same aim but the ways of its achievement were different: military and democratic. The country's development under militarism and

totalitarianism could lead to nothing else but catastrophic end. The ruling elite and, under its influence, all the population was so passionate that the consequences were not foreseen. The development under democratic conditions when the ruling circles have managed to work out the strategy and tactics of social and economic development has provided for the famous Japanese phenomenon.

Aftermeiji modernisation helped Japan at the time to catch up with the then developed Western countries. However, its military orientation and totalitarian regime gave a serious imprint on its political and social climate. In these respects Japan couldn't be even compared with the developed Western countries. On the whole (excluding the short period of the 20s) Japan was a modern society only in the form, its essence being with a great lot of the past survivals. Afterwar modernisation fundamentally changed both economic social and political situation in the country. Japan became a full member of the modernised societies.

The reasons for great success of Japan in development according to peaceful democratic model lie in the dynamism and effectiveness of the Japanese economy, in the high extent of its adjustment to the constantly changing environment. They are to a large extent the consequence of a flexible state regulation, the ability to reach a consensus, the provision of the social stability in a society, the capability of the state to adjust to the international environment. The successful use of the human factor should be also added to the above. The human factor is the whole bunch of problems dealing with labour conditions, labour relations, family life of the employee. The role of exactly this factor in Japan's advanced achievements in the world should be in no way diminished. The human factor has been formed on the basis of interpersonal relations with inherent in them collectivism and mutual assistance, pursuit of knowledge, humane model of behaviour, sense of responsibility, and that all successfully united with the ideology and moral standards of the West. The great achievements in economy have nowadays led to the fundamental changes in the life-style and life quality of the Japanese, though they are still not adequate to the economic potential. The decision of this problem is a vital task of modern Japan, one of the components of development strategy on its way into the 21-st century.

In accordance with the nature of the Japanese society (closed discrete system), the tradition, though is basically conservative, permits some freedom of perceiving innovations. This contributes to the constant dynamism of the society. Japan is also characterised by the evolutionary transformation of the existing traditions. The new elements are added to the old structure, coexist with it without destroying it. Subsequently these elements, transformed in the process of adaptation to the old structure, cause the transformation of the whole system. Sometimes this process

was so active, that it created the wrong impression, that the Japanese were destroying their traditions. But in reality, the Japanese society is developing not by rejecting traditional structures, but by actively using them. So it is often difficult to see, what is original and what is borrowed in the Japanese society, because everything has merged in one single unity and has gained new quality. It should be noted, that, including the culture of other countries in its traditions, Japan often managed to preserve what has later lost in these countries.

This combination of traditions can be clearly seen in the Japanese national character and in a rather harmonious system of the Japanese moral values.

For many centuries a specific character of the Japanese society development has revealed itself in popular borrowing of other civilisations' achievements, adjustment of these achievements to local conditions, organic co-existence of cultures. As a result sociopsychological aims of today and public standards and spiritual values of the Japanese have formed. The Japanese live in harmony in two different cultures. Depending on the conditions the Japanese sees no difference whether to use sticks for eating or fork and knife, whether to put on gheta or shoes, european clothes or kimono, work at the desk or write in calligraphy seating on tatami, listen to the symphonic orchestra or dzyoruri singing in Bunraku theatre, to follow exquisite performance of Kabuki actors or watch western shows, play go or seat in front of playing machines. Already two or three generations of the Japanese perceive these two cultures as home cultures not opposing one to the other.

A modern Japanese demonstrates independent life behaviour (respect to a personality) and his belonging to a certain social group; recognises strict discipline and creative character of labour; realises the importance of accumulation and establishment of aesthetic values; firmly sticks to democracy and pluralism principles, guaranteeing stability in the society although showing respect to the seniors in age and position.

The epoch of internationalisation brings along new opportunities for each nation to demonstrate its own national values both economic and social and cultural and to enrich itself with the necessary international experience. On this way it is always possible to find the free niche for the relations with the World Community with consideration of mentality and desire of nations to appraise each other's spiritual values from the position of partnership.

Научное издание

*Молодякова Эльгена Васильевна,  
Маркарьян Седя Багдасаровна*  
**Японское общество: книга перемен**

Утверждено к печати  
Институтом востоковедения РАН

Редактор *М.С.Баландина*  
Обложка художника *С.С.Петрова*

ЛР № 040753 от 10 апреля 1996 г.

Сдано в набор 14.10.96. Подписано к печати 27.11.96.  
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.  
Усл.-печ.л. 16,0. Уч.-изд.л. 17,2.  
Тираж 400 экз. Заказ №

Институт востоковедения РАН  
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Редакционно-издательский отдел  
Зав. отделом *Ю.В.Чудодеев*

При участии РИО Мособлупрполиграфиздата  
Москва, пер. Глинищевского, стр. 1

Отпечатано в полиграфическом центре компании  
«Стролизинг плюс»  
103045, Москва, Даев пер., 20